

Путь Отцов

Сергей Иосифович Фудель

Предисловие

Предисловие

«Привяжи обременную ладью твою к кораблю Отцев твоих, и они управят тебя к Иисусу, могущему даровать тебе смирение и силу, и разум, венец и веселие, аминь».

Препп. Варсонофий Великий и Иоанн пророк (В, ответ 258)

«Говорить надлежит о хорошем и тому кто не делает хорошего, чтоб, устыдясь своих слов, начал и он делать», – эти слова пр. Нила Синайского (Д II, 282) несколько оправдывают мою попытку дать в нижеизложенном некоторое вводное представление о великом пути Отцов-подвижников. Их путь есть путь евангельский, путь верных учеников Учителя. Чем больше внимаешь их словам, тем все больше вдыхаешь воздух первохристианства. Именно благодаря этой евангельской силе их слово «тоже живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого». «Чтение отеческих писаний, – говорит еп. Игнатий Брянчанинов, – по умалении Духоносных наставников, соделалось главным руководителем для желающих спастись...» (Б I, 111). «Посредством (их) чтения причащаемся живущему в святых Отцах Святому Духу» (Свт. Игнатий Брянчанинов).

Невозможно отрицать, что духовная жизнь современного человека очень трудна, и эта трудность в том, что мы, слабые и рассеянные люди, призываемся какой-то неумолимой закономерностью духовной эпохи сохранять в окружающем мире постоянную память Божию.

Конечно, всегда было опасно думать, что память о Боге должна быть только во время стояния в Церкви. Молитвы всегда должны были звучать в душе: и в церкви, и дома, и на улице. В том и заключается узкий путь христианства, что о Боге надо помнить всегда.

«Путь Божий есть ежедневный крест, – говорит св. Исаак Сирийский. – Никто не восходил на небо, живя прохладно... Путь Божий от века и от родов крестом и смертью пролагается... Такова воля Духа, чтобы возлюбленные Его пребывали в трудах» (Д II, 666–667).

Но чем больше шума и железа истории, тем все трудней сохранить в себе память Божию. И в этом сохранении наш удел, если мы хотим, чтобы «не умирала великая мысль», чтобы христианский путь в истории не прерывался. «В памяти Божией вся сила» (свт. Феофан Затворник, Ф II, 187).

«Жизнь души, – говорили Отцы, – есть непрестанное памятование и любление Бога» (преп. Антоний Великий, От. 33).

Все учение Отцов об этой жизни души.

Глава I. ПЕРВОИСТОЧНАЯ СИЛА

«Я рассудил быть у вас не знающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого».

Апостол Павел (1Кор. 2:2).

Память Божия в верующем сердце есть память любви. Только любовь к Богу может довести до Бога, а потому только она есть та первоисточная сила, которой питается сердце.

"Пребудьте в любви Моей (Ин. 15:9), – сказал Он ученикам Своим. Что значит пребывать в любви к Господу? – Значит непрестанно памятовать о Нем, непрестанно пребывать в единении с Ним по духу» (свт. Игнатий Брянчанинов. Б II, 308).

Нельзя определять память Божию только как «краткую молитву, непрестанно содержащую в уме». Это определение правильно только формально, а потому не совсем правильно.

«Память Божия, – говорит еп. Феофан Затворник, – (это) жизнь духа. Она и ревность к Богоугождению поджигает и решимость быть Божиим делает непоколебимою... Чтобы утвердился такая память, надо потрудиться над собою неленостно. Бог даст, достигнете сего. А не достигнете этого, ничего из вас не выйдет; никакого успеха в духовной жизни не получите: да ее и совсем не будет, ибо это и есть духовная жизнь» (Ф II, 181, 191).

Таким образом, руководясь словами этих двух ближайших к нам Отцов-подвижников, опытно передавших нам все наследие Отцов древних, память Божию можно определить как жизнь человеческого духа, возлюбившего своего Бога и стремящегося к постоянному единению с Ним. Это единение и эта жизнь осуществляются через исполнение Его заповедей, в особенности Его заповеди о молитве, через раскрытие в себе евангельской воли. *Если заповеди Мои соблюдете, то пребудете в любви Моей (Ин. 15:10).* «Исполнение Евангельских заповедей, – говорит еп. Игнатий Брянчанинов, – составляет собою памятование Бога. Жизнь, всецело посвященная исполнению заповедей, есть постоянное памятование Бога» (Б IV, 258–259).

«Начало непрестанного памятования Бога, – говорит он же, – уже заключается в тщательном изучении Закона Божия, во внимательном чтении Евангелия и всего Нового Завета, в чтении святых Отцов Православной Церкви» (Б IV, 258).

Краткая молитва, держащаяся вниманием ума и сердца, при

одновременном стремлении ко всему Евангелию, есть наилучшая форма искания и сохранения памяти Божией, или средство для достижения цели.

«К памяти Божией надо себя приучать, – пишет еп. Феофан Затворник, – и средство к этому – краткая молитовка, непрестанно в мысли повторяющаяся» (Ф II, 166; ср.: Ф II, 156).

«Главное, в чем надо упражняться, есть память Божия, или хождение в присутствии Божиим. Старайтесь приобретать навык всегда быть в сознании и чувстве, что находитесь под оком Божиим, проникающим всю глубину вашего сердца и все внутренние движения ваши видящим. Молитва Иисусова стоит в числе средств к успеху в навыке ходить перед Богом» (свт. Феофан Затворник. Ф IV, 3).

Но в то же самое время – постоянное повторение краткой молитвы не всегда есть память Божия: вне искреннего искания Бога всей жизнью оно будет бессильным и бесплодным покушением на невозможное. И наоборот: при формальной недостаточности произнесения краткой молитвы, из-за обстоятельств жизни в шуме и суете, но при болезненном в то же время искании Бога как бы молчащим умом – память Божия будет пребывать в любящем сердце.

Ученик Варсонофия Великого сказал ему: «(Я) целый день нахожусь в занятии, – и оно не допускает мне помнить о Боге». Старец отвечал: «Бывает, что иной много слышит о каком-либо городе, но когда случится ему войти в него, он не знает, что это тот самый город, о коем он слышал. Так и ты, брат, целый день проводишь в памяти Божией и не знаешь того. Иметь заповедь и стараться сохранить ее, как Божию, – в сем заключается и повиновение и память Божия» (Д II, 579). «Если же и не произнесешь в сердце имени Божия, – сказал он же, – а только вспомнишь о Боге, то это еще скорее призывания – и достаточно в помощь тебе» (Д II, 584). Искание и хранение памяти Божией есть исполнение первой заповеди, данной в Ветхом и со всею силою повторенною в Новом Завете, заповеди, обращенной ко всем.

«Сообразно с заповедью, – говорит св. Григорий Синаит, – должно предпочитать всему заповедь всеобъемлющую – память Божию, о коей говорится: Помни Господа Бога твоего всегда (Втор. 8:18). Ибо отчего гибнем, противоположным тому и сохранены быть можем. Губит же нас забвение Бога, мраком покрывая заповеди и обнажая нас от всякого добра». «Христианин обязан всегда иметь памятование о Боге, ибо написано: *возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего* (Втор. 6:5), то есть, не только когдаходишь в молитвенный дом, люби Господа, но и находясь в пути, и беседуя, и вкушая пищу, имей памятование о Боге,

и любовь и приверженность к Нему» (преп. Макарий Великий. Д I, 241).

Искание постоянной памяти Божией неизбежно и вскоре же приведет к постоянной молитве, как к ближайшему средству для достижения цели, но эта молитва только тогда выполнит свое назначение, когда она будет не механическим действием, а «взысканием погибших», взысканием любви, хотя бы самой ничтожной. «Больше всего к этому (к молитве), – пишет еп. Феофан в одном письме, – располагать может память о Боге, а вы еще лучше прибавили: любовь к Богу» (Ф II, 165–166).

Память Божия есть память любви.

Понятие памяти Божией уходит в глубину любви Божией. Оно так же глубоко, как понятие о самой молитве.

«Надлежит знать нам, – говорит св. Исаак Сирин, – что всякая беседа к Богу, совершаемая втайне, всякое попечение доброго ума о Боге, всякое размышление о духовном... нарицается именем молитвы, и под сим именем сводится воедино, – будешь ли разуметь различные чтения, или глас уст в славословии Богу, или заботливую печаль о Господе, или телесные поклоны, или псалмопение, или все прочее, из чего составляется весь чин подлинной молитвы, от которой рождается любовь Божия...» (Д II, 671).

На пути к совершенной памяти – любви, которая у святых рождается в совершенной молитве, много будет у несовершенного сердца «заботливой печали о Господе», и воздыханий о Его возжеленном имени, и страха потерять Его в окружающем шуме.

«...Преславное то и многовозжеленное Имя, укосневая чрез памятование о нем ума в теплом сердце, порождает в нас навык любить благостыню Его беспрепятственно...» (блаж. Диадок, Д III, 38).

«Если душа просияла памятованием о Боге и неусыпным бдением день и ночь, – говорит св. Исаак Сирин, – то Господь устроит там (внутри) к ограждению ее облако, осеняющее ее днем, и светом огненным озаряет ее ночь...» (Д II, 713). И наоборот: «Что приключается рыбе, вынутой из воды, то приключается и уму, оставившему памятование Бога и блуждающему в воспоминаниях мира сего» (преп. Исаак Сирин, От. 228). Человек, поверивший в Бога, должен жить в божественной стихии, в которую он входит через любовь – память Божию.

Нам все кажется, что наше отношение к Богу законно исчерпывается исполнением некоторых нравственных правил и прослушиванием церковных служб. Но Богу нужны не наши «правила», а наша любовь. *Милости хочу, а не жертвы (Мф. 9:13)*. Когда же в отношении нас – больных, слабых и занятых своими делами – возникает требование любви

к Богу, мы, догадываясь, что это дело гораздо труднее и страшнее, чем привычное исполнение некоторых нравственных и обрядовых норм, что это открывает перед нами иной, божественный мир, – ужасаемся и отступаем. «Это не для нас, – говорим мы, – это выше нас». Если мы будем откровенны, то скажем: «Мы этого боимся и не хотим».

«Как если, когда кто стоя в доме будто ночью при дверях и окнах, со всех сторон заключенных, – говорит преп. Симеон Новый Богослов, – отворит одно какое окно, то свет внезапно обдаст его блестящим сиянием, и он, не вынося такого сияния, тотчас закрывает очи свои, закутывается и прячется: так и когда душа, заключенная отовсюду в чувственное, взглянет как-нибудь умом своим, как сквозь окно, во внечувственное и облистается сиянием сущего внутри ее обручения Св. Духа, то не вынося блистания божественного непокровленного света, тотчас трепетать начинает умом своим, вся прячется в самую себя и убегает как бы в дом какой, под покров чувственного и человеческого» (Д V, 31). Что же мы можем и что мы хотим?

В сказаниях про Антония Великого есть такой рассказ: «Пришли однажды какие-то братья к св. Антонию и говорят ему: дай нам наставление, как спастись. Старец отвечал им: вы слышали Писание? И сего очень довольно для вас. Но они сказали: мы и от тебя, отец, хотим что-нибудь услышать. Тогда старец сказал им: в Евангелии сказано: *аще ты кто ударит в десную твою ланиту, обрати ему и другую* (Мф. 5:39). Они говорят ему: мы не можем сего сделать. Старец сказал: если вы не можете подставить другой, по крайней мере переносите удары в одну. И этого не можем, отвечали те. Если и этого не можете, сказал старец, по крайней мере, не платите ударом на удар. Братья сказали: и сего не можем. Тогда св. Антоний сказал ученику своему: приготовь им немного варева: они больны. Если вы одного не можете, а другого не хотите, то что я вам сделаю?» (Д I – 121).

Наше духовное бессилие, конечно, наполовину нами воображается для оправдания нашего бездействия. Что-то мы все-таки можем, но очень этого не хотим. Мы не хотим не только памяти Божией, но и памяти смерти. «Все чувства телесные сопротивляются вере...», – говорил бл. Диадокх (Д III, 35).

Искреннее и безусловное принятие Евангелия есть неизбежно нарушение привычных и спокойных представлений о жизни, так как Евангелие обнимает не только жизнь временную, но и жизнь вечную, между которыми лежит страшная для нас смерть. Божественный покой Евангелия достигается через великое беспокойство души о том, чтобы

этого покоя достигнуть. Вот почему Отцы настойчиво учат памяти смертной. Смерть – врата к Богу. Христианская память о ней есть уже память о Боге, внедрение в человека страха Божия. Мы, религиозные люди, очень не любим и боимся мысли о смерти, хотя сами нередко наблюдали, что как только слово или мысль о смерти возникнут, лицо человека становится серьезней и в нем возникает, хоть на минуту, желание жить как-то духовно, по-другому, тоска по какой-то неведомой или потерянной правде.

«Ничего нет страшнее памяти смертной, и дивнее памяти Божией; та вселяет спасительную печаль, а эта исполняет духовным веселием» (преп. Илия-пресвитер, Д III, 432). «Спасительная печаль» – это божественное беспокойство души. Нет иных врат к Богу. Если мы этого не поймем духовным трудом, то мы не сможем принять христианства. Для христианина память о смерти есть надежда на бессмертие.

«Будем, если можно, непрестанно памятовать о смерти, – говорит пр. Исихий Иерусалимский, – ибо от этого памятования рождается в нас отложение всех забот и сует, хранение ума и непрестанная молитва, беспристрастие к телу и омерзение ко греху...» (Д II – 192).

«Спасительная печаль» потому и спасительна, что вместо угнетающего бездействия она рождает живое духовное дело. *Печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть (2Кор. 7:10).* Она потому и спасительна, что внутри ее радость. «Стяжи чистоту в делах своих, – говорит св. Исаак Сирин, – чтобы озарялась душа твоя в молитве, и памятованием о смерти возжигалась радость в уме твоём» (Д II – 702). Дела земные не оставляются, но все становится на свое место. Оставляя испуганную многозаботливость и неверную суету, человек обретает поступь вечного существа. Он в тревоге за свою вечность, но и в надежде. Он начинает слышать иные миры, и на его голову, утомленную зрелищем земного тления, веет воздухом освобождения. Эта надежда, о которой сказал апостол, что *тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих (Рим. 8:21)*. Через память о смерти душа внимает бессмертию. Говоря о молитве в ночные часы, св. Исаак Сирин пишет: «В эти часы душа ощущает бессмертную жизнь, ощущением ее совлекается одеяние тьмы и приемлет Святаго Духа» (От. 253).

«Приемлющий тот огонь, – говорит Варсонофий Великий, – который Господь пришел *вовреци на землю (Лк. 12:49)*, не знает забвения и пленения, ибо всегда ощущает сей огонь... Если ты хочешь избавиться от забвения и пленения, то не иначе можешь того достигнуть, как стяжавши в

себе духовный огонь, ибо только от его теплоты исчезают забвение и пленение. Приобретается же огонь сей стремлением к Богу. Брат! Если сердце твое день и ночь с болезнию не будет искать Господа, ты не можешь преуспеть» (В – 223). (Ответ 274).

«Всякое делание телесное и духовное, не имеющее болезнования или труда, никогда не приносит плода проходящему его, потому что *Царствие Небесное с нуждею восприимлетсЯ*, – говорит Господь, – *и нуждницы восхищают е* (Мф. 11:12) ...Многие много лет делали или делают безболезненно, и поскольку не приболезненно поднимали и поднимают труды, то оказывались и оказываются чуждыми чистоты и непричастными Духа Святого» (преп. Григорий Синаит, Д V, 236).

«...Кто ищет Господа с болезнованием сердечным, того услышивает Он...» (пр. авва Исаия, Д I – 428).

Господь ищется «с болезнью сердца» – вот слово, объясняющее, в чем неудержимая сила пути Отцов: ищут того, кого полюбили. *Венец от терния возложиша на главу Его и трость в десницу Его* (Мф. 27:29). Поэтому сердце знает, *уязвлена есмь любовью аз* (Песн. 5:8). Так ощущали эту любовь святые.

Трудно писать о ней. Наше несовершенство совсем не нищета первой блаженной заповеди, а бессилие опустошенной души. Мы не знаем, как слушать, как хранить страшное – потому что непосильное для нас – откровение святых об их любви к Богу. Наши руки дерзки, а глаза нечисты. Иногда не понимаешь – зачем они доверили бумаге и чернилам сокровище сердца? Но они доверили и хотели, чтобы другие читали, те, «которые могут слышать и сохранять (получать) пользу и радость» (преп. Варсонофий Великий).

В христианстве есть таинства, но нет тайн или чего-нибудь утаенного. *Что говорю вам в темноте, говорите при свете; и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях* (Мф. 10:27).

А если я или другой кто неправильно или на пагубу себе примет эти слова святых, то не на эту ли же пагубу себе увидели некоторые в Галилее живое Сокровище веры – Христа? *Кто не понимает – пусть не понимает*, – сказал Апостол (1Кор. 14:38). И он же завещал нам: *Поминайте наставников ваших... и... подражайте вере их* (Евр. 13:7). Значит надо знать их веру, знать не исторический факт того, что они прожили столько-то десятков лет в правой вере, а то, в какой благодатной любви жила их живая и горячая вера. Убеждает только дыхание уст: слова, приоткрывающие духоносную жизнь святых, как приоткрытые двери в их кельи.

Св. Иоанн Лествичник говорит: «Как убогие, видя царские сокровища, еще более познают нищету свою, так и душа, читая повествования о великих добродетелях Св. Отцов, невольно еще более смиряется...» (Д II, 514). «Царские сокровища» святых не в совершении чудес или предсказаниях, что обычно ищется в их житиях. И то и другое, по словам Апостола, может быть и вне Христа. «Предсказывать – не дивное дело. Часто бывает это и от бесов...» (преп. Симеон Благоговейный, Д V, 66). «Верх святости и совершенства не в совершении чудес, но в чистоте любви. Поэтому-то отцы никогда не желали творить чудес» (преп. Кассиан, ДЧ). Царским сокровищем Отцов была их апостольская любовь к Богу – первоисточная сила души. Эта любовь была одновременно и мудростью, их ведением Бога и человека, так как только «любовь рождает знание» (свт. Григорий Нисский).

Христианство не только в истории, но и в душе человека есть явление ему Христа. История мира повторяется в душе. Это явление совершается по мере исполнения заповедей, по мере подвига человека. Но почему произошло или что предопределило явление Христа не исполнявшим заповеди мытарям и блудницам, мучителю Савлу или разбойнику на кресте? Почему толпы грешников пошли за Ним и, уже пойдя за Ним, стали исполнять заповеди? Жена Самарянка имела шесть мужей, прежде чем бросилась возвещать о Нем своему городу. Толчок в ее душе был такой, что она оставила свой водонос. *Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию (Мф. 9:13)*. «Многоцветное миро блудница смеси со слезами, и излия на пречистей нози Твои, облобызающи...» – поется на стихирах Великой Среды. Так было, так бывает и сейчас. *Прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много (Лк. 7:47)*.

Совершенная любовь, стоящая на вершине восхождения человеческого, основанием своим имеет тоже любовь – веру. От первоначальной и малой любви человек начинает восхождение к любви совершенной.

Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди (Ин. 14:15). Соблюдение заповедей здесь поставлено следствием, а не причиной любви.

«Возлюбивший Бога, – говорит пр. авва Исаия, – возгоревшийся желанием, чтобы Бог устроил в нем жилище Себе... да заботится о том, чтобы сохранять заповеди Иисуса, чтоб проводить жизнь ради Иисуса» (От. 256).

Но: *Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей (Ин. 15:10)*. Соблюдение заповедей поставлено тут условием пребывания и роста в человеке любви.

Первоначальное движение любви-веры – этот первый толчок в душе у города, «называемого Сихарь» (Ин. 4:5) – направляет человека на путь исполнения заповедей, а совершенное их исполнение возводит к любви совершенной.

«Началом же спасения и царствия небеснаго бывает для души любовь» (преп. Антоний Великий, Д I, 90). «Укажу вам дело, – говорит он же, – которое одно делает человека твердым в добре, и блюдет его таким от начала до конца, именно: любите Бога всею душою вашею, всем сердцем вашим и всем умом вашим, и ему Единому работайте. Тогда Бог даст вам силу великую и радость и все дела Божии станут для вас сладки, как мед, все труды телесные, умные занятия и бдения, и все вообще иго Божие будет для вас легко и сладко. По любви, впрочем, Своей к людям, Господь посылает иногда на них противности, чтоб не величались, но пребывали в подвиге; и они испытывают вместо мужества – отяжеление и расслабление; вместо радости – печаль, вместо покоя и тишины – волнование; вместо сладости – горечь; многое и другое подобное бывает с любящими Господа. Но борясь с этим и препобеждая, они более и более становятся крепкими. Когда же наконец совсем все это преодолеют они, тогда во всем начнет быть с ними Дух Святой...» (преп. Антоний Великий, Д I, 49–50) – в совершенной любви.

«Желающий возненавидеть мир, – пишет преп. Симеон Новый Богослов (только еще «желающий», т.е. начинающий подвиг), – из глубины души должен возлюбить Бога, и память о Нем стяжать непрестанную, ибо ничто другое, как сие, не побуждает с радостью оставить все...» (Д 5, 9).

«Внутренний наш человек каждодневно обновляется вкушением любви, в полноту же возраста приходит только вместе с полным совершенством любви» (блаж. Диадокх).

«Любовь (к Богу), – говорит о совершенной любви св. Исаак Сирин, – от молитвы (совершенной), а молитва – от пребывания в отшельничестве... Отшельничество предваряется отречением от мира... Ненависть к миру (страстей предваряется) – страхом Божиим и вожделением Бога...» (От. 249).

Вожделение Бога или начало любви к Нему, и страх Его, т.е. вера в Него, а не одна вера вне любви, лежат, по учению Отцов, в основании восхождения через подвиг к совершенной любви и совершенной вере. *Броня веры и любви (1Фес. 5:8)* есть неразрывная одежда подвижника.

Послушай, что говорит Апостол Павел: *Ныне же пребывают вера, надежда, любви, три сия: больши же сих любви (1Кор. 13:13)*. Итак,

поелику вера сочетана с надеждой, а надежда сопутствует любви – то явно, что кто не имеет любви, не имеет надежды – а кто не имеет надежды, не имеет и веры... Кто не может любить Бога, тот, конечно, не может и веровать в Него» (преп. Симеон Новый Богослов. СБ – сл. 63).

«Где нет любви, там нет веры. Вера без любви не бывает» (свт. Тихон Задонский. Т – 100). «Вера есть высочайшее благо, когда она проистекает из сердца, пламенеющего любовью» (св. Иоанн Златоуст. ЗЛ – 110).

«Любовь есть источник веры» (свт. Иоанн Лествичник. Д 5–440).

Вот почему Апостол сказал не только то, что *вера действует любовью* (Гал. 5:6), но и то, что *любовь... всему верит* (1Кор. 13:7). Путь к Богу есть постепенное возрастание в благодати Божией, верящей любви и любящей веру.

«Верую и любовию приступим, – поем мы из Литургии Преждеосвященных Даров, – да причастницы Жизни вечная будем».

«Вера (есть) начало любви» (авва Евагрий. Д I – 608). Их неразрывность в учении Отцов – залог истинности и любви, и веры. Именно при этом сочетании, о котором учат Отцы, конкретность любви не перейдет в отвлеченность альтруизма, а вера не сделается бессильной и ненужной словесностью. Только неся в себе начало любви, вера пускает в землю сердца живые и могучие корни и только в сердце, верящем в Источник любви, может быть создан для любви надежный дом. «Невозможно, чтоб в душе человека обреталась любовь Божия, когда нет в ней веры и упования» (преп. Симеон Новый Богослов. СБ II, 112).

«Любящий Бога и верует искренно, и дела веры совершает преподобно. Верующий же только, а не пребывающий в любви и самой той веры, которую кажется имеющим, не имеет... только *вера любовию действующая* (Гал. 5:6) есть великая главизна добродетелей» (блаж. Диадокх Д III, 17). Начало истинной веры есть одновременно начало любви, и только в их взаимодейственном единстве обетование истинности подвига и его восхождения к их совершенству.

У свт. Иоанна Златоуста есть такие слова: «Из всех зол человеческих один грех есть действительное зло, а не бедность, не болезнь, не обида, не злословие, не бесчестие и даже не смерть» (ЖМП, 1957, №4). Почему это так? Любовь есть забвение себя для другого. «Христос весь есть не для себя» (свт. Феофан Затворник Ф II – 192.). Он для людей «забыл себя» – *смирил Себя даже до смерти* (Флп. 2:8). Грех, наоборот, есть «незабвение» себя, память о себе вместо памяти Божией: самолюбие, самомнение, самоуслаждение. В основе и во всей ткани греха – самоутверждение. «Все страсти исходят из самоугодия, самости,

самолюбия, и на них держатся» (свт. Феофан Затворник, Ф II – 192). Поэтому грех есть единственная помеха любви, противоборство делу Христову на земле, Его забвению Себя в любви даже до смерти.

Между Им и нами – одна преграда: наши страсти» (Преп. Исая). «Берегись матери зол, самолюбия...» (Преп. Максим Исповедник, Д III, 188). «Кто себя любит, – говорит блаженный Диадок, – тот Бога любить не может; а кто себя не любит по причине преизобильного богатства любви Божией, тот только воистину и Бога любит. Таковой никогда уже не ищет славы своей, но всегда – одной славы Божией... Душе боголюбивой, чувства Божия исполненной, свойственно, в исполнении всех творимых ею заповедей, искать единой славы Божией, относительно же себя – услаждаться смирением. Ибо Богу, ради величия Его, подобает слава, а человеку – смирение, чтоб чрез него содейваться нам своими Богу: что если хотим творить и мы, то, по примеру св. Иоанна Крестителя, радуясь о славе Господа, станем непрестанно говорить: *Оному подобает расти*, а нам *малитися* (Ин. 3:30)» (блаж. Диадок, Д III, 13). Если любовь есть забвение себя, то забыть себя может только смирение. Поэтому, чем более возрастает в человеке любовь к Богу, то тем более излучает она из себя смирение перед Ним, как огонь теплоту. Вот почему отцы говорят о «вождедении смирения» так же, как они говорят о «вождедении любви».

«В великом вождедении смирения... (человек) не понимает своего достоинства», – говорит блаж. Диадок (Д III, 13). Вне смирения нет любви. Любовь к Богу сливается со смирением перед Ним, и оба этих чувства делаются чувством единым, благодатным, а потому непостижимым.

«Никто не может выразить словами, что такое смирение, – говорит авва Дорофей, – и как оно рождается в душе... Душа, когда смиряется, приносит плод, и чем более приносит плода, тем более смиряется. Оттого святые, чем более приближаются к Богу, тем более видят себя грешными... Смирение привлекает на душу благодать Божию» (Д II 605–606).

Любовь к Богу ставит человека на какое-то самое счастливое и в то же время самое последнее место. Вот почему Отцы, раскрывая нам богатство понятия веры, говорили, что «вера есть смирение» (авва Иоанн-пророк, В – 395). «Вера, – говорил Пимен Великий, – заключается в том, чтобы пребывать в смирении и творить милостыню» (От. – 327) (т.е. любовь).

Вера – смирение – это то же, что вера – любовь. Любовь и смирение неразрывны и их несет в себе истинная вера.

«Начало любви – богатство смирения, богатство смирения – полнота любви» (преп. Иоанн Лествичник, Д II – 515). «...Все святые, – говорит преп. Филофей Синайский, – от начала создания донныне облачались в это

последнейшее святое одеяние Божие (т.е. в смирение)... Св. смирение праведно должно именоваться и Божественною добродетелию и Владычнею заповедию и облачением... Ангелы и все оныя светлыя Божественныя силы проходят и хранят сию добродетель, ведая, каким падением пал возгордившийся сатана... Знаем мы и то, каким падением пал Адам из-за гордости» (Д III, 406–407).

Поэтому можно сказать, что христианство и в истории и в человеке начинается не только с любви, как сокровенного зеркала веры, но и с покаяния, со смиренного осознания своей вины – греха перед Богом.

«Евангельское учение начинается и заканчивается словами: «Покайтесь!» (преп. Амвросий Оптинский, АМ – 39).

«Ничего не должно почитать злом, кроме одного греха, который отдаляет нас от благого Бога» (преп. Иоанн Кассиан, Д II – 107).

«Отнюдь не должно скорбеть о вещах мира сего, но только об одном грехе» (преп. Варсонофий Великий, Д II – 594).

Церковь плачет о «всякой душе христианской, скорбящей и озлобленной, милости Божией требующей», но никакое несчастье временной земной жизни не может, по учению Отцов, идти в сравнение с несчастьем вечным, проистекающим от греха, который есть отказ от вечного счастья. Вот почему в этом учении можно найти даже и такие слова: «плачь о грешнике, а не о нищем, ибо этот уготовляет себе венец, а тот муки» (преп. Нил Синайский, Д II – 283). Далее мы увидим, как плакали святые и о нищих, но все же главной причиной их скорби о человеке было его греховное противоборство Богу. В отношении человека к греху решается вопрос не временного, а вечного его бытия. Христианство неотмирно не от равнодушия, а от любви, то есть только потому, что именно грех есть причина человеческого страдания, начиная с Адама, и величайшая угроза его вечному счастью. Если в человеке нет чувства собственного греха, то он еще не сделался христианином. Как он может назвать Спасителем Того, Кто только от греха его и спасает? Если Ему не от чего его спасать, то Он для него не Спаситель. *Наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их (Мф. 1:21)*. Только грех, а не страдание само по себе имеет волю противоборствовать любви Божией, забвению себя для другого.

Все страсти ума и тела влекут человека к себе самому, к самолюбию, воздвигая в нем память о себе, вместо памяти Божией. Поэтому в тех, кто в любви стремится к ней, они вступают в борьбу с нею, и сердце человека становится его Голгофой, полем невидимой брани. «Забудь, сколько можешь, совсем о себе, и да живет в душе твоей одна любовь к Богу»

(преп. Никодим Святогорец, Н – 274). Но почему же все-таки у всех Отцов и во всем истинном христианстве, начиная от Апостолов, так особенно сильно это чувство греха? Почему верховный Апостол называет себя первым из грешников? Неужели нельзя быть в христианстве более умеренным?

«Тайна христианства необычайна для мира сего» (преп. Макарий Великий, Д 1, 177). Любовь в христианстве не «кодекс моральных правил», а непостижимая природа Божества, и соучастие в ней выводит нас из арифметики наших представлений. Почему теряет меру человек, вкусивший вина? Это сравнение опасно, но именно его часто приводят святые.

«Живущий в любви, – говорит св. Исаак Сирин, – плодоприносит жизнь от Бога, и в этом еще мире обоняет оный воздух воскресения. Любовь есть царство. О ней Господь таинственно обетовал Апостолам, что вкусят ея в царстве Его. Ибо сказанное: *Да ясте и пиете на трапезе царствия Моего* (Лк. 22:30), что иное означает, как не любовь? – Вот вино веселящее сердце человека (Пс. 103:15). «Блажен, кто испиет вина сего!» (Д II – 743–744).

При действительном, а не словесном соприкосновении с Божественным миром, очевидно, невозможна умеренность. Чем более разгорается в человеке любовь ко Христу, тем все ярче она освещает человеку его темноту. Чем больше возгорается в человеке огонь Христов, тем больше человек смиряется, чувствуя свое ничтожество перед этим огнем, и чем больше смиряется, тем все больше этой огнеопальной любви вожделеет.

«Я всеми силами молюсь о вас к Богу, чтобы Он вверг в сердца ваши огонь, который Господь наш Иисус Христос пришел воцреци на Землю» (Лк. 12:49) (преп. Антоний Великий, Д I – 29).

«Марии подражай, – подражай, не имея в виду ничего иного, а взирая только на Того, Кто сказал: *Огня приидох воцреци на землю, и что хочу, аще уже возгореся* (Лк. 12:49). «Ибо возгорение духа оживотворяет сердца» (преп. Макарий Великий, Д I – 223).

«Исполнившись любви, приими хоть несколько того небесного огня, который Владыка всяческих *пришел воцреци на землю* (Лк. 12:49), чтобы, когда враг всевает плевелы, огонь сей сжег и истребил их» (преп. Варсонофий Великий, В – 59).

«Бог есть огонь, согревающий и воспламеняющий сердца и утробы. Если мы ощутим в сердцах своих холод, который от диавола, ибо диавол хладен, то призовем Господа: Он, пришед, согреет наше сердце

совершенною любовью не только к Нему, но и к ближним. И от лица теплоты убежит хлад доброненавистника» (преп. Серафим Саровский, ДС – 73). «Почитай себя грешнейшим паче всякого человека. Ибо когда такое помышление долгое время занимает ум и сердце, тогда внутри обыкновенно является некое духовное воссияние света, наподобие луча. И чем более взыскиваешь его, со вниманием крепким, мыслию не развлеченною, трудом великим и слезами, тем более оно является яснейшим и яснейшим: являясь таковым (так), возлюбляется; любимо бывая, очищает; очищая, делает боговидным» (преп. Симеон Благоговейный, Д V, 66–67).

Любовь рождает смирение. Но смирение в свою очередь углубляет и укрепляет любовь. *Бог... озарил и наши сердца, дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа. Но сокровище сие мы носим в глиняных сосудах, чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не нам (2Кор. 4:6–7).* И чем сильнее в человеке это чувство «глиняного сосуда», чувство ничтожества и вины, тем все больше и больше в душе простора для любви Божией. А только безмерная, первохристианская любовь к Богу имеет силу и власть вести человека в его долгой борьбе за любовь. В этом все дело. В этом и вся главная сила учения Отцов.

«...Любовь к Богу, – говорил Антоний Великий, – ...сильнейший возбудитель ревности» (к подвигу в жизни)... И других убеждал он, чтоб паче всего воспитывали в себе любовь к Богу, как силу несокрушимую и неотпадающую... «Самое угодное Богу дело, – сказал он, – есть дело любви. Его исполняет тот, кто непрестанно хвалит Бога в чистых помышлениях своих, возбуждаемых памятью о Боге... От памятования... рождается любовь полная... как написано *...якоже желает елень на источники водные, тако желает душа моя к Тебе, Боже (Пс. 41:2)* (Д I – 131).

«В ком вселилась любовь к Богу, того ничто мирское не может уже отлучить от Бога, как написано: *Кто ны разлучит от любве Божия? (Рим. 8:35)* (пр. авва Исаия, Д I – 345).

«Если ум укрепитя и решится последовать любви, то погашаются все страсти плоти и духа... Силою любви ум противостоит порочным влечениям» (он же, От. 238).

«Если истинно возлюбим Бога, то сею самую любовь отженем страсти. Любить же Его есть предпочитать Его миру... с всегдашним посвящением себя Ему...» (св. Максим Исповедник, Д III, 204).

«Брат сказал авве Агафону: мне дана заповедь, но исполнение

заповеди сопряжено со скорбью: и хочется исполнить заповедь, и опасаюсь скорби. Старец отвечал: если бы ты имел любовь, то исполнил бы заповедь и победил бы скорбь» (От. 48).

«Явный знак любви Божией есть сердечная радость о Боге: ибо что любим, о том и радуемся. Как мед услаждает гортань нашу, когда вкушаем его, так увеселяет сердце наше любовь Божия, когда вкушаем и видим, *яко благ Господь* (Пс. 33:9). Истинный любитель Божий мир и все, что в мире есть, презирает, и к единому прелюбезному своему Богу стремится». «О, любовь, любезная и сладкая любовь!» (свт. Тихон Задонский, Т, 100, 104).

«Благодать... с самого того момента, как приемлем крещение, сокровенно начинает пребывать в самой глубине ума (духа), утаивая присутствие свое от самого чувства его. Когда же начнет кто любить Бога от всего произволения (сердца) своего; тогда она неизреченным неким словом беседует к душе через чувство ума, часть некую благ своих сообщая ей. Вследствие сего, кто восхощет навсегда крепко удержать в себе сие обретение, тот приходит к желанию отречься с великою радостью от всех настоящих благ, чтоб совсем приобрести то поле, на коем нашел он сокрытым сокровище жизни» (Мф. 13:44) (блаж. Диадокх, Д III – 51).

«...Упоенный любовью Божиею, в сем мире, т.е., в доме рыдания забывает все свои труды и печали, и по причине своего упоения делается бесчувственным ко всем греховным страстям...» (преп. Исаак Сирий, Д II, 688).

«Любовь к Богу естественно горяча и делает душу исступленною. Почему сердце, ощутившее ее, не может вместить ее и стерпеть, но по мере качества (своего) и нашедшей на него любви, видится в нем изменение необычное... Сим духовным упоением упоевались некогда Апостолы и мученики» (он же, Д 5–441).

«Любовь по качеству своему есть уподобление Богу, сколько оно доступно для смертных; по действию – опьянение души; по свойству – источник веры, бездна долготерпения, море смирения» (св. Иоанн Лествичник, Д. 5–440).

Вот обычные определения св. Отцов любви к Богу и состояния человека, ее стяжавшего. Тут не холодный расчет догматического понимания, который лежит у нас в папке с другими бумагами, а именно любовь к живому лицу человеческой истории – Богу и человеку, к Тому, чье мертвое тело пеленали Иосиф с Никодимом и Которому воскликнула Мария Магдалина: *Раввуни!* (Ин. 20:16).

Святые Отцы средних и новых веков по преемству приняли от

первохристианства его первую любовь, «которою упоевались Апостолы и мученики», и поэтому истинное монашество Востока можно назвать непрекращающимся первохристианством. Весь свой подвиг Отцы воспринимали первохристиански, т.е. не как расчетливое выполнение «должных» или «сверхдолжных» дел католичества, а как неутолимую жажду любви-сораспятия со Христом: «Глубоко уязвившийся любовью к Богу, – говорит преп. Никита Стифат, – не имеет достаточных к удовлетворению сего расположения сил тела: ибо в трудах и потах подвижничества нет насыщения сему его расположению. Находясь в состоянии, подобном тому, в каком находится томимый крайнею жаждою, ничем не может он до насыщения удовлетворить внутренней жгущей его жажды... Полагаю, что таким же сверхъестественным жаром любви пленены быв, и мученики Христовы не чувствовали мук и насыщения не имели, предаваясь им; но сами себя побеждали распаленным к Богу рвением, и всегда находили, что страдания их далеко отстают от меры их пламенного желания страдать за Господа» (Д 104–105).

Удивительно, с какой непосредственной ясностью жили Святые и Евангельские часы и минуты истории.

«Сказывал авва Исаак: «Однажды я сидел у аввы Пимена (Великого) и увидел, что он пришел в исступление. Я поклонился ему до земли, прося сказать мне, где он был? Принужденный объявить тайну свою, он сказал: «Мой ум был при кресте Спасителя в те минуты, когда при кресте стояла Богоматерь Мария и плакала. Мне бы хотелось так плакать всегда» (От. 404).

Отцы сказали нам слово, взятое из самого сердца первохристианской церкви: «любовь есть источник веры!» Этим словом они одновременно вскрывают всю причину нашего маловерия: мы потому не верим, что не любим, или – что то же самое – любим только себя. «Причина неверия – любление земной славы, как свидетельствует Сам Господь во Святом Евангелии: *Како вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще (Ин. 5:44)* (преп. Амвросий Оптинский, А – 37).

«Бог, имея попечение о нашем благополучии, дал нам заповедь: *возлюбил искреннего твоего, яко себе самого (Мк. 12:31)*. Было то некогда, когда у христиан было *и сердце, и душа едина (Деян. 4:32)*; ныне тому противное видим. Ныне у христиан сердце противу сердца, и душа противу души, ныне... очень редко у кого бы на сердце любовь была. Уже бо *за умножение беззаконий иссякла любовь (Мф. 24:12)*. Христиане, горе нам без любви! Где нет любви, тамо нет веры; вера бо без любви не бывает» (св. Тихон Задонский, Т – 100).

С какой тоской о холодеющих людях говорили святые. «Умоляю убо тебя любовью.., – пишет св. Исаак Сирин, – не устудить в душе своей горячности любви ко Христу, ради тебя вкусившему желчь на древе крестном... Понуждай себя подражать смирению Христову, чтобы возгорелся скорее огонь, им в тебя вложенный» (Д II – 729).

«...Да обретишь ты Бога, Коего вожделеваешь» (блаж. Зосима, Д III – 111). Только тогда человек и обретает Бога, когда его словесная или внешняя вера становится верой горячего сердца и ума. «Есть в нас по естеству вожделение (к Богу), – и без сего вожделения к Богу нет и любви: ради сего Даниил назван *мужем желаний* (Дан. 9:23) (преп. авва Исаия, Д I – 284).

«Кто Божественным желанием победил душевное расположение к телу, тот сделался неограниченным, хотя он и находится в теле. Ибо Бог, привлекающий вожделение желающего, без сравнения превыше есть всего, и не попускает желающему привязать вожделение свое к чему-либо из того, что после Бога. Итак, да возжелаем Бога всею крепостью вожделения нашего...» (св. Марк-подвижник, Д I – 518).

Вся сила любви в стремительности ее произволения. «Горячее произволение, – говорит бл. Зосима, – в один час может принести Богу более благоугодного Ему, нежели труды долгаго времени без него» (Д III. – 106).

В Патерике рассказывается: «Некоторые спросили авву Сисоя (Великого): если брат подвергнется падению, должно ли ему каяться в течение года? Он отвечал: жестоко слово это. Они сказали: и так – в течение шести месяцев? Он отвечал: – много. Они предложили сорок дней, а он и этот срок назвал излишним. Они сказали: сколько же ты назначишь? и еще скажи: если падет брат и случится вечера любви, должно ли ему придти на эту вечерю? Старец отвечал им: нет, он должен приносить покаяние в течение нескольких дней. Верую Богу моему: если брат будет приносить покаяние от всего сердца своего, то в три дня примет его Бог» (От. 432).

«...Некая сила, – говорит св. Исаак Сирин, – окружает тех, которые с пламенной ревностью стремятся к Богу, надеются на Него и веруют Ему. Бог отражает на них, по сей причине, лютость диавольской злобы, и она не приближается к ним» (Д II – 721). «Распаляемые горячностью (они) бывают восхищаемы размышлением об уповаемом и уготовляют мысль свою к будущему веку» (он же, Д II – 718).

«Когда душа упоена радостью надежды своей, – говорит тот же авва, – и веселием Божиим, тогда тело не чувствует скорбей, хотя и немощно.

Тогда оно бывает в силах подъять сугубую тяготу, не являя оскудения в силах. Так бывает, когда душа входит в оную духовную радость» (Исаак Сирин, Д II, 751).

Любовь к Богу как первоисточная сила своими подземными родниками питает веру, и человек доходит до конца пути.

«Сказываю тебе, – говорит Макарий Великий, – что видел я людей, имевших все дарования и соделавшихся причастниками Духа, и не достигнув совершенной любви, они падали... кто достиг любви, связан и упоен ею, тот погружен и отведен пленником в иной мир...» (Д. 1 234–235).

Эта сила любви к Богу горела у святых не один час, а долгие годы жизни.

«Память Иисусова растворится с дыханием твоим», – говорит св. Иоанн Лествичник (Д 5–365), и в этих словах прежде всего указание не на непрерывность молитвы, а на непрерывность любви, из которой, как из источника, вытекает непрерывность молитвы. Эта любовь жила в святых не из расчета наград или воздаяния в будущей жизни, а сама по себе, в своем настоящем, которое было у них началом вечности в Боге.

«Возлюби Его.., – говорит св. Исаак Сирин, – и не за то, что даст Он тебе в будущем, но за то, что получили мы в настоящем...» (Д II – 758). «Кто делает добро ради воздаяния, тот скоро изменяется» (он же, Д II – 747). «Причиной несовершенства Христова ваш (знакомый), – пишет в одном письме от. Амвросий Оптинский, – считает обещание Господом награды за исполнение Его заповедей. Но награда эта не есть какая-либо плата. Например, вырыл мужик яму и получил рубль. Нет. У Господа само исполнение заповедей служит для человека наградой, потому что оно согласно с его совестью; отчего водворяется в душе человека мир с Богом, с ближними и самим собой. Потому такой человек всегда бывает покоен. Вот ему и здешняя награда, которая перейдет с ним и в вечность» (АМ – 205). «Мы... совершаем добрые дела не ради воздаяния, но для сохранения данной нам чистоты» (св. Марк-подвижник, Д I – 540). Награда любви – в самой любви, или, как сказал св. Иоанн Златоуст, «возлюби Христа... в этом великая награда, в этом царство и радость, наслаждение и слава, и честь» (ЖМП – 1957, №4). Но истинная любовь к Богу не только не выходит из своего смирения, но и не замечает себя.

«Видел я некоего, – пишет бл. Диадокх, – который все печалился и плакал, что не любит Бога, как бы желал, тогда как так любил Его, что непрестанно носил в душе своей пламенное желание, чтобы один Бог славился в нем, сам же он (чтобы) был как ничто. Таковой не ведает, что

такое он есть... Ибо в великом вожделении смирения он не понимает своего достоинства...» (Д III, 13).

Апостольская любовь не замечает своего смирения, а смирение ни в чем не видит своей любви. Человек во всем себя забывает, помня всегда только одну Христову любовь. Века святых донесли до нас первохристианскую душу.

Впрочем, не только у св. Отцов, но и у всякого человека, искренне полюбившего Бога, рождаются какие-то особые, не наши, слова любви, и это важно знать, как указание на возможность следования путем Отцов. Есть одно замечательное письмо Достоевского от 1854 года, т.е. еще за четверть века до «Братьев Карамазовых», написанное, очевидно, в тот период, когда он, в какой-то своей малой мере, но подобно человеку из рассказа бл. Диадокха, тоже «плакал, что не любит Бога».

«Я скажу вам про себя, – пишет он, – что я дитя века, дитя неверия и сомнения, до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных. И однако же Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; и в такие-то минуты я сложил себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивой любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того: если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше бы хотелось оставаться со Христом, нежели с истиной» (Ф. Д. 176).

Какой трепет сердца в этих словах, заглушающий недопустимость формулировки. Недаром Достоевский всю жизнь плакал о грехах и своих и всего человечества, и недаром Оптиные старцы называли его кающимся.

Чем сильнее покаяние – основа смирения – тем сильнее в душе любовь, и чем сильнее любовь – тем все безмернее смирение святых.

Покаяние не есть единичный акт, а постоянное дело жизни.

«Если диавол не перестанет бороться с нами, то и покаяние не должно быть никогда упраздняемо. Если мы и до смерти будем подвизаться в покаянии, то и таким образом не исполним должного, ибо ничего достойного Царствия Небесного не сделали» (св. Марк-подвижник, Д I, 500).

«Будем исполнять должное по силам нашим, и великая сила Господа нашего Иисуса Христа поможет смирению нашему. Он ведает, что человек окаянен, и потому даровал ему покаяние на все время земной жизни его. И

действует на нас могущественное и спасительное покаяние до последнего издыхания нашего» (преп. авва Исаия, От. 239).

Непрекращаемость покаяния святых нам непонятна, и даже мы готовы заподозрить их в лицемерии: как может быть именно у них непрекращаемость покаяния?

«Покаяние есть, с исполненной сокрушенной молитвою, неослабное прошение об оставлении прошедшего и болезнование о хранении будущего» (св. Исаак Сирин, Д V, 398). «Покаяние есть вторая благодать» (он же). Любящий никогда не перестает ощущать горечь от огорчения в прошлом Любимого. Любящий всегда в тревоге, в «болезновании» о том, чтобы в будущем этого не повторить. Для него это чувство не отвлеченное «вспоминание» о прошлом, а реальность настоящего и тем самым «хранение будущего» – живое творческое чувство, созидающее его истинное отношение к Богу: «вторая благодать».

Умеренность в любви невозможна в христианстве, как огонь не может не обжигать. Христос не принял умеренную или теплую Лаодикийскую церковь.

«Начиная отделяться от обычаев мирских, – пишет св. Иоанн Кассиан, – и воздерживаться от явной плотской нечистоты, мы должны поспешать и всею силою стараться тотчас усвоить себе и состояние духовное, чтобы иначе, оставаясь посредине между плотью и духом, не остаться не достигшими степени совершенства духовного, полагая, что для сего совершенства достаточно быть не только не причастными разврату и смешению плотскому. Ибо если останемся в сем состоянии теплоты, которое считается самым худшим, то будем низвергнуты из уст Господа, как Он говорит: *понеже тепл еси ... имам тя изплевати из уст Моих* (Апок. 3:16) (Д II).

В одном письме к мирской девушке еп. Феофан Затворник пишет: «Из вас может выйти ни то, ни се, – ни духовная, ни мирская, ни христианка, ни язычница. Это будет, когда вы, храня благочестные порядки, не будете однако же блюсти сердца своего от сочувствий к порядкам светской жизни. Я разумею сочувствие, а не участие, которое бывает иногда необходимо. Что же вам за это будет? То же, что присудил уже Господь в Апокалипсисе одному из Ангелов Церквей. Надо быть горящей к Богу и всему божественному и холодною ко всему светскому и мирскому» (Ф II – 97). «Господь сказал в Евангелии, что Он пришел *вовреци огонь любви на землю* сердца нашего, и что Ему очень желательно, чтоб огонь сей скорее возгорелся (Лк. 12:49). Любовь к Богу не имеет меры, как любимый Бог предела и ограничения» (пр. Никодим Святгорец, Н – 273).

Неумеренность в любви обнаруживает себя в отречении от мира страстей и греховной воли души.

«...Любовь Божия обретается в отречении от души своей» (св. Исаак Сирин, От. 254).

Се мы оставихом вся и вслед Тебе идохом, – сказали Апостолы (Мф. 19:27). «Душа вслед красоты Христовой влечется» (митр. Феолит, Д 5–189).

Явление Христа слишком прекрасно, а потому слишком всеильно, чтобы человек, этого явления удостоившийся, не отказался от всего того, что мешает ему идти вслед за Ним. Припавши устами к божественному вину, человек не хочет ничего другого. *Вкушая вкусих мало меда, и се, аз умираю* (1Цар. 14:43).

«Упившиеся вином, – говорит св. Исаак Сирин, – не видят перед собой преград: так упоенные надеждою (Христовой) не знают ни скорби, ни чего-либо мирского» (Д II, 718).

Отречение от мира и злой воли есть умирание во всем том, что не есть Христово, во имя жизни во Христе. *Любовь Христова*, – говорит Апостол, – *объемлет нас, рассуждающих так: если Один умер за всех, то все умерли. А Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для Умершего за них и Воскресшего* (2Кор. 5:14–15).

Это умирание не только не есть отворачивание от страданий мира, но, наоборот, принятие этих страданий в сердце, распинаемое вместе со Христом. Отцы в своей любви к людям показали, что если *так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего* (Ин. 3:16) за мир, то и человек, по мере уподобления любви Божией, все больше вбирает в себя страданий мира.

Это умирание или отречение есть только для одного – для греха, который в тайне беззакония борется, начиная с Голгофы, с всемирной любовью Бога. «*Будьте мертвы для греха, живые же для Бога*», – сказал Апостол. (Рим. 6:11)

«Ежедневно умирай, чтоб жить вечно...» (преп. Антоний Великий, От. 18).

«Авву Аммона спросили: какой путь – путь тесный и прискорбный? Он отвечал: путь тесный и прискорбный есть обуздание своих помыслов и отсечение собственных пожеланий, для исполнения воли Божией. Это и значит: *се, мы оставили все и вслед Тебя пошли* (От. 67).

«Мир есть имя собирательное, обнимающее собою то, что называется страстями. Когда в совокупности хотим наименовать страсти, называем их миром...» (преп. Исаак Сирин, ДП – 650).

«Удаление от мира есть ни что иное, как умерщвление страстей и

проявление сокровенной во Христе жизни» (св. Федор Эдесский, Д III, 323). «Разрешение чувств узы налагает на душу; узы же чувств дают свободу душе» (митр. Феопит, Д V, 166).

«Отвергнуться же себя и взять крест свой, значит: отсекает свою волю во всем и почитать себя за ничто» (преп. Варсонофий Великий, Д II, 576).

«Мир», или совокупность страстей, вторгается в человеческие помыслы через греховную волю. «Отсечение воли» означает не обезволивание человека, а наоборот, отсечение сильной волей всех тех греховных или опасных волевых движений, которые мешают духовному росту. Воля к Богу отсекает волю к небытию. У плодового дерева всегда отсекают нижние побеги, чтобы развивалась крона и приносила плоды. Воля не умаляется, но растет, ежечасно воспитываясь не уклоняться от воли Божией.

Поскольку отречение от мира есть отречение от греха, постольку с ним по существу совсем не связано, как всегда обязательное и безусловное, географическое удаление от мира городов и человеческих обществ. Никакая пустыня или монастырь не спасают, если зло мира осталось в сердце.

«...Ни мир, ни житейские дела не мешают исполнять заповеди Божии, – говорит св. Симеон Новый Богослов, – когда имеется ревность и внимание. Ни безмолвие и удаление от мира не пользуют, когда властвуют леность и нерадение» (Д 5–456).

«Если желаешь увидеть блага, которые уготовал Бог любящим Его, вселись, – говорит пр. Никита Стифат, – в пустыню отречения от своей воли, и бегай мира. Какого же это мира? – Похоти очес и плоти, гордости помыслов и прелести видимых вещей... Таким образом ты, среди мира и людей пребывая, будешь как живущий в пустыне и людей не видящий. Если же таким образом не убежишь ты от сего мира, то убежание из мира видимого нисколько не послужит тебе к преуспеянию в добродетелях и соединению с Богом. Быть монахом не то есть, чтобы быть вне людей и мира, но то, чтоб отрехшись от себя, быть вне пожеланий плоти и уйти в пустыню страстей...» (Д 5–102).

«Не пострижение и одеяние делают монахом, но небесное желание и Божественное житие...» (преп. Ефрем Сирий, ДП – 451).

Первохристианство никуда из городов не уходило. Тут дело не в месте, а в факте: в отречении от мира страстей и стяжании благодати Св. Духа, который *дышит, где хочет* (Ин. 3:8). Человек вне христианства хочет жить в беззаботности или в страстях. С христианством в душу входит пустыня для страстей и великая забота о том, чтобы пройти ее до

земли обетованной. Ощущение пустыни в душе, совершающей второе рождение, иногда нестерпимо по своей реальности, и блажен тот, кто уже может запеть этот ирмос канона: «Процвела есть пустыня, яко крин, Господи, языческая неплодящая церковь, пришествием Твоим, в ней же утвердися мое сердце» (2 глас).

Из определения Отцами понятия «мир» само собой вытекает, что отречение от мира греховной воли совсем, по существу, не препятствует участвовать во всех благих делах мирской жизни.

«Те, которые говорят, что христианство враждебно пользам государства, – пишет бл. Августин, – могут ли дать нам таких воинов и граждан, таких мужей и жен, таких родителей и детей, таких господ и рабов, таких царей и судей, каких дает училище Христово?» (ВЛ).

Но, конечно, и воины и судьи, и жены, и мужья, если они действительно христиане, невидимо несут в себе пустыню отречения. Эпоха первохристианства и это доказала.

Таким образом, можно сказать: явление в душе Христа есть образование и рост в ней триединого чувства веры: любви к Нему, смирения перед Ним и отречения для Него. И все эти три – для последования за Ним. Это и есть апостольская вера, действующая любовью (Гал. 5:6). Третья часть триединства – отречение – есть проба истинности первых двух и одновременно признак готовности души для последования за Христом. Последование Ему есть исполнение Евангельских заповедей, но нельзя евангельски идти за Ним, пока не откажешься от всего того груза, который враждебен Евангелию. Поэтому в учении Отцов с особой силой подчеркнута именно эта часть триединства: отречение.

«Отречение от мира предшествует последованию за Христом. Второе не имеет места в душе, если не совершится в ней предварительно первое» (свт. Игнатий Брянчанинов, Б1, 84).

«Кто что любит, тот то и обьять всячески желает; и все, препятствующее ему в этом, отстраняет, дабы сего не лишиться» (св. Максим-Исповедник, Д III – 178).

«...Если плотская любовь так отрешается от всякой любви (разлучает с родителями): то кольми паче те, которые действительно сподобились вступить в общение с оным небесным и вождленным Святым Духом, отрешатся от всякой любви к миру, и все будет казаться для них излишним: потому что препобеждены они небесным желанием... Божественною и небесною любовью...» (Макарий Великий, Д I, 224).

«Рассказывают о птице, называемой сирена, что всякий, слыша

сладкозвучие ея голоса, так пленяется, что идя за нею по пустыне, от сладости пения забывает самую жизнь свою... Сему подобно то, что бывает с душою. Когда впадет в нее небесная сладость, тогда от сладкозвучия словес Божиих, с чувством печатлеющихся в уме, она вся устремляется вслед его...» (св. Исаак Сирий, Д II, 748). «Кто любит Бога в чувстве сердца, тот познан есть от Него. Ибо поколику кто в чувстве сердца восприимлет любовь к Богу, потоплику и сам пребывает в любви Божией. Почему таковой не перестает в сильном некоем рвении вожделевать просвещения в разуме и стремиться к нему с таким напряжением, что иной раз чувствует совершенное истощение самой силы костей своих, делаясь уже незнающим себя, но весь изменен и поглощен бывая любовью к Богу. Кто таков, тот и есть в животе сем, и не есть; так как, еще странствуя в теле своем, душевным движением в силу любви непрестанно отходит он к Богу – и странноприимается у Него. Ибо непрестанно горя в сердце неистощимым огнем любви, он по необходимости сердечно прилепленным пребывает к Богу, совершенно отрешившись от любления себя силою сей к Богу любви» (блаж. Диадокх, ДШ – 14).

Отречение от мира греха есть естественное движение любви к распятому Богу, и если нет этой любви – оно невозможно. *Жестоко есть слово сие (Ин. 6:60) для нелюбящих Его.*

Мы любим жену, или мать, или детей и для них, если действительно любим, отказываемся от многого. Мы переезжаем для их пользы или по их прихоти из города в город, меняем профессии или квартиры, теряем из-за них здоровье или покой, исправляем свой характер или освобождаемся от приятных нам привычек, иногда мы готовы потерять для них свою жизнь. Мы их любим, и все это так естественно. Но вот перед нами возникает образ Христа и нам говорят, что то же самое надо сделать для Него. Тут мы ничего не чувствуем и ничего не понимаем: это вне нас. Как можно отказаться от себя ради того, кого не любишь? Кто любит Его?

В шуме истории все больше забывается тот сад, где было положено Тело Иисусово. *На том месте, где Он распят, был сад, и в саду гроб новый... Там положили Иисуса (Ин. 19:41–42).*

Глава II. О СТРАХЕ БОЖИЕМ

«И милость Его в роды родов боящимся Его».

Лк. 1:50. Песнь Богоматери.

Образование триединого чувства веры – любви, смирения, отречения – начинает долгий путь доказательства обретенного христианства. Начинается борьба человека за обретенное сокровище веры или его восхождение к совершенной любви. Любовь воинствует, а не спит.

В чем же признак начала воинствования? И в чем признак, что воинствование истинное, а не ложное? Ведь *если кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться*, – говорит Апостол (2Тим. 2:5).

Есть особая проба на золоте христианства, по которой его никогда ни с чем не спутаешь и по которой всегда можно отделить от него всякое не истинно христианское учение, в частности, сектантство.

"Гортань брашна различает, – говорит Писание (Иов. 34:3), – так и вкус духовный все ясно показывает, как оно есть, не подвергаясь прельщению» (преп. Григорий Синаит, Д 5–253).

Этой золотой пробой является страх Божий. Человека, чье сердце ранено любовью к Богу, – сам страх потерять его ведет за собой. Ведь первоначальный толчок любви в обретенной вере подобен малому лучу, и ощущающий его не смеет и не должен, из-за духовной осторожности, даже и называть его настойчиво – любовью. Любовь надо доказать, а не преждевременно утверждать себя ее имеющим.

«Преждевременное стремление к развитию в себе чувства любви к Богу есть самообольщение. Шествие ко Христу начинается и совершается под водительством страха Божия» (свт. Игнатий Брянчанинов, БП – 53). «Покаяние есть корабль, а страх – его кормчий, любовь же – Божественная пристань» (преп. Исаак Сирин, Д II, 744).

Смирение веры не говорит о любви и ищет прежде всего смирения, зная, что только при прочности смирения может быть достижима и прочна любовь.

Впрочем, как пишет преп. Амвросий Оптинский: «По свидетельству преп. Каллиста и Игнатия, любовь и милость и смирение отличаются одними только наименованиями, а силу и действие имеют одинаковые. Любовь и милость не могут быть без смирения, а смирение не может быть без милости и любви» (А – 18). Поэтому первоначальная любовь не может быть забыта в смирении веры, но в своем восхождении к любви

совершенной вера ищет не пустословия о любви, а отеческий жезл, который довел бы ее до духовного Рая.

Так вера рождает божественный страх. Все св. Отцы считают, что именно возникновение в человеке страха Божия есть признак, что он начал истинно осуществлять в своей жизни обретенную веру. Только с его возникновения начинается воинствование человека в его борьбе за совершенную любовь.

Если бы человек сразу бы достигал совершенства любви к Богу, то страх потерять ее, страх огорчить любовь Любимого, был бы единственным и единственным страхом, то есть по существу своему все тою же любовью – одним из лучей ее многоцветного спектра. Боязнь огорчить любовь – есть та же любовь. Но на пути к совершенству любви человек должен пройти большой путь, на котором много будет еще несовершенных чувств и расчетов, связанных с его отношением к Богу. В этот период, помимо начала или предощущения чистой любви, в нем живет и другая побудительная причина исполнять волю Божию: страх вечного наказания за неисполнение этой воли, за неисполнение заповедей. Это есть очистительный этап пути, его нельзя миновать.

По учению Отцов, есть два вида страха Божия: один – новоначальный и другой – совершенный. Первый страх – это страх потерять за свои грехи свое вечное счастье и вместо него обрести вечные муки. Не имея страха потери своего благополучия в отцовском доме, блудный сын евангельской притчи бесстрашно ушел из него.

Страх мук вечных вызывает в человеке ненависть к греху, как к врагу его личного благополучия, и тем самым удерживает его от ухода из Отцовского дома.

«Признак первого страха есть ненавидеть грех и гневаться на него, как гневается на зверя угрызенный им» (преп. Петр Дамаскин, Д V-333).

Чтобы уметь любить, надо уметь ненавидеть.

«Имеется, – говорит пр. авва Исаия, – естественная ненависть, и без ненависти к греху и демонам не открывается слава души. Эта (естественная) ненависть превратилась в нас в противоестественную ненависть к ближнему» (От. 208).

Но ненавидеть можно только после того, как увидишь или узнаешь что-нибудь. Страх Божий открывает наши глаза и мы начинаем видеть в себе все, что нарушает в нас волю Божию.

«Луч солнечный, проникший через скважину в дом, просвещает в нем все, так что видна бывает и тончайшая пыль, носящаяся в воздухе; подобно сему, когда страх Господень приходит в сердце, то показывает ему все

грехи» (св. Иоанн Лествичник, Д II – 498).

«...Душа наша, умащаемая благодатью Святаго Духа, сладостною исполняется тишиною... Но в такое состояние никто не может придти, ни пребывать в нем, если не будет непрестанно отрезвлять и услаждать душу свою страхом Божиим; ибо страх Господень приносит подвижающимся некий вид непорочности и чистоты» (бл. Диадокх, Д III – 25–26).

«Всякому, начавшему жить по Богу, полезен страх мук и порождаемая им болезнь сердца... Болезнование то скоро порождает всякую радость, узы сии разрывают узы всех грехов и страстей, и палач сей не смерти, а вечной жизни бывает виновником» (преп. Симеон Новый Богослов, Д 5–24).

Так пишут Отцы о новонаначальном страхе.

Другой страх (совершенный) сопряжен с самой любовью, производя в душе благоговение, чтобы она от дерзновения любви не дошла до пренебрежения Бога. «Первый *страх любовь совершенная изгоняет* вон (1Ин. 4:18) из души, ее стяжавшей, и не боящейся уже муки; а второй... она всегда имеет сопряженным с собою» (св. Максим Исповедник, Д III – 174).

«Вводимым в жизнь добродетельную к исполнению заповедей и избежанию грехов содействует страх мучений вечных. Тем же, которые чрез добродетель достигли до созерцания славы Божией, – иной, подобно тому, сопутствует страх, крайне страшный им из любви к Богу, страх чистый, который и содействует им к неуклонному пребыванию в любви Божией, так как они боятся страшного от нее поскользновения» (преп. Никита Стифат, Д 5–97).

Содержание обоих видов страха как будто одно: боязнь нарушить волю Божию, но побудительная причина разная. В первом страхе побудительная причина – возможность мук вечных, во втором – сама любовь. Первый страх есть страх раба, а второй – друга. Гнушаясь быть рабами Божиими, хотя лицемерно мы себя так и называем, мы не понимаем, «отрицаем» или просто не чувствуем новонаначальный страх.

«...Душа, пока остается нерадивою и покрыта бывает проказою сластолюбия, страха Божия чувствовать не может... Буди же нам в похвалу похвал непрестанную, во-первых, страх Божий, а наконец любовь, – полнота закона совершенства во Христе» (бл. Диадокх, Д III – 16).

Этот первый страх, по учению Отцов, не должен оставлять нас до тех пор, пока мы не достигли до любви и страха совершенного или до Царства Божия: того ли, что за пределами нашей жизни, или того, что – как предобручение будущего – «внутри нас». «Покаяние, – говорит св. Исаак Сирий, – есть вторая благодать, и рождается в сердце от веры и страха;

страх же есть отеческий жезл, управляющий нами, пока достигнем в духовный рай; а когда достигнем, тогда оставит он нас и возвратится. – Рай есть любовь Божия...» (Д 5–398).

«Духовный Рай», учат Отцы, это не только будущая полнота блаженства, но и то *Царство Божие внутри нас*, которое нам заповедано Евангелием искать, как цель жизни и залог царства будущего. Следовательно, еще в земной жизни, по мере стяжания царства благодати, «Отеческий жезл» первого страха «оставляет нас», передавая сохранными в руки любви. Или снова приходит к нам и снова ведет по дороге, если мы не сберегли внутри себя благодатное сокровище веры и за грехи свои вновь изгнаны из духовного Рая».

«Страх Господень искореняет из души все грехи и всякий вид лукавства» (Антоний Великий, От. 5). Искоренение грехов есть путь к обретению внутри себя Царства Божия.

«Если ведаешь о себе, что открылся в тебе источник Святого Духа, то это служит признаком, что страсти, жившие в тебе, посохли и умерли. На это указывают слова Спасителя: *Не zde или онде царствие Божие, но внутрь вас есть* (Лк. 17:21) (пр. авва Исаия, От. 291).

Новоначальный страх есть боязнь греха из-за мук вечных, о которых поведано Евангелием, и эта часть Евангелия часто расценивается нами или как благочестивая аллегория для детей и старушек, или даже как некое темное пятно, только по недоразумению попавшее в Евангелие.

Страх Божий, как страх будущего Суда, может быть понят и воспринят только в свете учения о благодатном Царстве.

«Так как мы не имеем понятия о Царствии небесном, и не понимаем сладостей его, то не знаем также, – что есть мука» (старец архимандрит Феофан Новозерский ПБ – 239).

Тот же Апостол, который написал Коринфянам «Новозаветную песнь любви», сказал нам: *Мы, приемля царство непоколебимое, будем хранить благодать, которою будем служить благоугодно Богу, с благоговением и страхом, потому что Бог наш есть огонь поядоющий* (Евр. 12:28–29). Огонь, низведенный Христом на землю, возгорает благодатью в любви учеников, как сила животворящая, как непостижимое чудо неопалимой купины. Об этом мы читаем в молитве перед причастием Пречистых Таин: «И дерзая Твоим богатым к нам благодеяниям, радуясь вкупе и трепеща, огневи причащаюся – трава сый и странно чудо: орошаем неопально, якоже убо купина древле неопальная горящи» (преп. Симеон Новый Богослов).

Чем ясней обретает человек внутри себя Царство Христово, тем все

сильнее он чувствует действительность дыхания огня благодати, и тем поэтому все ясней осознает, что только *благоговением и страхом можно служить благоугодно Богу (Евр. 12:28)*, потому что вне благоговения и страха этот же самый огонь будет *огнь поядающий (Евр. 12:29)*. Если мы, – говорит Апостол, – *получивши познание истины, произвольно грешим, то не остается более жертвы за грехи, но некое страшное ожидание суда и ярость огня, готового пожрать противников (Евр. 10:26–27)*. Огонь перестает быть неопальным и трава человеческая сгорает. Слово Божие есть учение не только о любви и благодати, но и о страхе Божиим, о «страшном ожидании суда». И то и другое учение есть единое Евангелие, проповеданное миру. Зарождение в душе новоначального страха есть первое движение веры, наконец-то полностью поверившей Евангелию. Ведь мы все верим «отчасти»: то, что нам в Евангелии не нравится, мы отбрасываем или «забываем». Вера знает, что в слове Божиим есть не только догматы, заповеди и обетования, но и угрозы. И вера принимает это все, как единое священное, целиком: всеми очами смотрит она на лицо своего Учителя. Угрозы Его вечными муками также священны для веры, как и Его обетования: и те и другие были *словами благодати, исходившими из уст Его (Лк. 4:22)*. Вера не анализирует в какой-то моральной лаборатории слова Божественной Любви о муках, но принимает их как непостижимый закон Ее Справедливости. Путь веры есть путь именно веры, а не рассуждений ума, еще не вступившего в ее глубокие воды.

«Глубина веры, – говорит блаж. Диадокх, – будучи водою забвения, не терпит, чтоб в нее смотрели, или ее узревали любопытными помышлениями. Будем же в простоте ума плыть по водам сим, чтоб таким образом dospеть в пристань воли Божией» (Д III, 18).

Эта простота не упрощенчество, а молчание всецелой любви. И вот потому-то и нужно вырвать из Евангелия слова об аде, чтобы тем самым вырвать из рук наших «отеческий жезл». Этот жезл приучает нас дышать новым для нас воздухом веры, в котором дыхание Духа Божия. Вынести его, не опалившись, может только смирение сердца и ума. Поэтому-то святые так боятся гордости, способной выбирать из Евангелия только то, что ей нравится.

«Не давай возобладать над тобою – говорит св. Иоанн Лествичник, – иноплеменникам оным, которые побуждают тебя испытывать неизреченные судьбы Промысла и смотрения Божия в отношении к людям и тайно внушают, будто Господь лицеприятен. Это исчадия самомнения» (Д V-507). Та же мысль у Апостола: *а ты кто человек, что споришь с*

Богом? (Рим. 9:20).

Но реальность ада воспринимается не только благодаря смирению веры, полностью принявшей Евангелие. По учению Отцов, как реальность будущего Царства Небесного удостоверяется действительным предначатием его еще здесь на земле внутри человека причастием благодати Святого Духа, так и ад начинается внутри человека еще здесь на земле. Ад сам удостоверяет о себе в безумии и холоде греха и человек еще при жизни предощущает геенну.

Преп. Григорий Синаит пишет: «Огонь, тьма, червь, тартар соответствуют страстям... кои, как задатки и зачатки адских мук, уже отзде (уже теперь) начинают мучительно действовать в душах грешников, когда укореняются долгим навыком. Страстные навыки суть задатки адских мук, как действенные добродетели – царствия небесного... Как зачатки будущих мук сокрыто присущи в душах грешников: так зачатки будущих благ присущи в сердцах праведников, и действуют духовно, как и вкушаются... мучение адское (это есть) – страстные навыки» (Д V, 186–187). Святые, благодаря чистоте своего духовного зрения, воспринимали эту правду, видя темноту даже малого своего греха, и поэтому никогда не уставали учить смиренному покаянию и страху Божию.

«...Кто познал славу Божию, тот познал горечь вражью; кто познал Царствие (Божие), тот познал геенну» (св. авва Исаия Д 1–371).

Авва Пимен (Великий) сказал: «человек нуждается в смиренномудрии и страхе Божиим всегда, как в дыхании, входящем и исходящем ноздрями его (От. 412).

Поэтому, хотя *совершенная любовь изгоняет страх* (1Ин. 4:18) (первый), и хотя святые этой любви уже достигали, они в своем смирении любви сами ничего рассудочно «не изгоняли», и никаких расчетов на изгнание не делали, пока – как сказал Иоанн Лествичник – «великий оный и приснопамятный огонь не возжжет сердца» (Д 5–399). «Постараемся, – говорит он, – приобрести чистые и нелестные слезы, которые рождаются от размышления об отшествии нашем в вечность: ибо в таковых нет ни окрадения, ни возношения... Не верь твоим источникам слез, прежде совершенного очищения от страстей, ибо то вино еще ненадежно, которое только что вышло из точила... Слезы, которые происходят от страха, сохраняют сами себя сим же страхом; но те, которые рождаются от любви, в некоторых людях легко бывают окрадаемы, разве только великий оный и приснопамятный огонь возжжет сердце во время действия. И поистине удивительно, как меньшее (т.е. слезы по страху) бывает в свое время тверже большего (т.е. слез от любви)» (св. Иоанн Лествичник, Д V-399).

Вот смиренная осторожность веры: «в свое время» новоначальный страх более надежен, чем слишком молодое вино любви. Христианской душе нужна несомненная реальность Голгофы; когда в полном молчании веры все сомнения сердца снимаются – приходит любовь, изгоняющая новоначальный страх. Вот почему *начало премудрости – страх Божий* (Пс. 110:10; Притч. 1:7, 9:10) – первое движение веры, наконец-то, полностью принявшей Евангелие.

Св. Максим Исповедник говорит, что страх Божий рождается от всегдашнего поучения в Божественном Писании и совершенного беспопечения о земном» (Д III – 158).

Труд постоянного чтения Евангелия и Апостолов приучает человека жить в первохристианстве, дает «осознать следы жития Его во плоти, чтобы и свою жизнь проводить нам смиренно» (пр. Филофей Синайский, Д III-411). Душа тогда усваивает себе самый воздух Евангелия, в котором для нее все благодатно, все истинно, и страх Господень начинает свое вождение человека к совершенной любви.

«Никто не может возлюбить Бога от всего сердца, не возрев прежде в чувстве сердца страха Божия» (блаж. Диадокх, ДШ – 16). Но при этом мы не должны забывать, что «вера есть начало любви», а потому уже с первых шагов искренней веры в ней вместе с новоначальным страхом уже будет сосуществовать и страх совершенный или предначатие любви. От. Амвросий Опт. вслед за Максимом Исповедником пишет так: «Страх должен растворяться любовью, а любовь страхом... Обоюдное растворение страха и любви составляет истинную добродетель» (А – 152).

О втором, или «совершенном страхе» св. Федор Эдесский пишет так: «Если не по страху наказания, но по отвращению к самим грехам воздерживаемся от них, то действуем по любви к Владыке своему, боясь прогневать Его... Такой страх чист, потому что бывает из-за самого добра, и он очищает души наши, будучи равносильным самой любви» (ДШ – 372).

«Равносильность любви» есть равносильность вечности; поэтому о втором страхе сказано: «*страх Господень чист, пребывает в век века*» (Пс. 18:10). Замечательно хорошо говорил о втором страхе св. Иоанн Златоуст: «Нестерпимы геенна и будущее мучение, но если представим и тысячи геенн, не изобразим ничего равного бедствию – стать ненавистными Христу, услышать от Него: «не вем вас». Легче принять на себя тысячи молний, нежели кроткое лицо Господа увидеть отвращающимся от нас и мирное Его око не терпящим взора на нас. Любящему прискорбно не то, что за оскорбление им любимого терпит какое-либо зло, но паче всего то, что оскорбил любимого. Будем держаться

той мысли, что тяжело не мучения терпеть, а грешить. Если бы Бог и не наказал нас, то самим нам надлежало бы подвергнуть себя наказанию за то, что были столь неблагодарны к Благодетелю. Если любим Христа, как должно, то сами себя будем наказывать за грехи свои» (Иоанн Златоуст).

«Тысячи геенн» как бы уходят из памяти, но не потому что их нет («не спрашивай, грешник, почему создан ад, но «почему один» за столь великие вины», – говорил тот же Златоуст), а потому что несравненно страшнее ада «увидеть мирное око Господа не терпящим взора на нас». Но и больше того: ад даже не забывается, так как самого себя человек готов обречь на наказание за то, что «был столь неблагодарен к Благодетелю». «Если любим Христа, как должно», то, моля о спасении всех других, себя-то самих будем сами приговаривать к мучению, как больше всех оскорбивших грехами Христову любовь. Когда я читал это место у Златоуста, я вспомнил по какой-то, может быть, не вполне связанной, аналогии «Запечатленного Ангела» Лескова. В искусстве иногда, как сквозь тусклое стекло, брезжит заря. Это в той части, где раскольник, весь в гордости своей правой веры нашел старца Памву, в котором Лесков очевидно хотел отобразить некоторые черты преп. Серафима. Там есть такой разговор:

«- Помогай Господь твоему смирению, помогай! (говорит старец раскольнику).

– Какое же, – говорю, – святой человек, мое смирение? Ты смирен, а мое что за смирение в суете?

А он отвечал:

«- Ах, нет, брате, нет, я не смирен: я великий дерзостник, я себе в небесном царстве части желаю...

И вдруг, осознав свое преступление, сложил ручки и, как малое дитя, заплакал.

– Господи! – молится, – не прогневайся на меня за сию волеувертность: пошли меня в преисподнейший ад и повели демонам меня мучить, как я того достоин!

– Ни одного слова я более отцу Памве не сказал, да и что бы я мог сказать: согроби ему – он благословит, прибей его – он в землю поклонится, неодолим сей человек с таким смирением! Чего он утратился, когда в ад сам просится?.. Господи! дерзаю рассуждать: если только в церкви два такие человека есть, то мы пропали, ибо сей весь любовью одушевлен».

Как бы ни расценивать это место лесковской повести, но одно в ней поражает религиозной верностью: сочетание смирения веры с любовью.

Только на черной земле смирения вырастает любовь. У блаж. аввы Зосимы есть такие слова: «Святые Отцы сказали, что если смирение низведено будет до ада, оно вознесется до небес» (Д III – 121).

Именно благодаря принятию в смирении веры всего Евангелия, в том числе и его многочисленных слов об аде, христианская любовь достигает такой высоты, что человек может в своем дерзновении обречь себя на ад – если это будет угодно его Господу.

"Я желал бы, – говорит Апостол, – сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти», ибо за них «великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему» (Рим. 9:2–3).

Другой Зосима, не тот прославленный древний Отец, слова которого помещены в «Добротолубии», а простой схимонах и подвижник русского монастыря, говорил так: «Кто желает царства небесного, тот богатства Божия желает, а не Самого еще любит Бога... Любовь святая объята страданием Христовым, обогрета Его кровию Божественною; ибо любве ради благоволи Христос Бог страдати и Кровь Свою пролияти, да точию нас привлечет в любовь к Себе и между Собою. Сею любовью движимый, Моисей просил изгладить его из книги животной за Израиля. Сей любовью упоенный, Павел вопиет «анафема» себе от Христа за спасение ближних. Презираяй или не вожделеваяй и не ищай таковой о Бозе любви не повинен ли будет против Крови и Тела Господня? Ибо за любовь к роду человеческому Господь страдал, и любовь есть естество Божие, и чуждый любви – чужд и Бога» (ПБ – 274, 321).

И вот замечательно то, что как раз от этого же неизвестного русского монаха и хранителя Апостольской любви в ее высочайшем дерзновении, сохранился еще один рассказ о его предощущении адских мук.

Однажды старец молился так: «Господи! Дай мне познать мучение грешников, чтобы мне от великих Твоих милостей ко мне недостойнейшему никогда не забыться, что я великий грешник». «Недолго спустя после таковой молитвы в один день (говорит сам о себе отец Зосима) вдруг я почувствовал неизъяснимое страдание во всем существе моем, в душевном, телесном и духовном; этого ужасного страдания невозможно выразить никакими словами: душа известилась, что это адское мучение грешников. Я не видел ничего и не слышал, но только все во мне страдало и томилось непостижимо: душа, все тело, каждый, кажется, волос на голове страдал... И я в трепете упал на молитву пред Господом, но произнести ничего я не мог, как только с крепким воплем воззвал: Господи, помилуй! – И Он помиловал, и вдруг все миновалось, и слезы умиления и благодарения сами собой полились обильно» (ПБ – 255).

Поскольку мы вступили на путь не «выборочной», а всецелой благодатной веры, мы должны найти в себе и воспитать в себе новонаначальный страх: первую ступень лестницы веры.

И только уже найдя его и не отступая от него самочинно, мы, по мере восхождения к любви совершенной, будем невольно забывать его – в потоке света Царства Божия, которое будет открываться в нас.

«...Кто стремится к совершенству, тот с первой степени страха, собственно называемого рабским, должен постепенно восходить на стезю надежды» (св. Иоанн Кассиан, ДП. – 147).

Поскольку мы стремимся к Божественной любви, мы тем самым стремимся к тому, чтобы и у нас был страх любви, а не страх мучений.

«Бойся Бога из любви к Нему, – говорит св. Исаак Сирин, – ветхие заповеди хранит страх, а животворные заповеди Христовы хранит любовь, как говорит Господь: *«Аще любите Мя, заповеди Моя соблюдайте. И Аз умолю Отца, иного Утешителя даст вам»* (Ин. 14:15). «...Хранение заповедей такую силу являет (схождение Утешителя), когда совершается из любви к Даровавшему их, а не по страху» (Исаак Сирин, ДП – 758, 696).

Эта любовь, или совершенный страх, в полной мере есть достояние совершенных, но предощущение ее или начало часто посещает самую новонаначальную душу. Призывающее явление душе Христа бывает не однажды: *«мы ели и пили пред Тобою, и на улицах наших учил Ты»* (Лк. 13:26). Господь по милосердию Своему вновь приходит и вновь зовет.

«Да молчит всякая плоть человека, и да стоит со страхом и трепетом», – поется в Великую субботу, и чья первоначальная душа не трепетала любовью в этом совершенном страхе-любви?

Но стремление к любви не есть ее домогательство. Только стяжанием новонаначального страха мы доказуем, что в душе уже живет начало любви.

«Вводимому на путь благочестия не должно руководствоваться одною благодатию к исполнению заповедей, но и памятованием о строгости судов Божественной правды почаще быть возбуждаему на подвиги; чтоб как любовь вожделевать Божественное, так страхом воздерживаться от худого. Почему говорит: *«милость и суд воспою Тебе, Господи»* (Пс. 100:1), свидетельствуя, что как любовь услаждаемый молитвенно с Богом беседует, так страхом укрепляемый песнь к Нему воссылает» (св. Максим Исповедник, Д III – 248).

Вот почему, читая Отцов, часто трудно установить, о каком виде страха Божия они говорят. Очевидно, это и не надо устанавливать. Нужно думать не об определении, в каком виде страха Божия мы находимся, а о том, чтобы его приобрести. В нем разрешается вся практика христианства

– в богослужении, в мышлении, в жизни. Вот один характерный пример: многие люди имеют не страх Бога, а страх людей. *«Тамо убоящися страха идеже не бе страх»*, – говорил псалом (Пс. 13:5, 52:6). А по учению Отцов, страх Божий вытесняет из сердца страх людей и человек освобождается от тяжелого психологического гнета: «Кто проникнут страхом Божиим, тот не боится обращаться среди злых людей» (пр. Симеон Новый Богослов, Д 5–15). Страх Божий впервые дает человеку радость свободы. «Страх Господень», вошедши в сердце... соделывает человека свободным» (Антоний Великий, От. 5). Вот почему в другом псалме сказано: *«Возвесели сердце мое бояться имени Твоего»* (Пс. 85:11).

Приобрести хотя бы начатки страха Божия есть уже великое дело.

Преп. Серафим говорил: «Никто не может стяжать страха Божия, доколе не освободится от всех забот житейских. Когда ум будет беспопечителен, тогда движет его страх Божий и влечет к любви» (ДС – 141).

Отречение от мира во имя любви к Богу ведет к стяжанию новонаначального страха Божия, а страх Божий начинает вести человека к любви совершенной, к тем семи дарам Святого Духа, о которых говорит Писание.

Преп. Никита Стифат пишет: «Семь есть даров Духа. Слово Божие, перечисляя их, начинает сверху – от премудрости, и нисходит до конца: до духа страха Божия, говоря: дух премудрости, дух разума, дух совета, дух крепости, дух ведения, дух благочестия, дух страха Божия (Ис. 11:2–3). Нам же надлежит начинать с очистительного страха, т.е. со страха мук, чтобы прежде посредством его отторгши себя от худа и покаянием очистившись от скверн греха, достигнуть и сего чистого страха (страха-любви), дара Духа» (Д 5–148).

Когда монах V века, преп. Иоанн Карпафийский говорит о божественном страхе, он передает нам духоносное время первой любви – раннее утро жен-мироносиц: «...жены, бывшия с Мариною, *со страхом и радостью великою бежали от гроба* (Мф. 28:8). Может быть, и мы когда-нибудь со страхом и радостью от мысленного устремимся гроба» (Д III – 80).

Глава III. О ПОДВИГЕ И БЛАГОДАТИ

«Облекитесь во всеоружие Божие»

Апостол Павел (Еф. 6:11)

Ум человека, полюбившего Бога и почувствовавшего страх потерять Его, стремится всегда быть с Ним. Но «невозможно, – говорит св. Максим Исповедник, – уму всегда быть с единым Богом, если не стяжет он... любви, воздержания и молитвы. Любовь укрощает гнев, воздержание иссушает похоть, а молитва, отрешая ум от всех помышлений, нагим представляет его самому Богу. Эти три добродетели совмещают в себе все правды...» (Д III – 143–144).

К этим трем великим родовым понятиям совершенства и другие Отцы сводят всю многосложность своего учения о подвиге христианского пути.

«Если хочешь улучшить спасение, отрекись от плотских сластей, и восприими воздержание, любовь и молитву» (авва Фалласий, Д III – 292).

Да будут чресла ваши препоясана и светильники горящи, – говорит Господь (Лк. 12:35). «Доброе препоясание чресл наших, посредством которого мы делаемся хорошо приспособленными и легкими на делание, есть воздержание со смирением сердца; под воздержанием же я разумею отсечение всех страстей. А духовного светильника световодитель есть чистая молитва и совершенная любовь» (св. Федор Эдесский, Д III – 343).

«Невозможно уму быть мирну в молитве, если не стяжает он наперед содружества с воздержанием и любовью...» (св. Илия пресвитер, Д III – 439).

Об этих трех образах совершенства говорил и преп. Серафим: «В стяжании Духа Божия состоит истинная цель нашей жизни христианской. Я вам желаю, чтобы вы всегда были в благодати Духа Святого, приобретали ее средствами, о которых я уже сказал вам, и рассуждали бы, – которое средство дает вам более благодати Духа Святого, тем средством и занимались бы: дает вам более благодати Божественная молитва и бдение – бдите и молитесь; много дает Духа Божия пост – поститесь; более дает милостыня – милостыню творите» (преп. Серафим, С – 7, 8).

Слова «пост» и «милостыня», стоящие в этом наставлении, надо, очевидно, понимать не как указание на отдельные виды добродетелей, а как обозначение общих понятий: воздержания и любви к людям.

Возможно, что в словах преп. Серафима есть еще указание и на то, что существуют какие-то три основных типа духовных характеров, т.е. что люди христианского подвига могут иметь духовное предрасположение

или к «посту» или к «милостыне», или к молитве.

У аввы Иоанна-пророка есть слова, дающие ту же мысль. «Как ремесленник, – говорит он, – который хорошо знает свое ремесло и по быстроте ума своего занимается и другими ремеслами, не называется мастером их, но только мастером своего ремесла; так и здесь имеющий все добродетели, по той познается и от той получает наименование, чрез которую наиболее сияет в нем благодать Духа» (В – 440).

Но во всяком случае, трйственностъ духовныхъ характеровъ не есть расчлененіе единого образа. *Дары различны, но Дух один и тот же; и служения различны, а Господь один и тот же; и действия различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех (1Кор. 12:4–6).* В каждом индивидуальном пути будет непостижимо созидаться триединство. Тот, кто по преимуществу идет путем молитвы, рано или поздно, легко или после тяжелых опытов, поймет, что без воздержания молитва его бесплодна. И тот, кто молится, и тот, кто по преимуществу идет путем воздержания, неизбежно поймут еще и то, что без любви к людям все умирает: и воздержание и молитва. И это не только в смысле общего пути, но и в отношении каждого отдельного духовного шага. Тот, кто встал утром на молитву, знает, что она тогда наиболее легка, когда совершается до принятия пищи: воздержание дало крылья молитве. И он же знает, что если он во время молитвы не войдет в какое-то лоно любви к людям и не простит тем, которые его огорчили, то и Отец Небесный не простит ему и не примет молитвы. Только в трйственном единстве человек может идти своим особым путем. *Кто соблюдет весь закон, – говорит Апостол, – и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виновным во всем (Иак. 2:10).* Три родовых понятия совершенства – любовь к людям, воздержание и молитва – сливаются в единый образ пути, будучи сами развитием того триединого чувства, которое образовалось в человеке к Богу: любви к Нему, смирения пред Ним и отречения от мира для Него. Любовь к Богу доказывает себя любовью к людям, смирение перед Ним обретает дыхание в молитве, отречение от мира для Него отрекается от зла в воздержании. Свеча, зажженная перед Богом, загорается трйственным отсветом в душе человека. Если человек неложно возлюбил своего Господа, то так же искренно он пойдет к этим трем образам совершенства, сознавая их как единый путь к Нему. Это и есть принятие в подвиге любви всего Евангелия, когда оно становится единым законом неделимого совершенства.

Подвиг есть движение к Богу. Но устремленности начатого пути еще далеко не достаточно для его прохождения. Только благодать Божия – учат

Отцы – имеет силу и власть осуществить тройственный союз совершенства, к которому человек должен мужественно устремить себя.

Из сочетания подвига или усилия человека в его устремленности к Богу и благодати Божией, это устремление осуществляющей, и образуется христианский путь.

«Никто из нас, – говорит св. Федор Эдесский, – собственными силами не может избежать обходов и козней лукавого, но только непобедимую силою Христовою. Потому опасно заблуждаются мечтающие совершаемыми ими подвигами и силою воли своей упразднить грех, упраздняемый одною благодатию Божиею. Чего ради светило Церкви, Иоанн Златоуст, говорит, что недостаточно одного усилия человеческого, если не получится и помощь свыше; и опять – никакой не будет пользы от помощи свыше, если не будет собственного усилия» (Д III – 334–335). «...Душа может противиться греху, но не может без Бога победить...» (преп. Макарий Великий, Д 1–188).

«Ведай, что если не будешь употреблять всех своих усилий к преодолению своей страсти, помощи от Бога не получишь, и, если усиливаясь всеусердно, на одни свои силы надеешься, успеха никакого иметь не будешь. Усиливаясь усиливайся всеусердно, но успеха ожидай от одной помощи Божией. Придет несомненно помощь, и сделав твои бессильные усилия всеильными, подаст тебе удобную победу» (преп. Никодим Святогорец, Н – 224).

Подвиг есть прохождение узкого пути, ведущего в жизнь (Мф. 7:14), а узкий путь означает скорбь. Вне скорби души нет пути к Царству Божию: *жена, когда рождает, терпит скорбь* (Ин. 16:21). Но все дело именно в том, что когда человек подходит – здесь, на земле, среди своих дел и забот – к вратам Царства благодати, которое внутри его, он *уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир* (Ин. 16:21). Тогда, – как говорит св. Исаак Сирин, – он найдет «такие скорби, которые сладостнее меда» (Д II – 733). Тогда путь, оставаясь узким, становится широким, как безмерность вечной жизни, уже начинаемой здесь. Об этом поется на стихирах 1-й недели Великого поста: «Воздержания наслаждение и мне, слове, даруй, якоже Адаму Рай иногда, от всякия Твоя вкушати заповеди, Боже наш». Путь подвига, оставаясь путем подвига, становится духовным Раем, и горечь воздержания – наслаждением души.

Все Отцы считают, что величайшей силой и научающей и укрепляющей человека в подвиге, дающей ему ревность и радость к прохождению пути, является это вкушение Божественной благодати

Святого Духа.

«Почему когда один брат спросил св. Антония: отчего, когда Бог, по всему Писанию, обещает душе блага высия, душа не бывает постоянно тверда в искании их, а уклоняется к преходящему, тленному и нечистому? – он отвечал: кто не вкусил еще сладости небесных благ, тот не прилепился еще к Богу от всего сердца своего; потому и возвращается на тленное» (преп. Антоний Великий, Д 1–130).

«...Душа человеческая, если нет в ней Божией радости, бывает слаба и многие приемлет раны» (он же, Д 1–46).

«...Если ограничится он (человек) своим деланием и не будет надеяться приять нечто иное, и не повеют на душу ветры Духа Святого, не явится небесное облако, не снидет с неба дождь, и не оросит душу; то человек не может принести достойных плодов Господу» (преп. Макарий Великий, Д 1–219).

Есть прямая практическая нужда в том, чтобы учение св. Отцов о благодати было ясно воспринято сознанием. Без благодати – без светоносной силы Божией – невозможен христианский путь.

«Как тело без души мертво и не может ничего делать, так без небесной души, без Духа Божия, и душа мертва для царства, и без Духа не может делать того, что Божие» (преп. Макарий Великий, Д 1–197).

«Блажен, кто воистину сознал, что Бог в нас, как в органах, совершает всякое дело и созерцание, добродетель и ведение, победу и мудрость, доброту и истину, так что мы совершенно ничего к сему от себя не привносим, кроме одного, желающего добра, расположения...» (преп. Максим Исповедник, Д III – 275).

Труды и поты подвижников (а св. Максим, просиявший к тому же и мученичеством, особенно среди них почитается) яснее всего говорят, что «желающее добра расположение» было в них неукротимой силой жизненного действия, но именно поэтому важно это их обычное определение подвига. Божественная помощь осознавалась ими, настолько безмерно превосходящий труд подвижника, что его значение было для них только в том, чтобы показать направленность воли, показать, что человек возжелал Бога и устремился к Нему. Подвиг доказует только свободное «да», сказанное жизнью человека – нетленной жизни Божией, а не право на нее и не обладание ею. Это «да» выговаривается великой душевной борьбой всей жизни. Чем сильнее оно, чем глубже любовь человека к Богу – тем сильнее подвиг жизни. И на это «да» – и сильное и слабое – отверзаются врата благодати для помощи и водительства.

Один ученик спросил Варсонофия Великого: «Бог сотворил человека

свободным и Сам же говорит: *без Меня не может делать ничего* (Ин. 15:5). Спрашиваю: как согласить свободу с тем, что без Бога ничего нельзя сделать? Старец ответил: «Бог сотворил человека свободным, дабы он мог склоняться ко благу; склоняясь уже к нему произволением своим, он не в состоянии бывает совершить благого без помощи Божией, ибо написано: *ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога* (Рим. 9:16). Итак, когда человек преклоняет сердце свое ко благу и призовет на помощь Бога, то Бог, внимая его доброму усердию, подаст ему силу к деланию, и таким образом бывает место тому и другому: и свободе человека и помощи, даруемой ему от Бога; ибо благое проистекает от Бога, совершается уже через святых Его» (В – 490).

«Стяжание добродетели и ведения достигается не собственными нашими естественными силами, а благодатью» (св. Максим Исповедник, Д III – 272–273).

«На всяк час и минуту требуем помощи Божией... Молись убо всегда и воздыхай ко Господу, чтобы подал тебе благодать Свою и в ней бы тебя сохранил: благодати Божией (мы) на всяку минуту требуем» (св. Тихон Задонский, Т – 33, 26).

Конечно, эта сторона христианства труднее всего для восприятия, потому что здесь то, что человек не совсем понимает, а ему все хочется и в религии остаться в привычной обстановке своих душевных пониманий. *Духа истины, которого мир не может принять, потому что не видит Его, и не знает Его* (Ин. 14:17). *Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия* (1Кор. 2:14). Сочетание подвига и благодати – не рассудочная теория, а тайна веры.

Где же живет благодать и как раскрыть ее в себе?

«...От крещения, – говорит св. Марк-подвижник, – по дару Христову, нам дарована совершенная благодать Божия к исполнению всех заповедей; но потом каждый, получив оную таинственно, и не совершая заповедей, по мере опущения их, находится под действием греха, за то, что по нерадению, получив силу действовать (благодать), не совершает дел... Сколько мы, веруя, исполняем заповеди Божии, столько и Дух Святой производит в нас Свои плоды... Итак, если кто из верных, живя по заповедям, соразмерно тому обрел некое духовное действие, да верует, что он уже прежде получил силу на то (разрядка авт.), ибо получил в крещении благодать Духа – причину всего благаго, не только тайных и духовных, но и явных добродетелей... благоволить о добродетелях зависит от нашего самовластия, а соделать их, или искоренить грехи, без Бога невозможно» (Д 1–488, 489).

«В божественных ложеснах, т.е. в священной купели, всецело совершенную божественную благодать приемлем мы туне (даром). Если же после того... закроем ее мглою страстей, то можно и после сего через покаяние и исполнение заповедей богодейственных опять воспрять и снова стяжать преестественную ея светлость... как говорит св. Марк: «Христос, яко Бог совершенный, совершенную даровал крестившимся благодать Святаго Духа, которая никакого от нас не получает прибавления, а только открывается и проявляется в нас соответственно исполнению заповедей, и приложение веры подает нам, *дондеже достигнем вси в соединении веры, в меру возраста исполнения Христова (Еф. 4:13)*. «Почему, если что приносим мы после того, как возродимся в Нем, то и это Им и из Него было уже сокрыто в нас» (блаж. Каллист и Игнатий, Д 5–336).

«Сказал авва Арсений (Великий): если взыщем Бога, то Он явится нам, – и если будем удерживать Его в себе, то Он пребудет с нами» (От. 37).

«Взыскание» и «удерживание» в себе Бога есть подвиг очищения себя и раскрытие в себе «уже сокрытой в нас» с крещения и уже спасшей нас Божественной силы – благодати Божией, даваемой нам даром, за веру в искупительную кровь Иисуса Христа. Этот подвиг очищения и раскрытия есть дело «неключимого раба» – борьба со страстями и стяжание духовности, воспитание в себе духовного чувства.

Наша слепота выражается в том, что, предоставляя подвиг монахам, мы легким и самодовольным религиозным благополучием хотим подменить труд и тревогу благодатной веры в ее искании богатства Царства Божия.

«Вера есть сила... благонастроение, подающее преестественное, непосредственное, совершенное единение верующаго с веруемым Богом» (св. Максим Исповедник, Д III – 263).

«Святая Дева, осененная Духом, зачала и носила во чреве вочеловечившагося Сына Божия: подобно этому те христиане, на которых низойдет благодать Святаго Духа, таинственно зачинают и носят в сердцах Сына Божия действием Святаго Духа» (преп. авва Исаия, От. 218).

Может ли быть легкой и самодовольной такая величайшая вера? И может ли быть для человека, живущего в ней, какая-нибудь другая цель, кроме стяжания благодати Святого Духа?

«Цель благочестия – сподобиться исполнения Духом Святым» (преп. Ефрем Сирий, Д II).

Цель и конец стремления нашего – проявление «в нас благодати

Святого Духа» (блаж. Каллист и Игнатий, Д 5–311).

«Цель всех по Богу живущих есть – благоугодить Христу Богу нашему и примириться с Богом Отцом чрез приятие Святого Духа, – и таким образом устроить свое спасение: ибо в этом состоит спасение всякой души... Бесполезен всякий путь жизни, не ведущий к сему...» (преп. Симеон Новый Богослов, Д 5–34).

Эти слова важны нам вдвойне: во-первых, они точно определяют цель жизни всякой христианской души – соединение с Богом через приятие Св. Духа, и именно через это приятие, так как «сообщение Бога с человеками бывает посредством Духа Святого» (преп. Иоанн Дамаскин. – Слово на Рождество Богородицы); а во-вторых, они раскрывают нам всю широту того подвижнического термина «спасение души», который мы обычно подозреваем в «узости» и «монашеском эгоизме». Спасение души – это соединение с Богом, через Которого человек соединяется в любви со всеми людьми. Вот цель подвига, и вот почему этот подвиг не только обязателен, но и велик. Величие цели предопределяет трудность подвига – того движения человека к Богу, той его борьбы, посредством которой он раскрывает в себе дарованное ему даром в крещении причастие Духа.

«...Главное дело христианства, – учит св. Макарий Великий, – освящение падшей души действием благодати Святого Духа... Одухование есть душа души. Без него нет жизни. Оно – залог и будущего светлого состояния» (Д 1–153).

«...Всячески надо озаботиться стяжать Духа благодати. Ибо, если Его нет в тебе, все жертвы и труды твои ничто...» (он же, Д 1–221).

«Господь открыл мне, – говорил преп. Серафим своему духовному другу, – что вы, ваше Боголюбие, с ранних лет введены Провидением Божиим в круг духовных людей, даже и Архиереев, и неоднократно спрашивали: «в чем состоит цель жизни христианской?» Но они вам того никто не разъяснили и даже сердились на вас и говорили, что вы заняты не богоугодным любопытством и неправильно приводили вам слова Священного Писания, говоря: *Высших себя не ищи* (Сир. 3:21). А это происходило оттого, что они хотели скрыть через то духовное свое невежество и не истинно говорили вам: «Ходи в церковь, молись Богу, твори заповеди Божии, делай добро – вот тебе и цель жизни христианской». Но они это не так, как следовало, вам растолковали. Цель жизни христианской состоит в стяжании Духа Божия, и эта цель жизни всякого христианина, живущего духовно... Пост, бдение, молитва, девство и все другие добродетели, ради Христа делаемые, сколько ни хороши они сами по себе, однако же не в них одних состоит цель нашей христианской

жизни и не затем мы родились, чтобы лишь только их творить; но цель жизни нашей – это есть та благодать Духа Божия, которую они приносят нам, и вот в стяжании ее-то одной (через них приобретаемой) и состоит цель жизни христианской» (С – 41, 42).

Слова преп. Серафима имеют для нас особое значение и силу. Вот что говорит преп. Симеон Новый Богослов о «последнем святом»: «Кто не изволяет со всею любовью и желанием в смиренномудрии соединиться с самым последним (по времени) из всех святых, имея к нему некое неверие, тот никогда не соединится и с прежними, и не будет вчинен в ряд предшествовавших святых, хотя бы ему казалось, что он имеет всю веру и всю любовь к Богу и ко всем святым. Он будет извержен из среды их, как не изволивший в смирении стать на место, прежде век определенное ему Богом, и соединиться с тем последним (по времени) святым, как предопределено сие ему Богом» (Д 5–51, 52).

«Последний святой» оставил нам принятое им от древних Отцов учение о цели христианской жизни.

Цель потому и есть цель, что она еще вполне не достигнута, или совсем не достигнута, но она для того и ставится, чтобы ее достигать, чтобы направление духовного пути было правильно.

«Ничего не думай и не делай без цели по Богу; ибо бесцельно путешествующий напрасно тратит труд» (св. Марк-подвижник, Д I – 525).

«Если человек, находясь еще в брани, когда в душе его действительны и грех и благодать, преставится из мира сего, – то куда поступает сей одержимый и тем и другим? – Поступает туда, где ум (его) имеет свою цель и любимое место» (преп. Макарий Великий, Д I – 269).

Вот, значит, как важно иметь это «любимое место» – эту цель любви: – даже и не достигаемой нами за нашу греховность. Не имея того утешения Утешителя, которое имели святые, мы должны хотя бы сохранять теплоту своего воздыхания о Нем, свою мечту о «Нечаянной Радости». И великие грешники слышат иногда призывающее веяние благодати.

«Всегда мы рассеянны и слабы, – говорит св. Ефрем Сирин, – завистливы и лукавы, часто думаем друг о друге худо, занимаемся лукавыми помышлениями, и всегда, как в ужасной тине, погружены в помыслах. И когда благодать приходит посетить нас, встречает в сердцах наших зловоние нечистых помыслов и тотчас отступает, не находя себе входа, чтоб вселиться и обитать в нас, как ей угодно. И разве только светоносною своею сладостию производит впечатление на сердце, чтоб ощутил человек, что благодать посещала его, но не нашла себе входа,

чтобы таким образом усладившись озарением благодати, взыскал он ее» (Д II – 326–327).

«Святой Дух, снисходя к нашей немощи, приходит к нам и когда бываем мы еще не чисты; и если только найдет ум наш искренно Ему молящимся, находит на него и разгоняет всю окружающую его толпу помыслов и представлений... располагая его чрез то к вожделению духовной молитвы» (преп. Нил Синайский, Д II. – 214). Единственность цели жизни христианина – взыскание Бога – настолько непреложна и очевидна для сознания Отцов, что они ощущают ее как цель не только всего пути, но и каждого отдельного духовного шага.

«Когда читаешь Божественные Писания, не то имей в виду, чтобы только прочитывать лист за листом, но с размышлением вникай в каждое слово, и когда какие слова заставят тебя углубиться в себя или произведут движение сокрушения, или радостию духовною и любовью исполнят сердце твое, – остановись на них. Это Бог приближается к тебе; смиренно приими Его отверзтым сердцем, так как Он Сам хочет, да приобщись Его. Если ради сего придется тебе оставить неисполненным, что положено было для сего духовного упражнения (т.е. чтения), не беспокойся о сем. Ибо цель всех духовных упражнений, как и сего, есть сподобиться вкушения Бога, и когда оно дано, нечего останавливаться на средствах к нему» (преп. Никодим Святогорец, Н – 277).

«Не имей другой цели, кроме того, чтобы обретать Бога, где Он поблаговолит явить Себя тебе. И когда будешь сподобляем сего, пресекай всякое другое дело и не подвигайся в нем вперед, – забудь все другое, и упокоевайся в едином Боге твоём.

Когда же благоугодно будет величеству Его взяться от тебя и престать являть близость Свою к тебе в настоящем случае, тогда опять можешь обращаться к обычным твоим духовным упражнениям (деланиям) и продолжать их, имея в виду ту же цель, т.е. обрести чрез них Возлюбленного твоего» (он же, Н – 278).

«Трудничество (христианское делание)... имеет задачей обыкновенные всем подвигам и всем добродетелям, но не с тем, чтобы на этом и стоять, но это самое обращать к развитию внутренней жизни и стяжанию действительности Духа. Но иные на этом одном и останавливаются, доходят до исправного поведения – и только, а на сердце не обращают внимания и Духа благодати не ищут. Оттого и труд несут, а плода не имеют» (свят. Феофан Затворник, Д I – 21).

Вся практика духовной жизни должна сводиться к поддержанию или возобновлению, к охранению или к поискам благодатного тепла,

питающего духовные ткани жизни. «Иисусе – теплото любимая, огрей мя», – молимся мы в акафисте.

«Когда душа, предательски изменяя сама себе, погубит блаженную и возжеленную теплоту, тогда пусть исследует прилежно, по какой причине она лишилась ее, и на эту причину да обратит весь труд свой и всю ревность. Ибо прежнюю теплоту нельзя иначе возвратить, как теми же дверями, которыми она вышла» (св. Иоанн Лествичник, Д II – 492).

Смысл этих слов в точности повторил и преп. Серафим в своей беседе о цели жизни.

Искание теплоты благодати Св. Духа есть искание помощи и спасения, это рука утопающего в холоде греха, протянутая к своему Спасителю, а поэтому это совсем не есть искание особых благодатных дарований или высоких благодатных состояний, которые посылаются людям от Бога по Его смотрению, а не по их самомнительному ожиданию. «Такое ожидание, – говорит еп. Игнатий Брянчанинов, – свидетельствует о скрытном удостоении себя, а удостоение (себя) свидетельствует о таящемся самомнении. За гордостью удобно последует прелесть» (Б).

Помощь благодати, взыскуемая верой, действует многообразно и неизреченно, но всегда через покаяние и полное смирение души.

«Божественное действие, – пишет еп. Игнатий Брянчанинов, – невещественно: не зрится, не слышится, не ожидается, невообразимо, необъяснимо никаким сравнением, заимствованным из сего века. Сперва показывает человеку грех его, непрестанно держит страшный грех перед его очами, приводит душу в самоосуждение, являет ей падение наше, эту ужасную, темную, глубокую пропасть гибели, в которую ниспал род наш согрешением нашего праотца. Потом мало-помалу дарует сугубое внимание и сокрушенное сердце при молитве. Приготовив таким образом сосуд, внезапно неожиданно, невещественно прикасается рассеченным частям и – они соединяются воедино. Создатель подействовал при воссоздании, как действовал Он при создании. Созданный Адам внезапно ощутил себя живым, мыслящим, желающим. С такою же внезапностью совершается и воссоздание... Кто Совершающий? – Чувствую, ощущаю в себе присутствие Странника. Откуда Он пришел, как во мне явился – не знаю. Явившись, Он пребывает невидимым, вполне непостижимым. Но Он присутствует: потому что действует во мне, потому что обладает мною, не уничтожая моей свободной воли, увлекая ее в свою волю несказанною святостью Своей воли. Объемлется все существо мое глубоким таинственным молчанием, вне всякой мысли, вне всякого мечтания, вне всякого душевного движения, производимого кровью; субботствует и

вместе действует все существо мое под управлением Святого Духа... Божественный Странник отходит, скрывается так же незаметно, как незаметно приходит и является. Но Он оставляет во всем существе моем благоухание бессмертия, невещественное, как и Сам Он невеществен, благоухание духовное, живительное, ощущаемое новым ощущением, которое Он насадил или воскресил во мне. Оживляемый, питаемый этим благоуханием, пишу и скажу слово жизни братии моей. Когда же истощится это благоухание, когда раздастся в душе моей воня смертная страстей, тогда и слово мое – без жизни, заражено смрадом и тлением» (БП – 314–321).

«Потеря благодати страшнее всех потерь; нет бедственней состояния, как состояние человека, потерявшего благодать. Надо иметь непрестанную бдительность, чтобы сохранить ее. Она дается нам даром, по единому милосердию Божию, но к сохранению ее мы должны прилагать все свое тщание» (старец Парфений Киево-Печерский, ПБ – 475).

Но учение о благодати вычеркивает самую возможность отчаяния.

«Если оставлен быв благодатию, пал ты падением плоти, или языка, или помысла, да не покажется тебе сие удивительным или странным: твое это падение и по твоей вине. Ибо если бы прежде не подумал о себе что-либо особенное и важное, или не вознесся над кем-либо в горделивом о себе мудровании... то не был бы, по праведному суду Божию, оставлен благодатью» (преп. Никита Стифат, Д V – 104). Падение «не удивительно», так как первоисточное зло – гордость – есть причина отпадения от первоисточного блага, но и не безнадежно, так как восстановление в руках все той же благодати через покаяние и смирение души. В сражении получают раны, – но *встань, как добрый воин Иисуса Христа (2Тим. 2:3)*, – в восставляющей силе благодати.

«В первый год по получении Святого Духа, – рассказывает о себе авва Силуан, – я думал: грехи мне Господь простил, благодать свидетельствует об этом; чего мне еще более надо? Но не так надо думать. Хотя грехи прощены, но всю жизнь надо о них помнить и скорбеть, чтобы сохранить сокрушение. Я так не делал и перестал сокрушаться, и много я потерпел от бесов. И я недоумевал, что со мною делается. Господь Меня пожалел и Сам научил меня, как надо смиряться: «Держи ум твой в аде и не отчаявайся». И этим побеждаются враги. А когда я умом выхожу из огня, то помыслы снова приобретают силу. Кто, подобно мне, потерял благодать, тот... знай, что ты сам виноват: впал в гордость и тщеславие, и Господь милостиво дает тебе познать, что значит быть в Духе Святом и что значит быть в борьбе с бесами. Так душа опытом познает вред

гордости, и тогда бегают тщеславия и похвалы человеческой и помыслов. Тогда начнет душа выздоравливать и научается хранить благодать» (ЖМП, 1956, № 1, 2, 3).

«Господи, никогда не попусти нам лишиться благодати Божией Твоей» – взывает Симеон Благоговейный. От него же сохранилась молитва о возвращении утерянной благодати: «...да внидет паки благодать Твоя в раба Твоего, да, видят ее, радуются с умилением и плачем, будучи просвещаемы присносветлым сиянием ее» (Д V – 72).

Благодать потому-то и есть та сила, которая устремляет человека к Богу, что она и питает любовь к Нему, и становится для человека истинным питанием жизни.

«Христианство есть пища и питье. И чем больше кто вкусит его, тем более возбуждается сладостию ум, делаясь неудержимым и ненасытимым, более и более требующим и вкушающим» (преп. Макарий Великий, Д I – 230).

«Благодать есть небесный внутри тебя огонь. Если будешь молиться, помыслы твои предашь любви ко Христу, то как будто подложишь дров, и помыслы твои сделаются огнем и погрузятся в любовь Божию» (преп. Макарий Великий, Д. 1–242).

Но божественный огонь благодати питает не только любовь, но и смирение ума. «Приявший благодать почитает себя униженным паче всех грешников. И такой помысл насажден в нем как естественный... Если же увидишь, что кто-нибудь превозносится и надмевается тем, что он причастник благодати, то хотя бы и знамения творил он и мертвых воскрешал, но если не признает души своей бесчестной и униженной и себя нищим по духу и мерзким, окрадывается он злобою и сам не знает того. Если и знамения творит он, не должно ему верить; потому что признак христианства и того, кто благоискусен пред Богом, стараться таить сие от людей, и, если имеет у себя все сокровища царя, скрывать их и говорить всегда: «не мое это сокровище, другой положил его у меня, а я нищий; когда положивший захочет – возьмет его у меня». Если же кто говорит: «богат я, доволен с меня и того, что приобрел, больше не нужно», – то таковой не христианин, а сосуд прелести и диавола» (преп. Макарий Великий, Д I – 231).

В учении о благодати Отцы показывают, что нет никакого противоречия между учением Апостола Павла о спасении верой и учением Апостола Иакова о спасении делами веры. Все дело в том, что это есть дела именно веры, питаемой благодатью, т.е. что это все та же вера, действующая любовью Апостола Павла, ради которой, а не ради «дел» вне

благодати веры, совершается спасение. В благодатной вере нет различия между верой и делами ее.

«Господь неразрывным союзом сочетал с правою верою и соблюдение заповедей, зная, что при разделении одного от другого, невозможно спастись человеку» (преп. Максим Исповедник, Д III – 150).

«Порабощенный сластям и славы не от Бога, а от человеков ищущий (т.е. тщеславный), не верен есть, говорит (Господь) (Ин. 5:44). Хотя на словах и верным кажется таковой, но он сам себя обманывает, не видя того» (св. Григорий Синаит, Д V – 219).

«Вера благодатная обнаруживается делами по заповедям, как и заповеди делом исполняются и светлы бывают верою, которая во благодати. Вера есть корень заповедей или, лучше, источник, напоющий их» (св. Григорий Синаит, Д V – 226). «Дела спасения суть дела веры» (свят. Игнатий Брянчанинов).

Все спасение свое и прощение, все оправдание и усыновление, все причастие вечной жизни человек получает еще до совершения дел – в благодати крещения, за свою веру, т.е. даром, как милость Божию. Но воссияние этого спасения совершается в течение жизни по мере того, как вера, за которую человек ее получил, будет доказывать себя в подвиге. За веру отверзаются врата вечные, – от человека зависит, войти в них своей жизнью или не войти; но войдет ли он или не войдет, – остается неизменным то, что врата были ему уже за его веру открыты. Если вера не докажет себя подвигом жизни, трудом любви, значит человек не захотел раскрыть уже заложенное внутри его сокровище благодати, спасающей его даром, кровию Иисуса Христа.

«Как солнце, будучи совершенно, изливает от себя всем совершенную, простую и равную благодать, но каждый насколько имеет очищенное око, настолько и принимает солнечный свет, так и Дух Святой верующих Ему соделал от крещения способными к принятию всех Своих действий и даров; однако дары Его действуют не во всех в одной мере, но каждому даются по мере делания заповедей, поколику он засвидетельствует благими делами и покажет меру веры во Христа» (преп. Марк-подвижник, Д I – 490).

Весь смысл христианского подвига в том, что исполнением заповедей раскрывать в себе полученный даром в крещении Солнечный Свет.

Пронизанность всей аскетики светом учения о благодати делает светлым само понятие подвига. Мы очень не любим это слово и, думается мне, не только потому, что не любим узкий путь к Царству Божию. Виденные или слышанные нами примеры ложного подвига отбили у нас к

нему всякий вкус. Вспомним хотя бы старца Ферапонта из «Братьев Карамазовых», большие и малые прототипы которого всегда имелись среди подвижавшихся. У преп. Никиты Стифата есть о них такие слова: «Многие из верных и ревностных христиан тела свои многими подвижническими трудами измождали; но как они при сем не имеют умиления от сокрушенного и благолюбивого сердца и милосердия от любви к ближним и к самим себе, то оставлены пустыми, лишенными исполнения Духа Святого и удаленными от истинного познания Бога, имея мысленные ложесна свои неплодными и слово бессольное и бессветное» (Д V – 170).

У других Отцов есть еще более суровые обличения ложного подвижничества. Ложь его в гордости подвига, в утверждении всех дел его, как спасающей силы, что наглухо закрывает дверь для благодати, а тем самым любви и смирения. «Душа истинно христоролюбивая, хотя бы совершила тысячи праведных дел, по ненасытимому стремлению своему к Господу думает о себе, будто бы ничего еще не сделала... она уязвлена любовью Небесного Духа (преп. Макарий Великий, Д I – 229).

Святые жили в окружении Света Его, весь их путь освещался лучами Его, он ослеплял им глаза и они уже не видели себя, не замечали себя и своих дел. Неся свои кресты, они знали, что спасение свое они имеют только от одного и уже никогда больше не повторимого в мире Креста, что *не оправдится пред Тобою всяк живой (Пс. 142:2)*, что несмотря на всю неизбежность делания «неключимого раба» – «подвиг Владыки, а венец наш» (св. Иоанн Златоуст, ЖМП 1957, № 4). «Знаю монахов, которые после многих трудов пали и обезумели, потому что понадеялись на свои дела» (преп. Антоний Великий, От. 30). В гордости подвига или своих «должных» или «сверхдолжных» дел, или своего «нравственного состояния» (если и подвига и дел никаких нет) – все то же древнее фарисейское заблуждение: *благодарю Тебя, что я не таков, как прочие человеки: пощусь два раза в неделю и т.д. (Лк. 18:11–12)*. В то время как делами закона не оправдается никакая плоть (Гал. 2:16), а только верой, действующей любовью (Гал. 5:6). Верою получили мы доступ к благодати (Рим. 5:2). Здесь можно указать, что святые Отцы, проводившие жизнь в великих подвижнических трудах, оставили нам учение о возможности стяжания благодати и без обычных трудов телесного подвига, а только за веру и любовь, ее доказавшую, т.е. только в подвиге душевном.

«Беспредельная и непостижимая мудрость Божия, – говорит преп. Макарий Великий, – непостижимым и неисследимым образом многообразно совершает раздаяние благодати человеческому роду. Иных,

как скоро приступают с верою и молитвою, пока еще живут в мире, без их трудов, потов и изнурений, предваряют дарования и дары Святого Духа. При сем Бог дает благодать не без причины, не безвременно, но чтобы оказались благоискусными произволение и свободная воля тех, которые скоро получают Божию благодать, а именно в том, что чувствуют они благодеяние, оказанную им милость и сладость Божию, по мере сообщенной им без собственных трудов благодати, которой сподобившись, обязаны они показать рачительность, неутомимость, усилие и плод любви от своей воли, и воздать за дарования, т.е. всецело предать себя, посвятив любви Господней» (преп. Макарий Великий, Д I – 198). «Один трудами по Богу достигает в покой Его, а другой достигает туда же смирением» (преп. Варсонофий Великий, Д II – 560).

О том же говорят преп. Иоанн Лествичник, Григорий Синаит и другие Отцы.

«Некоторые, по непостижимым распоряжениям Промысла Божия, получили благодатные дарования прежде трудов, другие в самих трудах, иные после трудов, а некоторые уже при смерти. Достоин испытания – кто из них смиреннее прочих» (преп. Иоанн Лествичник, Д II – 508).

«Где глубокое смирение, там и слезы обильные; а где есть сие, там есть и присечение Святого Духа; когда же придет благодать поклоняемого Духа, тогда в том, кто начинает быть под действием Его, является всякая чистота и святость» (преп. Симеон Новый Богослов, Д V – 57).

Таким образом не только «гордый подвиг» или гордость «нравственного состояния» не спасает, а наоборот, губит, не столько тогда бесцельны труды подвига, когда он, отрываясь от смирения веры, становится самоцелью, но вообще подвижнический труд, по учению Отцов аскетов, не есть всегда обязательное условие стяжания благодати, т.е. единственной спасающей силы Божией. Спасает только вера, и эта спасительность веры может иногда доказать себя вне обычных трудов телесного подвига: в любви, в молитве и смирении. Но этот путь не есть обычный и общий, а особый, «по непостижимым распоряжениям Промысла Божия», и св. Исаак Сирийский учит, что его нельзя домогаться (Д II – 647, 690, 694, 698, 700). Именно смирение, за которое он посылается, учит, что нельзя требовать для себя ничего «особого», а что надо идти в меру своих сил общим путем смиренного делания, в поте и труде жизни доказывая свою веру в спасительную жертву Божию.

Кроме того, всегда остается подвиг душевный – непрестанное понуждение сердца на всякое добро, борьба внутри себя за любовь Божию, общий для всех узкий путь веры.

Подвиг есть исполнение евангельских заповедей. Именно так понимают этот термин Отцы:

«Подвиги не есть что-либо особое от заповедей, – пишет св. Марк Подвижник. – Они есть заповеди. Покажи мне подвиги, кроме заповедей. Если укажешь на молитву – это есть заповедь; если скажешь о низложении помыслов – и это заповедь (*трезвитесь и бодрствуйте*); если о посте и бдении, – и сие тоже есть заповедь... и какое бы ни сказал ты дело подвижнической добродетели – все они суть заповеди» (Д I – 486).

«Спросили авву Иоанна Колова, что значит инок? Он отвечал: понуждение себя на всякую заповедь Божию составляет отличительную черту инока. Жительствующий так – инок» (От. 354). Подвиг – синоним исполнения заповедей, но преимущественным употреблением этого слова Отцы, вслед за Апостолами, хотят показать, что хотя бремя Христово легко, но в то же время это не легкость прохладной жизни с необременительным и даже приятным исполнением некоторых ритуальных форм и моральных правил, а узкий путь Креста. Евангельское слово о понуждении себя на добро (Мф. 11:12, 7:13) всегда в сознании реализма Отцов. «Если не дашь крови – Духа не примешь», – говорили они (блаж. Каллист и Игнатий, Д V – 375). *Вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха*, – говорит Апостол (Евр. 12:4). Исполнять заповеди до крови души – это значит принять их как кровное дело жизни, как ее подвиг.

«Дай себе умереть в подвигах и не жить в неведении, ибо не только те, кои за веру во Христа прияли смерть, суть мученики, но и те, кои умирают за соблюдение заповедей» (св. Исаак Сирин, Д V – 384), потому что *в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного* (Рим. 7:23). Разорвать эти греховные узы нельзя без тяжелой душевной борьбы, и вот эта борьба есть общий для всех внутренних подвиг веры, она и есть ее узкий путь. «*Подвизайся добрым подвигом веры*», – говорит всем нам Апостол (1Тим. 6:12). Подвиг есть свидетельство веры, как дыхание человека есть свидетельство того, что он жив. «Добродетели (это есть) движение веры» (преп. Ефрем Сирин, Д II – 471), т.е. подвиг есть сама вера в действовании. «Закон заповедей разумей как сердечно действующую веру – непосредственную. Ибо из нее всякая заповедь исходит и совершается просвещение душ» (св. Григорий Синаит, Д V – 202). *Вне подвига нет веры, так как вера, если не имеешь дел, мертва... и бесы веруют, и трепещут* (Иак. 2:17, 19).

Великие дела Отцов были свидетельством их великой веры, но как бы

ни была незначительна наша вера, закономерность все та же: через подвиг веры к благодати спасающей даром. «Подвизайся» – остается всеобщим законом веры, которая и открывается нам как таинственное единство подвига и благодати, непостижимое единство действия и покоя. «Причиной раздаяния божественных благ (благодати) бывает мера веры каждого. Ибо поколику веруем, потоплику и силу ревности о действовании по вере имеем. Действующий по вере соответственную своей деятельности показывает и меру веры, приемля (поколику веровал), и меру благодати. А не действующий по вере, соответственную своему безделию показывает и меру безверия, приемля, поколику не веровал, и лишение благодати» (св. Максим-Исповедник – блаж. Каллист и Игнатий, Д V – 386).

«Что пользует (что пользы) называться христианином, но не быть христианином? Христианина истинного показывает не имя христианское, но подвиг против плоти и всякого греха» (св. Тихон Задонский, Т – 46).

«Подвизайся, чтобы благодать никогда, даже на мгновение, не оставляла тебя за нерадение твое. Когда же, став выше поскользновения, можешь ты перейти стену страстных помыслов.., не окажись неблагодарен, не признав в сем дара, свыше тебя данного; но исповедуй с Апостолом, говоря: *не я, но благодать Божия, которая со мною (1Кор. 15:10)* соделала во мне сию победу (преп. Иоан. Карпаф., Д III – 84). *Иди к муравью, о лениве (Притч. 6:6)*, и научись от него трудолюбному деланию. Но при этом не забывай, что во благах наших не имеет нужды Бог, ни в чем не имеющий недостатка и всем преисполненный, хотя человеколюбие приемлет посильные делания» (преп. Феогност, Д III – 423).

«Заповеди Христовы соблюдая, мы ничего тем не доставляем Ему, ни в чем не нуждающемуся и всех благ подателю, но самим себе благодетельствуем, заслуживая себе жизнь вечную и наслаждение неизреченных благ» (св. Федор Эдесский, Д III – 348).

«Нет нам дороги к самопохвальбе, но плакать долженствуем мы, молясь к Могущему спасти нас от рабства горького фараона и... ввести в благую землю обетования, да обретем наконец покой во Святилище Божиим... Благ же сих, паче ума великих, сподобиться мы можем не от дел, которые успеем наделать в правде, но по безмерной милости Божией» (он же, Д III – 366).

«Господь, желая показать, что всякая заповедь обязательна и что сыноположение есть дар, заслуженный людям Его Кровию, говорит: *Егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы: яко еже должны быхом сотворити, сотворихом (Лк. 17:10)*. Посему Царство Небесное не есть награда за дела, а благостный дар Владыки, уготованный

верным рабам» (преп. Исихий Иерусалимский, Д II – 174). «Кто оправдится от дел закона? И царе-пророк говорит: *«Не оправдится пред Тобою всяк живой»* (Пс. 142:2). Но верую, какую имею в Бога моего, надеюсь спасенным быть, по неизреченному благоутробию Его даром» (преп. Симеон Новый Богослов, Д V – 20).

«Спасаемый Духом, благодари Спасителя Бога. Если же желаешь и дары принести Ему, принеси благодарно от вдовствующей души своей две лепты, – смирение разумею, и любовь. И Он примет их, – что добре ведаю, – паче много богатства добрых дел» (преп. Феогност, Д III – 427).

«Не думай получить ослабу от страстей, нося еще в себе гордостное о добродетелях мудрование. Не увидеть тебе двора мира в благостыне помыслов, и не войти в храм любви с радостью, во всякой милостивости и тихости сердца, – пока надеешься на себя и на дела свои» (преп. Никита Стифат, Д V – 103).

«Раб не требует свободы, как возмездия (как должное), но благоугождает как должник и ожидает ее, как благодати» (св. Марк Подвижник, Д I – 538).

Подвиг воздержания, молитвы и любви к людям есть необходимое движение веры, он есть исполнение рабом Евангельских заповедей, которые он обязан исполнить, чтобы быть «рабом благим и верным». Но спасение раба только в милости Божией, через Его благодать. Царство Божие не есть плата за труды, а непостижимое и нерассчитанное обретение – НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ.

Глава IV. О ВОЗДЕРЖАНИИ И МОЛИТВЕ

«Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем».

Апостол Павел (2Кор. 4:10)

«Если истинно возлюбим Бога, то сею самую любовью отгоним страсти». Преп. Максим Исповедник (Д III, 204)

Есть два основных недоразумения в нашем представлении об аскетике. Первое – это то, что в ней все «изобретено монахами», а не завещано Апостолами, а второе, что в ней проповедуется презрение к человеческому телу. Недавно один верующий сказал мне: «Я принимаю христианство, но зачем же зарывать себя в землю?»

Тут дело, конечно, не в академическом споре. Мы живем не в эпоху «религиозно-философских собраний», а в более серьезное время – окончательного определения себя или как христиан, или как не христиан. Мир страдает от оскудения любви. Отцы учили, что воздержанием человек борется со своей гордостью и самолюбием, – с неразумной любовью к самому себе, т.е. с силой, противоборствующей смирению и любви к людям. «Телесные труды (подвига воздержания) приводят душу к смирению, – пишет св. авва Дорофей, – потому что душа состраждет телу и соучаствует во всем, что делается в теле. (Так) как труд телесный смиряет тело, то вместе с ним смиряется и душа» (Д II – 607). *Смирях постом душу мою* (Пс. 34:13), – читаем мы в псалме.

«Самолюбие есть неразумная любовь к телу, – говорил св. Максим Исповедник. Кто (эту) мать страстей отвергнет, тот, при помощи Божией, удобно отложит и все другие страсти: гнев, печаль, злопамятство и прочие (Д III, 188, 178).

Чтобы не иссякла любовь к другим, чтобы через победу над гневом, гордостью выйти на дорогу любви к людям, – человек должен уменьшить свою любовь к себе, должен надеть на себя узду воздержания. Невоздержание есть прямой источник увеличения холода в мире. Как сказано в Евангелии: *по причине умножения беззакония во многих охладееет любовь* (Мф. 24:12).

В 5 главе Послания к Галатам невоздержание, так же как в Евангелии, противопоставляется любви к людям. *К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти; но любовью служите друг другу* (Гал. 5:13). Слово «но» разделяет два противоположных устремления: служение любви отрывает нас от

угождения своей плоти.

Все свое учение о подвиге воздержания Отцы взяли из Слова Божия. Вот некоторые выписки Апостольских откровений, положенных Отцами в основу аскетики.

Плоть желает противного духу, а дух – противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы (Гал. 5:17).

Все подвижники воздерживаются от всего. Усмиряю и порабощаю тело мое (1Кор. 9:25, 27).

Помышления плотские суть вражда против Бога, ибо закону Божию не покоряются, да и не могут (Рим. 8:7).

Царство Божие не пища и питие (Рим. 14:17).

Не живет во мне, т.е. в плоти моей, доброе потому, что желание добра (есть) во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброе, которое хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. По внутреннему человеку нахожу удовольствие в Законе Божию, но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти? (Рим. 7:18–19, 22–24).

Так что «тело смерти» не придумано монахами, и всякий, кто честно хочет принять чистое Апостольское христианство, неизбежно должен принять и монахов, в совершенной точности повторяющих учение Апостолов. Эта точность повторения ясно осознавалась Отцами.

«Кто хочет, – пишет св. Исаак Сирий, – чтобы вселился в него Господь, тот принуждает тело свое служить Господу, работать в заповедях Духа, написанных у Апостолов, и хранить душу свою от дел плотских, описанных Апостолом (Гал. 5)» (Д II – 653).

Пр. Филофей Синайский пишет: «Апостол говорит: *подвизаясь от всех воздержитесь (1Кор. 9:25)*. Ибо невозможно с насыщенным пищею чревом ополчаться против начал, против невидимых зложелательных сил тем, кои связаны сей плотью, тяжелой и всегда похотствующей на Духа». *Несет бо Царство Божие брашно и питие (Рим. 14:17)*. *Мудрование плотское вражда есть на Бога, закону бо Божию не покоряется, ниже да может (Рим. 8:7)*. Не может, очевидно, потому, что, будучи земно, к земному всегда имеет пристрастие и услаждается погибельными удовольствиями настоящего века». *Мудрование бо плотское смерть есть: сущие же во плоти Богу угодити не могут (Рим. 8:8)* (Д III – 447).

Авва Филофей мог бы взять из Апостольских текстов гораздо больше выписок, чем четыре приведенные им, но не видел необходимости.

Принимая Апостольское христианство, приходится не возражать

против учения аскетике о «теле смерти» (Рим. 7:24).

В практическом осуществлении пути воздержания советы и указания Отцов имеют для нас великую ценность, и особенно там, где они прямо освещают нам слова Апостолов и приближают к нам дух Первоначальной Церкви. Наша церковная эпоха неуклонно идет к первохристианству, конечно, не археологически или «живоцерковно» возвращаясь к нему, а ища его впереди себя в истории, как новую форму древней силы и совершенства. Господь укорил Эфесскую Церковь: *Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь свою* (Апок. 2:4).

Вера ищет своей первой любви.

В освобождении души из неестественной для нее тюрьмы страстей, чтобы она могла свободно и легко идти за своим Учителем и Богом, Отцы видели одно из двух основных значений подвига воздержания.

«Подвигам воздержания приучать себя надлежит нам, чтобы легче было тещи вслед Господа нашего» (преп. Филофей Синайский, Д III – 459).

«Страсти, возобладав умом, – пишет преп. Максим Исповедник, – привязывают его к вещественным предметам и, отлучив от Бога, заставляют заниматься ими». «Страсть есть неестественное движение души, или по неосмысленной любви, или по безрассудной ненависти». «Ум, обращаясь к видимому, естественно (т.е. должностно) понимает вещи при посредстве чувств. Ни ум, ни естественное понимание вещей, ни вещи, ни чувства, – не суть зло: ибо то суть все Божии создания. Что же тут злое? Очевидно, что страсть, прицепляющаяся к пониманию вещей естественному. Она может не иметь места... ежели ум бодрствует» (он же). «Не пища зло, но чревоугодие; не деторождение, а блуд; не деньги, а сребролюбие; не слава, а тщеславие... В сущем нет ничего злого, кроме злоупотребления, которое от нерадения ума» (он же). Естественные пожелания и удовольствия не подвергают укору тех, кто испытывает их, так как они суть необходимые следствия устройства нашего естества. Ибо естественное доставляет нам, и помимо воли нашей, удовольствие, ...пища и питье и сон... Все такое уместно... в разумных пределах, не допускающих, чтобы он подвергся чрез то рабству». «Вся брань против демонов состоит в том, чтобы отделить страсти от мыслей. Отделяем же посредством духовной любви и воздержания» (он же, Д III – 193, 196, 213, 219, 220, 289).

Вот ясное изложение основы подвига воздержания, данное одним из величайших Святых. Тело смерти, о котором писал Апостол, есть, по учению Отцов, совокупность страстей, держащих душу в неестественном

рабстве. Задача заключается в том, чтобы освободить ее через подвиг.

Но освобождая ее, мы одновременно освобождаем и тело. Тут мы подходим ко второй, очень важной стороне аскетики. Продолжая откровения Апостолов, Отцы оставили нам учение о том, что подвиг так называемого «умерщвления тела» имеет целью не только освободить душу, но и сделать наше тело достойным божественной вечности.

Св. Григорий Палама пишет: «Если Апостол называет тело смертью, когда говорит: *кто мя избавит от тела смерти сея?* (Рим. 7:24), то понимает при сем чувственное и плотское мудрование. ...И опять: *вем, – говорит, – яко не живет во мне, сиречь, во плоти моей доброе* (Рим. 7:18). Видишь, что не плоть, а что живет в ней, называет он злом. Зло то, что не ум, а этот закон, *сущий во удех наших и противу воюющий закону ума живет в теле* (Рим. 7:23). Почему мы, противу воюя сему закону греха, изгоняем его из тела и поселяем там ум... и через него полагаем законы каждой силе души и каждому из членов тела подобающее ему... Апостол говорит, *храм живущаго в нас Святаго Духа суть* (1Кор. 6:19) и опять, что *мы – храм Божий* (1Кор. 3:16)... Что же сподобилось быть жилищем Бога, в то вселить ум свой кто из имеющих ум сочтет неподобным?.. Такие слова прилично обратить к еретикам, кои говорят, что тело зло и есть творение злого начала. Мы же быть уму в телесных мудрованиях почитаем злом, а в теле быть ему не почитаем злом: так как тело не зло. Почему каждый из прилепляющихся к Богу жизнью вопиет к Нему с Давидом: *возжада Тебе душа моя, коль множицею Тебе плоть моя?* (Пс. 62:2) и *сердце мое и плоть моя возрадоваستся о Бозе живе* (Пс. 83:3) (Д V – 314, 315).

Свою задачу аскетика видит в том, чтобы научить человека отделить страсти не только от мыслей, но и от тела, для того чтобы то и другое – и тело и душа человека – сделались подобными вечной душе и вечному телу своего Учителя.

«Если человек, – пишет преп. авва Исаия, – не восподвизается, даже до смерти, сделать свое тело таким, какое носил возлюбленный Иисус, то не сретит Его с радостью» (Д I – 423).

Поскольку приходится, к своему удивлению, сталкиваться очень часто с полным незнанием этой стороны христианства, я приведу еще несколько выписок.

«Изводя на подвиг кающегося, – говорит Антоний Великий, – Дух Божий подает ему Свои утешения и научает его не возвращаться вспять... Для этого он открывает очи души и дает ей узреть красоту чистоты, достигаемой трудами покаяния, и чрез это возгревает в ней рвение к

совершенному очищению себя вместе с телом, так чтобы оба (и душа и тело) стали одно по чистоте. Ибо в этом цель обучающего руководства Духа Святого, чтобы совершенно очистить их и возвесть их в то первобытное состояние, в котором находились они до падения... Тогда тело станет во всем покорствовать велениям ума, который будет властно ограничивать его в пище и питии и сне и всяком другом действии, постоянно научаясь от Духа Святого, по примеру Апостола Павла умерщвлять тело свое и поработать... Таким образом все тело навыкает всякому добру и, подчиняясь власти Святого Духа, так изменяется, что наконец становится в некоторой мере причастным тех свойств духовного тела, какие имеет оно получить в воскресении праведных» (Д I – 24, 26).

Эта цель подвига непосредственно вытекает из догмата о воскресении мертвых. Именно знание о вечном достоинстве тела заставляет человека спешить приготовить его к божественному уделу. Перед великими праздниками тщательно чистят и убирают дом.

«Кто верует, что тело его воскреснет, тот заботится очистить его от осквернения» (преп. Ефрем Сирин, Д II – 487).

«Позаботься о своем теле, как о храме Божиим. Позаботься о нем: оно должно воскреснуть, а ты должен дать отчет Богу, что сделал ты со своим телом. Сколько заботишься об уврачевании тела, когда оно заболит, столько позаботься о том, чтоб приготовить его к воскресению очищением от всех страстей» (преп. авва Исаия, От. 232).

«За воскресением души, которое есть возвращение ее к Богу через исполнение Божественных заповедей, воскресение тела после последует, когда оно опять соединится с душою... Пожившие здесь по Богу... в воскресение возьмут и тело к Богу» (св. Григорий Палама, Д V – 280).

«Всякая душа, верою и тщанием о всех добродетелях еще здесь сподобившаяся обещись во Христа в силе и удостоверительно, сподобляется всегда получать существенное ведение небесных тайн... В день же воскресения тело, в силу того же славного образа, прославится душе и Духом восхищено будет в сретение Господа на воздухе, соделавшись сообразным телу славы Его» (прп. Макарий Великий, Д V – 451).

«Что делаем мы, приступая к св. крещению? – Мы исповедуем пред тем принесенные с неба догматы, в числе коих произносим и следующее: верую в воскресение мертвых... При крещении ты веруешь воскресению мертвого тела» (свят. Иоанн Златоуст, Ф – 1).

«Иисус Христос... явился нам, соединив Божество с душою и телом, чтобы, как Богу, избавить от смерти и душу, и тело» (св. авва Фалласий, Д

III. – 337).

«Когда душа украшается, то и тело, с душою соединившееся, красоту восприимет в свое время, когда *тленное сие*, – по свидетельству Апостола, – *облечется в нетление* (1Кор. 15:53). Чем более душа украшается ныне, тем большую красоту восприимет и тело по воскресении. Чем же более тело украшается ныне, а душа пренебрегается, тем больше тогда и душе и телу последует безобразие. Ныне красота ее (души) не видна на теле, но тогда сияние ее явится. Тогда бо душа яко солнце, блистание красоты своя издаст, и на теле явится доброта ея» (свт. Тихон Задонский, «Странник», 1861, № VII.).

«Эти же самые тела восстанут тогда, но только они сделаются нетленными, бессмертными и славными... А в том, что сказано: *плоть и кровь Царствия Божия не наследят, ниже тление нетления* (1Кор. 15:50), (то) под плотию и кровию разумеется нечистота, лукавство и вожделение» (преп. Варсонофий Великий, В – 421, 423).

«Земно будет тело нетленное, без мокрот однако же и дебелости, быв неизреченно претворено из душевного в духовное, так что будет и перстно и небесно. Каким создано было оно в начале, таким и воскреснет, да сообразно будет образу Сына Человеческого по всецелому причастию обожения» (св. Григорий Синаит, Д V – 206).

«Седалище страстей, опора их и орудие – это тело, когда душа не исполнена Духа. Исполненная духом Божиим душа вооружается против страстей и изгоняет их из тела... Тело воскреснет то же (таким же), так что всякий признает то тело, в каком воскреснет, своим собственным телом, тем самым, которое носил, живя прежде; но оно будет обладать совсем другими качествами. Оно будет то же, да не то же» (свт. Феофан Затворник, Ф 1–581).

Если учение о духовном очищении тела основано на догмате о воскресении мертвых, то этот догмат, в свою очередь, имеет своим основанием догмат о воскресении и вознесении человеческого тела Спасителя. Для того-то и нужно было в эпоху вселенских соборов отстоять действительность человеческой природы Спасителя, чтобы на ней, воскресшей и превознесенной *превыше всякого начальства и власти и силы* (Еф. 1:21) утвердить реальность спасения Им всего естества человека, – и тела его и души – утвердить незыблемую веру в благодатно обожествляемую вечность спасаемых Христом людей.

Больше того, взаимная связь этих двух событий настолько велика и незыблема, что в христианском сознании утверждение второго есть одновременно утверждение и первого, или отрицание второго, т.е.

будущего воскресения человеческих тел, есть одновременно отрицание реальности первого, т.е. воскресения человеческого тела Спасителя. Апостол говорит, что если допустить, что не будет воскресения мертвых тел, то это будет означать, что не было и воскресения Христова: *Если мертвые не воскресают, то и Христос не воскрес (1Кор. 15:13, 16)*. Апостол дважды повторяет эту фразу, так как в этом предположении упразднение всего христианства. Ведь в том, что душа бессмертна, никакие еретики в эпоху Апостольского послания не сомневались, и все обличение 15-й главы 1 Послания к Коринфянам направлено именно на сомнения в воскресении тел. Еретики учили, что воскресение надо понимать аллегорически, как очищение души, как ее «воскресение от греха». «Такое учение, – пишет свт. Феофан Затворник, – внушал им бес. Ибо если бы поверили, что нет воскресения тел, то он мало-помалу убедил бы, что и Христос не воскрес» (Ф 1–524).

Учением о воскресении тела наполнена вся святоотеческая письменность, так как отказ от него, или умаление его в иллюзорность, означает отказ от воскресения Христова и, тем самым, от Его Голгофы, от Его страданий, от Его крови. Если не будет воскресения тел, или оно аллегорично, то такой же аллегорией было не только воскресение Господа, но и те капли крови, которые стекали на Его лицо. А Отцы-подвижники скорее отказались бы от своего бессмертия, чем от того, чтобы о них забыть. *Прильпни язык мой гортани моему, аще забуду тебе, Иерусалиме (Пс. 136:6, 5)*.

Реальность любви человека к его распятому Богу сметает с пути своего всю демонскую ложь о призрачности или аллегоричности как Голгофы, так и Воскресения. На них – действительно бывших – человек утверждает и себя самого, и тоже не призрачного, а живого, единственного и реального, страдающего в подвиге духовного рождения и уже оживающего в предвоскресении, идущего по этой грешной, но тоже реальной и единственной земле – в России, Франции или Египте – в поисках святой правды Божией. Голгофа и Воскресение человеческого тела Бога, а вслед за ним и уподобление Ему, страдание в подвиге и совоскресение человека – факт, не только совершенно реальный, но и единственный, неповторимый и не требующий повторения: им покрыта вся творческая нужда мироздания. Человек после Воскресения Христова уже не нуждается в перевоплощениях, так как в воплотившемся Боге ему открыта вся возможность воплотившегося бытия.

«Предадим себя всецело Господу, да и Его восприимем всецело и соделаемся чрез Него богами» (преп. Максим Исповедник, Д III – 175).

«Да подаст же всем вам помощь великий оный Брат наш; разумею Господа нашего Иисуса Христа... О! Кого имеем мы своим Братом!.. Бога, чтобы и нас сотворить богами» (преп. Варсонофий Великий, Д II – 573).

«Нося светло-осиянную одежду Духа, мы пребываем в Боге и Он в нас, бываем по благодати богами и сынами Божиими» (преп. Симеон Новый Богослов, Д V – 20).

На эту высочайшую надежду указывает учение христианства о воскресении Христовом и тем самым о реальности воскресения тел, и именно через него любовь человека к Богу, переставая быть отвлеченностью, становится еще более личной любовью навсегда обрадованного сердца и ума: Бог принимает не призрак человека, а его теплого и живого.

Для понимания Отцов-подвижников очень важно то, что свою веру в воскресение тел они основывали не только на догмате о воскресении и вознесении тела Спасителя, и не только на ясном учении Апостола Павла, но и на личном опыте предвоскресения своих тел.

«Прежде воскресения тел, – пишет преп. Симеон Новый Богослов, – бывает воскресение душ». Это воскресение души, добавляет он, «и тело освящает своим собственным сиянием и светоизлиянием Духа» (Д V – 58, 23).

«Есть чистота ума, в коей, во время молитвы, воссияет свет Святыя Троицы. Но удостаиваемый света одного ум и соединенному с ним телу сообщает многие знаки божественной красоты» (св. Исаак Сирий, Д V – 301).

«В устремивших ум свой к Богу и душу привергших к вожделению божественного, – и плоть, перенастроившись, возвышается вместе с ним и вкушает божественного общения, через что и она бывает стяжанием и домом Божиим» (св. Григорий Палама, Д V – 321).

«Непрестанною молитвою и поучением в Божественных Писаниях отверзаются умные очи сердечные и зрят Царя сил, и бывает радость великая и сильно воспламеняется в душе Божественное желание неудержное, причем совосхищается туда же и плоть действием Духа и человек весь соделывается духовным» (св. Филимон, Д III – 397).

«Если душа колеблющимся и немечтательным движением воспламенится в любви Божией, влеча как-то в глубину сей неизреченной любви и само тело... то ведать надлежит, что это есть действо Святого Духа» (блаж. Диадокх, Д III – 26, 55, 22).

«Когда благодатию Божиею – дар сей – дар благодатных слез в нас умножится, – тогда и брань с врагом бывает легче, и помыслы

умиротворяются и утишаются, и ум, как некою обильною пищею, насыщается и услаждается молитвою. Из глубины сердца льется некая несказанная сладость, ощущаемая по всему телу» (преп. Нил Сорский, НС – 91).

«Когда человек боится оскорбить Бога каким-нибудь грехом, – это первая любовь. Кто имеет ум, чистый от помыслов, – это вторая любовь, большая первой. Третья, еще большая, когда кто ощутимо имеет благодать в душе. А кто имеет благодать Святого Духа и в душе и в теле, – это совершенная любовь» (авва Силуан, ЖМП 1956, № 1, 2, 3).

«В тех, кто ревностно преуспевают в ведении, благодать, чрез чувство ума, и самое тело обвеселяет радованием неизреченным... Преступлением Адама оно (естественное чувство) разделилось на два действия, но Святым Духом оно опять содевается единым и простым. Этого же однако никто не может увидеть в себе, кроме тех, которые... воздержанием иссушают всякое вожделение телесных чувств. Ибо только в таковых ум... может чувством неизреченно вкушать божественную благодать и в то же время, по мере своего преуспевания, сообщать свои радости и телу, безмерным неким словом в любви изъявляя свое обрадование исповеданием, говоря: *«на Него упова сердце мое и поможете ми, и процветет плоть моя и волею исповемся Ему»* (Пс. 27:7). Такое обрадование, бывающее в сем случае в душе и теле, есть неслестное напоминание о вечно нетленном житии» (блаж. Диадокх, Д III – 26, 55, 22).

«И процветет плоть моя». А вот св. Федор Эдесский пишет: «Цвет плоти заставляющий увянуть подвигами и всякую волю ее отсекающий, вот кто язвы Христа Господа носит на мертвенной плоти своей» (Гал. 6:17) (Д III – 337). Теперь уже ясно, что никакого противоречия здесь нет: «цвет плоти» св. Федора – это «вождеделение телесных чувств» блаж. Диадокха. После того, как «цвет плоти» увянет в подвигах, плоть Святых входит в лучи Воскресения.

Отношение к телу у Отцов единое и неизменное: тело человека – соучастник его вечности. «Христос есть Спаситель души и тела» (авва Фалласий, Д III – 315).

Так как в теперешнем своем состоянии после Адама и тело, и душа осквернены грехом, то в огне подвига они очищаются для нетления. В подвиге умерщвляются страсти и спасается тело. «Св. Отцы научили нас быть страсто-убийцами, а не тело-убийцами» (блаж. Каллист и Игнатий, Д V – 382). Внешнее совпадение терминов тела перешло от Апостолов к Отцам: «тело смерти» и «тело – храм Духа Святого» сохранились и здесь, даже и в этом Отцы ничего не добавили к Апостолам. Тело убивает не

подвиг, а наоборот, грехи человека: «тело смерти» борется с «телом – храмом Духа Святого».

«О, како поревновах Ламеху, первому убийце, – душу яко мужа, ум яко юношу, яко брата же моего тело убив, яко Каин убийца, любосластными стремленьми», – читаем мы в великом каноне св. Андрея Критского.

«Брат-тело» больше всего требует подвига очищения, как наиболее беззащитный от внешнего нападения. И у детей стараются искоренить их плохие наклонности, впрочем, не забывая об их утешении.

«Как мать печется о чаде, так и Христос печется о теле злостраждущего (терпящего ради Его телесные лишения) и всегда есть близ тела его» (св. Исаак Сирин и блаж. Каллист и Игнатий, Д V – 375).

«Подвизающемуся необходимо знать, когда и какими яствами следует питать тело, как врага, и когда следует утешать его и подкреплять, как друга изнемогшего» (св. Илия-пресвитер, Д III – 472).

Временное разложение тела после смерти не ощущает христианское сознание. Если от христианства отнять чудо, то тем самым от него отнимешь Бога. Бл. Диадок говорит о том, что это бесы душевных страстей «влагают мысль о безмерной ничтожности человеческого естества, как никакого достоинства не имеющего, по причине разложения плоти» (Д III – 57).

«Нужно, чтобы тело через смерть, как бы через огонь в горниле, подобно золоту, очистившись от земной и мрачной тяжести тления, возрастало из гроба нетленным, чистым и озаренным светом бессмертия» (преп. Иоанн Дамаскин, «Слово на Успение»).

«Истинная смерть – внутри, в сердце, и она сокровенна; ею умирает внутренний человек. Посему, если кто перешел от смерти (этой, внутренней) к жизни сокровенной, то он истинно во веки живет и не умирает. Даже если тела таких и разрушаются на время, то снова будут воскрешены во славе, потому что освящены. Поэтому смерть христиан называем сном и успением» (преп. Макарий Великий, Д I – 269).

Об этом поется в Великую субботу:

«Воскреснут мертвии и восстанут сущии во гробех, и вси земнороднии возрадуются».

У Отцов обычно принято делить страсти на два вида: душевные и телесные. Телесные – это все виды плотоугодия, все, что ведет к оземлению человека. К душевным страстям Отцы относят: забвение, лень, неведение, осуждение, гнев, памятозлобие, зависть, тщеславие, гордость, лицемерие, ложь, ересь, неверие, любостяжание, уныние,

малодушие, неблагодарность, ропот, высокомерие, любоначалие, человекоугодие, насмешливость, двоедушие и т.д. О борьбе с душевными страстями преп. Ефрем Сирин пишет так: «Сколько стараемся охранять от явных грехов внешнего человека, т.е. тело как храм Божий, столько же нужно иметь старательности и подвига к охранению внутреннего человека, т.е. души от всякого лукавого помысла, по сказанному: *«Всяким хранением блюди твое сердце: от сих бо исходища живота»* (Притч. 4:23). В сем очищении сердца преуспеем мы, если всегда будем противоборствовать и противоречить лукавым помыслам – тщеславия, ненависти, кичения, лести, похоти, соперничества, любоначалия и преп., со всею строгостию испытывая самих себя и сохраняя ум свой от союза и согласия с тайными душевными страстями» (ДП – 366).

В Апостольском учении мы не найдем этого разделения страстей на телесные и душевные: и те и другие – совокупность «тела смерти». По Апостолу, плотским человек будет не только в грехе чревоугодия или прелюбодейства, но и в грехах гордости, зависти, вражды и во всех прочих грехах мысли и слова.

«Дела плоти известны, – пишет Апостол, – они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, соблазны, ереси, ненависть, убийство, пьянство, бесчинство и тому подобное» (Гал. 5:19–21). Из всех перечисленных Апостолом «дел плоти» мы обычно по крайней мере десять никогда не относим к разряду «плотских». Тот же самый принцип неделения на категории, а объединения их в единой совокупности «дел плоти» проводится и в других Апостольских и Евангельских текстах. Даже деление учеников по принципу учительской школы или духовного руководства Апостол называет плотским делом: *«Когда один говорит: я Павлов, а другой: я Аполлосов, то не плотские ли вы?»* (1Кор. 3:4).

Это очень для нас важный факт. Часто, особенно в монашеском быту, люди, начавшие какой-то подвиг и уже успевшие что-то о себе возомнить, с пренебрежением говорят о других как о «плотских». Ведь злых недоразумений здесь очень много и много глаз ими затуманено. В прежнее время иные монахи, читая аскетику и уже считая себя на «Лестнице», говорили иногда про чтение Евангелия: «Это для мирских». Не в обличение ли их Достоевский показал Смердякова читающим Исаака Сирина? Есть в душе темнота, которую может рассечь только меч Слова Божия. Апостольское неделение страстей утверждает их равнозначимость, их единство в «теле смерти», оно ставит перед человеком во всем ужасе правды единую и неделимую Смерть, т.е. благодаря этому способу

определения разоблачается коварство врага и гордость как первоисточное зло и все душевные страсти, из него вытекающие, уже никуда теперь не спрячутся: все они в едином потоке духовного гниения человека. Всякий тщеславный или высокомерный, или завистливый, или лукавый – плотский человек, человек «тела смерти». Именно в свете этого Апостольского учения получает свет наше недоумение, когда мы, подходя к лицам внешне духовным, не чувствуем в них при всем нашем желании никакой духовности. В них нет ее, как и в нас самих, ее ищущих и наполненных «душевными» страстями. Мы плотские, хотя, может быть, не пьем водки и не прелюбодействуем.

Введение Отцами двойной категории страстей очевидно имело ту цель, чтобы показать даже еще большую пагубность для человека страстей душевных.

«Иные страсти суть телесные, и иные душевные. Кто первые из них отрывает, а о вторых никакой заботы не имеет, тот подобен человеку, для защиты от зверей построившему себе высокую и прочную ограду, а птицам охотно попускающему клевать славные грозды мысленного винограда» (преп. Илия пресвитер, Д III, 440). «Поскольку душа несравненно выше тела... постольку душевные пороки тяжелее и пагубнее телесных... хотя, не знаю почему, ускользает сие от разумения многих. Пьянства, блуда, воровства и близких к сим пороков... боятся и избегают, но равнодушно смотрят на пороки гораздо важнейшие, как душевные: – зависть, злопамятство, высокомерие, лукавство и корень всех зол сребролюбие, и подобные сим» (преп. Ефрем Сирин, ДП – 376).

«Все грехи мерзостны перед Богом, но мерзостнее всех гордость сердца» (преп. Антоний Великий, Д 1–58). Сказал авва Пимен (Великий): «человека согрешающего и кающегося предпочитаю человеку не согрешающему и не кающемуся. Первый имеет мысль благую, признавая себя грешным, а второй имеет мысль ложную и душепагубную, признавая себя праведным» (От. 417). «Грешный и ленивый человек, (но) сокрушенный и смиренный сердцем, угоднее Богу человека, делающего много добрых дел и зараженного по причине их самомнением» (авва Федор Фермейский, От. 450).

«Горделивый праведник есть грешник, не видящий своей греховности» (еп. Игнатий Брянчанинов).

«Гордость есть начало и корень всех зол в роде человеческом и поистине есть гибель или смерть души» (преп. Амвросий Оптинский, АМ – 201). «Помышляя о внешних своих делах благочестия, что они хороши у них, они думают, что достигли уже совершенства и, возгордеваясь от

этого, начинают осуждать других. После сего нет уже возможности, чтобы кто-либо из людей обратил таковых, кроме особого Божия воздействия. Удобнее обратится на добро явный грешник, нежели скрытный, укрывающийся под покровом видимых добродетелей» (преп. Никодим Святогорец, Н – 15).

«Писание диавола называет нечистым за то, что с самого начала отверг он благое сокровище смиренномудрия и возлюбил гордость» (преп. Исихий Иерусалимский, ДП – 171). «Не блуд только сквернит предающихся ему, но и гордость, даже последняя гораздо больше» (свт. Иоанн Златоуст, ВЛ – 187).

Как трудно нам, внешним, понять это «гораздо больше!» Нам все кажется, что подобные слова сказаны в стиле какой-то литературной гиперболы, к которой можно не относиться серьезно. Мы так пропитаны душевными и тягчайшими пороками, мы, неся их нечистоту, чувствуем себя такими нравственно чистыми людьми, что только после какого-то большого душевного страдания бываем способны хотя отчасти понять страшную реальность слов святых Отцов о нечистоте душевных страстей.

Вот почему Отцы настойчиво учат, что телесный подвиг – пост, сокращение сна и т.д., служащий средством главным образом для борьбы с телесными страстями, несмотря на всю его важность, есть подвиг все же второй по значению в сравнении с «внутренним деланием», с внутренним очищением человека от его душевных пороков: только очищение души может надежно изгнать не только душевные, но и телесные страсти.

«Пимен Великий, – пишет еп. Игнатий Брянчанинов, – посвятил всего себя разумному монашескому подвигу – деланию душевному, дав значение подвигу телесному настолько, насколько он необходим для содействия подвигу душевному, отнюдь не в ущерб второму, отнюдь не для собственного его достоинства» (От. 388).

«Пост, хотя как орудие благоустрояющее хотящих целомудрия, имеет цену, но не перед Богом. Почему подвижникам благочестия не должно высокоумствовать по поводу его, но от единой веры в Бога чаять достижения своей цели» (блаж. Диадокх, Д III – 34).

Веру все святые понимали, конечно, по-Апостольски, т.е. как силу, действующую любовью и доказывающую себя в святости духа.

«Определив (плоти) подвиг по силе ее, весь ум свой обрати на внутреннее. *Ибо телесное обучение мало полезно, а благочестие на все полезно (1Тим. 4:8).* Пребывающий внутри и заботящийся непрестанно о внутреннем целомудрствует, долготерпит, милосердствует, смиренномудрствует; и не только это, но и созерцает, богословствует и

молится. Сие то и есть, то, что понимает Апостол, говоря: «*Духом ходите*» (Гал. 5:16) (преп. Максим Исповедник, ДІІІ – 239, 240).

«Хорошее дело пост, бдение, странническая жизнь, однако это только труды наружной благой жизни, но чин христиан есть более внутренний» (св. Марк-подвижник, Д 1–515).

«Невозможно тому, кто предается злым помыслам, быть чисту от грехов по внешнему человеку» (преп. Филофей Синайский, ДІІІ – 459).

«Како польза тело соблюдать девственным, когда душа блудодействует с бесом непослушания» (блаж. Диадокх, ДІІІ – 32).

«Всегда борющийся с плотью и в одних телесных деланиях упражняющийся, при всем злострадании причиняет сам себе великий ущерб в вещах высших, не замечая того, как непостигший цели божественной воли. Ибо по св. Павлу, *телесное упражнение мало полезно* (1Тим. 4:8), пока перстное мудрование плоти не будет поглощено потоками покаянных слез, и в тело не войдет животворная мертвость духовная, и закон духа не воцарится в мертвенной плоти нашей. Благодетель же душевное, которое под действием божественных помышлений созерцается как древо жизни в мысленном делании ума, везде и во всем полезно, как чистоту сердца созидующее, ...как всякую доброту духовную с собою вводящее» (преп. Никита Стифат, Д 5–146, 147).

Св. Отцы очень часто в своем учении о преимущественной важности внутреннего делания, по сравнению с телесным подвигом, ссылаются на эти слова Апостола Павла: «*Телесное упражнение мало полезно, а благодетель на все полезно, имея обетование жизни настоящей и будущей*». Для нас слово «благодетель» не только слово загадочное, но и одиозное, а в то же время как раз в нем по всему смыслу текста св. Писания лежит объяснение того, почему же все-таки *телесное упражнение мало полезно* и какая существует сила сильнее и надежнее телесного подвига для отсечения и телесных страстей. Смысл этого слова объясняет Апостол Иаков: *Благодетель есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях и хранить себя неоскверненными от мира* (Иак. 1:27). Благодетель, следовательно, есть, во-первых, любовь, а тем самым и смирение, и во-вторых, – отречение от мира, т.е. оно есть опять та же первоисточная и единая сила устремленности к Богу, которая сама в себе есть величайшее и надежнейшее оружие человека в его воздержании и от душевных, и от телесных страстей. Только в огне великого устремления к Божественной любви может действительно сгореть яд тления. Только в самозабвении любви человек познает спасающую его благодать и потому

делается неспособным возмнить о своем подвиге, т.е. попасть из огня да в полымя. Вот почему благочестие «имеет обетование жизни», вот почему оно «древо жизни» – *кто отлучит нас от любви Божией?* (Рим. 8:35). Именно стремление к этой любви, т.е. к Богу, надежнее всего погашает все страсти.

«Когда ум возьмет силу и уготовит себя следовать любви, погашающей все страсти плоти и тела, тогда он эту силою ее противоборствует неестественности, пока совсем не отторгнет ее (неестественность страстей) от того, что по естеству» (преп. авва Исаия, Д 1–363).

«Если истинно возлюбил Бога, то сею самую любовью отгоним страсти» (св. Максим Исповедник, Д III – 221).

«Не унижаю я воздержания и пощения, – говорит Варсонофий Великий, – советуя любви твоей надлежащим образом удовлетворять всегда потребности тела; вовсе нет. Но если внутреннее делание по Богу не поможет человеку, то напрасно он трудится во внешнем. Потому-то и Господь сказал, что *не входящее в уста сквернит человека, но исходящее из уст его* (Мф. 15:11). Ибо внутреннее делание с болезнью сердечной производит истинное безмолвие сердца: такое безмолвие производит смирение, а смирение делает человека селением Божиим; от вселения же Божия изгоняются лукавые демоны и начальник их диавол с постыдными их страстями, и человек делается храмом Божиим, освящаемым, просвещенным, очищенным и исполненным всякого благовония, благодати и радости. Человек сей делается Богоносцем... Да не смущает же тебя помысл, или вернее сказать, лукавый, что будто телесная пища препятствует тебе достигнуть обетованного; ибо пища свята, а невозможно, чтобы из доброго произошло злое. Но исходящее из уст, проникающее из сердца, то удерживает человека и препятствует ему скоро достигнуть предлежащих ему обетований. Не сомневайся же, удовлетворяя потребности тела; но по силе внутреннего человека трудись над тем, чтобы смирить свои помыслы. И тогда Бог откроет очи сердца твоего, чтобы видеть истинный свет и быть в состоянии сказать: «Благодатью спасен я о Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава во веки, аминь» (В – 170, 171).

«Упоенный любовью Божиею... делается бесчувственным ко всем греховным страстям», – в этих словах св. Исаака Сирина (ДП – 688), как в краткой формуле, весь смысл благочестия, которое *на все полезно* (1Тим. 4:8).

Отцы-аскеты опытно раскрыли откровение Апостола о всесильности

любви: любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит (1Кор. 13:4–7).

В этой любви или в этом благочестии много разных мер, но даже и малейшей меры достичь труднее, чем спокойно удовлетвориться одним телесным воздержанием. Первоначальное предощущение совершенной любви должно пройти длинный путь испытаний. Но *достигайте любви!* – молит нас Апостол (1Кор. 14:1). Подвиг есть достижение любви. Для того, чтобы ее постоянно достигать, должно быть всегда твердым отречение внутреннего мира человека от мира греха, и прежде всего – от греха первоисточного – гордости, так как только отрекшееся от греха смиренное сердце может, забывая себя, жить в любви Божией. В этом смысл «внутреннего делания», о котором учат Отцы. *В сердце – исходища живота* (Притч. 4:23). *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50:19).

«Умерщвление всем страстям есть смиреномудрие, и кто приобрел сию добродетель, тот победил все страсти» (св. Иоанн Лествичник, ДП – 503).

«Блуд последует гордости» (св. Исаак Сирин, От. 337).

«В отношении к блудным страстям, если не иссушить источника помыслов внутри молитвою и смирением, а только постом и умерщвлением тела вооружиться против них, то безуспешно будешь трудиться; если же источник (помыслов) освятишь смирением и молитвой, то сообщишь освящение и внешнему телу» (св. Григорий Палама, Д 5–294).

«Внутреннее делание есть то же душевное делание, – пишет еп. Игнатий Брянчанинов. – Оно состоит: во внимательной молитве устной и умной, в плаче сердца, в памятовании смерти, в самоукоренении в сознании и исповедании греховности своей, и в тому подобных деяниях, совершаемых подвижником внутри душ, в самом себе» (От. 50).

«В хранении сердца от греховных помыслов заключается начальная причина и сущность спасения» (он же, От. 101).

«Умудряйся направляться к внутреннему христианству, – пишет от. Амвросий Оптинский, – ...и держись этого, памятуя всегда Евангельское слово: *Царствие Божие внутри вас* (Лк. 17:21) (АМ – 69–70).

«Иное есть бесстрастие души, – пишет преп. Симеон Новый Богослов, – и иное бесстрастие тела. То (душевное) и тело освящает своим

собственным сиянием и святоизлиянием Духа; а это одно само по себе ни на что не полезно для того, кто стяжал его» (Д 5–23).

В словах преп. Симеона: «одно само по себе» заключается переход к пониманию значения телесного подвига в духовной жизни. Когда он не «сам по себе», а от «тайны благочестия», т.е. от любви, которая в сердце, тогда значение его несомненно.

«Пост от милостыни (т.е. от любви) заимствует свою твердость. Если ты постишься без милостыни, то пост твой не есть пост и такой человек хуже обжоры и пьяницы, и притом настолько, насколько жестокость хуже роскошества» (св. Иоанн Златоуст, ЖМП, 1956, # 3).

Русский подвижник схимонах Зосима говорил еще более резко: «Не гонитесь за одним постом (то, что у преп. Симеона «само по себе»). Бог нигде не сказал: «аще постницы, то Мои ученицы», но *аще любовь имеет между собою* (Ин. 13:35). И диавол никогда не ест и не спит, но все он диавол. Без любви и смирения, от одного поста и бдения, из человека сделаешься пожалуй бесом» (ПБ – 266).

Но, по учению Отцов, когда пост совершается не как самодовлеющая ценность, а как средство для достижения все той же любви, тогда он питает смирение. Поскольку в нем смиряется тело, тем самым смиряется и душа (св. авва Дорофей, ДП – 607).

«Надлежит тебе строго держаться того, что смиряет плоть и ум освобождает от всего взорущего и гнетущего. Вот что я разумею: умеренную еду, легкое питание, краткий сон, стояние на молитве по силе (бдение), преклонение колен, бедная одежда, малоговорение и другое, что сколько-нибудь может укрощать плоть» (св. Каллист Тиликуда, Д 5–465), т.е. смирать ее и через это укреплять смирение сердца.

«Когда чрево утесняется, тогда смиряется сердце» (св. Иоанн Лествичник, ДП – 517).

Чем больше смиряется сердце, тем оно ближе к любви. В этом первое значение телесного подвига. Второе его значение в том, что он есть определенный физический режим для здорового тела. Если плоть бунтует, то ее надо держать в руках, чтобы оттолкнуться от берега тления.

«Как тучные птицы не могут высоко летать, так и угождающему своей плоти невозможно взойти на небо» (св. Иоанн Лествичник, ДП – 519).

«Ум не покорится, если не покорится ему тело. Царство ума есть распятие тела» (св. Исаак Сирин, ДП – 734).

Тело распинается в воздержании, чтобы помочь благочестию души победить злую волю, тянущую человека вниз, и выйти на просторы Божии. *О горнем помышляйте, а не о земном* (Кол. 3:2), – учит Апостол, так как

Царство Божие не пища и не питие (Рим. 14:17). Телесный подвиг, в меру сил каждого, по учению Отцов, не только помогает этому, но по времени осуществления он даже идет как бы впереди внутреннего душевного делания. Любовь к Богу доказывается прежде всего деланием более явным и гораздо более простым: телесным трудом.

«Когда желаешь приблизиться сердцем своим к Богу, докажи ему прежде любовь свою телесными трудами. В них полагается начало жития» (св. Исаак Сирий, ДП – 749).

«Может быть, кто-нибудь скажет: если в молитве заключается главное дело правды, то какая надобность в посте? Всячески большая... Если будем сеять семя молитвы, не удручив прежде тела своего постом, то вместо правды принесем плод греха» (св. Марк-подвижник, Д 1–514).

«Невозможно и плоть наполнять досыта брашнами и духовно наслаждаться умными и божественными благами. Ибо в какой мере кто работает чреву, в такой лишает себя вкушения духовных благ; напротив, в какой мере кто станет утончать тело свое, соразмерно с тем будет насыщаемо пищею и утешением духовным» (преп. Симеон Новый Богослов, Д 5–15).

В учении Отцов очень много указаний о великом значении телесного подвига – они сами всю жизнь были в нем, – но все-таки всегда у них слышится это неизбежное прибавление: «пост для человека, а не человек для поста. Пост бесплоден, если на нем не основана молитва» (еп. Игнатий Брянчанинов, Б 1–136), т.е. смиренное взывание сердца, ищущего любви.

Нельзя видеть в посте гарантию духовности, или, тем более, ее осуществление. «Раздражительность постом не укрощается, а смирением и самоукоренением» (преп. Амвросий Оптинский, АМ – 199). Пост может быть только уздой для страстей, но не может изгнать их из сердца и сделать его селением Божиим.

«Узда для страстей пост, а умерщвление страстей – молитва с милостью» (преп. Ефрем Сирий, ДП – 485), т.е. опять-таки любовь и смирение.

И вот, когда эта узда налагается на здоровое, не ослабленное болезнями тело, – по смирению любви, а не по тщеславию или лукавству – тогда пост приобретает все свое значение. «Благоразумное пощение, – говорит преп. Никита Стифат, – приавшее в спутники себе бдение с Богомыслием и молитвою, скоро делателя своего приводит к пределам бесстрастия, когда у него при сем и душа в преизбытке смирения будет обливаема слезами и воспламеняема любовью к Богу» (Д 5–144).

Один епископ спросил Варсонофия Великого: «Отец мой, так как я

ежедневно стараюсь держать пост до вечера, то прошу, скажи мне – хорошо ли это?» Старец сказал: «Касательно поста скажу: осяжи сердце твое – не окрадено ли оно тщеславием; и если не окрадено, осяжи вторично – не делает ли тебя пост сей немощным в исполнении дел, ибо немощи этой не должно быть; и если и в этом не вредит тебе, – пост твой правильный» (В – 524).

После такого «двойного осязания» пост может стать «началом и основанием всякого духовного делания».

«Подвиги в разуме, – пишет еп. Игнатий Брянчанинов, – приводят к смирению. Приводят подвиги к смирению, когда совершаются с целью покаяния, с целью обуздания страстей своих. Святые Отцы, достигши сверхъестественного благодатного состояния, проходили сверхъестественные подвиги; вообще древние иноки, при крепости телосложения, которое ныне не встречается, были способны к усиленным подвигам. Мы не можем иметь таких подвигов; подвиг, соответствующий силам и обуздывающим страсти, возможен и для нас» (От. 555).

В отношении меры принятия пищи советы Отцов их ученикам обычно сводятся к тому, чтобы после ее принятия у человека оставалось бы еще некоторое небольшое желание насыщаться. Они чаще всего не советуют есть до полного удовлетворения желания есть.

«О мере воздержания в пище и питии Отцы говорят, – отвечает на вопрос авва Иоанн-пророк, – что должно употреблять того и другого несколько менее надлежащего, т.е. не наполнять совершенно желудка. И всякий должен сам себе определить меру... Впрочем, мера воздержания не ограничивается только пищей и питием, но простирается и на разговоры, и на сон, и на одежду, и на все чувства; во всем этом должна быть своя мера воздержания» (ДП – 565). Количество сна Варсонофий Великий устанавливал для своих учеников в размере шести часов.

Но что в вопросе о размере питания Отцы открывали своим ученикам довольно широкую дорогу, видно из следующего наставления св. Григория Синаита: «Три предела имеет пищи вкушение: воздержание, доволь(ство) и сытость. Воздержание (это) – алкать немного и поевши; доволь – ни алкать, ни отягощаться; сытость – отягощаться немного. А по насыщении (т.е. сверх третьей меры) и еще есть – дверь чревобесия, которой входит блуд. Ты же, зная сие наверное, по силе своей избирай лучшее, не преступая пределов: ибо совершенным свойственно и то, чтобы по Апостолу и насыщаться, и алкать и во всем мощным быть (Флп. 4:12) (преп. Григорий Синаит, Д V, 222).

Следовательно, духовная жизнь не будет нарушена при этих трех

законных мерах питания. Даже самая снисходительная третья мера (сытость или насыщение) не сможет противодействовать еще духовной жизни, если тело будет в руках духа благочестия, дерзающего, по Апостолу, и насыщаться, и терпеть голод, быть и в обилии и в недостатке. Только за чертой третьей меры наступает беззаконие.

«Чревообъядение есть причина всех падений», – говорил св. Иоанн Лествичник (Д II, 518).

«Пищи употреблять должно каждый день столько, чтобы тело, укрепясь, было другом и помощником душе в совершении добродетели; иначе может быть и то, что при изнеможении тела и душа ослабевает» (преп. Серафим, ДС – 233).

Учение Отцов о размере поста еп. Игнатий Брянчанинов формулирует так: «Тот, кто соделает свое тело легким, посредством умеренного поста и бдения, доставит ему и самое прочное здоровье и соделает его способным принять в себя и сохранить в себе духовные движения, т.е. действие Святого Духа» (От. 178).

При отнесении указаний Отцов о посте к нашей жизни нельзя только забывать двух вещей: первое – это то, что они говорят всегда об ежедневном и постоянном пощении в течение целого года, а не только четыре раза в год; и второе, говоря о мерах принятия пищи, они в эти меры никак не вкладывают то «сладкоядение», которое так нас порабощает.

В учении Отцов много указаний на необходимость соразмерять питание с состоянием тела.

«Подобает убо образ питания телесного соразмерять с состоянием сил и крепости тела: когда оно здорово, утеснять его, сколько потребно, а когда немоществует, послаблять ему несколько. Подвизающемуся не следует расслабевать телом» (блаж. Диадокх, Д III, 34).

«Болезнь есть вразумление нам Божие, – говорит Варсонофий Великий, – и служит к преспеянию, если будем благодарить Бога... А что поститься не можешь (в болезни) – не скорби. Бог ни от кого не требует трудов сверх силы. К тому же, что такое пост, как не наказание тела для того, чтобы усмирить тело здоровое и сделать его немощным для страстей... А болезнь более всего наказания, и вменяется вместо поста, и ценится даже более его... Вместо того, чтобы ослаблять силу тела постом, оно бывает уже ослаблено болезнью. Благодарим же Бога, что ты освободился от труда поститься. Если и десять раз в день будешь есть, не печалься; ты не будешь осужден за то, так как поступаешь так не в поблажку себе.

«Сожалею, – пишет от. Амвросий Оптинский, – что твое здоровье в

настоящее время очень слабо, и делает тебя, по-видимому, неспособной к исполнению монастырских подвигов. Но св. Лествичник и болезнь называет подвижничеством и притом подвижничеством отраднейшим, хотя и невольным. Отраднейшим потому, что на произвольное подвижничество охотников мало, и притом тут может примешиваться возношение, осуждение других, а в невольном болезненном подвижничестве нечем человеку погордиться, несть уже оное человек несет, как-нибудь, хотя и невольно, по нужде уж некуда деваться... Поэтому старайся в болезни благодушествовать и благодарить милосердие Божие за невольное вразумление» (А – 118).

Характерно, что совета на ослабление молитвенного подвига больным Отцы не дают.

«Под предлогом немощи не оставляй молитвы» (митр. Феопит, Д 5–192).

Внутреннее делание никогда не должно быть оставляемо. Больной может не поститься, но и он должен быть в непрестанном взыскании Бога. Точно так же и здоровый человек: три меры питания себя предоставляют его свободному изволению, но какой бы меры он ни придерживался, каждая из них будет законной только при соблюдении основного закона внутреннего делания – искания любви и смирения Божия. Вот почему преп. Ефрем Сирин говорит: «Сел ты за трапезу? – Ешь хлеб, а не осуждай ближнего, чтоб чрез осуждение не сделаться тебе пожирающим брата своего» (ДП – 378).

Непонимание нами христианства как стяжания еще здесь, на земле, Царства Божия, не дает нам правильно представить себе и путь подвижников. В нашем представлении это какое-то сплошное мучительство плоти.

«Путь добродетели, – пишет блаж. Диадокх, – для начинающих кажется жестоким и пугающим не потому, что он был сам по себе таков, но потому, что человеческое естество с самого исхода из чрева материнского привыкает жить в удовольствиях. А для тех, кто успели пройти уже до середины его, он является весь благим и отрадным... душа уже со всем удовольствием шествует по стезям добродетели» (Д III, 69, 70).

«Любовь Божия в нас делает нетрудными заповеди и всякое затруднение при исполнении их устраняет» (преп. Ефрем Сирин, Д II, 365).

«В самом начале отречения, без сомнения, с трудом, самопринуждением и прискорбностью исполняем добродетели; но

преуспевши, перестаем ощущать в них скорбь, или ощущаем, но мало; а когда плотское мудрование наше будет побеждено и пленено огнем ревности, тогда совершаем их уже со всей радостью, возделением и Божественным пламенем» (св. Иоанн Лествичник, Д II- 492).

Очевидно, это относится и к посту, и ко всему телесному подвигу подвижников. Чем больше входят они в «селение Божие», тем все больше питаются Божественной пищей. Постепенное вхождение в Царство Божие, которое внутри нас, все больше уменьшает область той плоти и крови, которые *Царства Божия не наследуют (1Кор. 15:50)*. Вот почему святые могли питаться так мало и в то же время быть физически крепкими людьми. Небесное питание не аллегория, а чудо, что в то же время не уменьшает его биологическую действенность.

Когда «все помыслы человека составляют одно целое по Богу, тогда и плоть сия последует помыслу по Богу, и является радость духа в сердце, питая душу и утучняя тело, укрепляя их обоих» (авва Иоанн-пророк, Д II- 568).

«Отказываться самоохотно от сластей (пищи и питья) мы не можем, если самым делом и опытом не вкусим божественной сладости всем чувством (блаж. Диадокх, Д III – 33).

«Поверь мне, брат, я знаю человека такой меры, – в течение недели раз и два и чаще восхищается он к духовной пище, и от сладости ее забывает чувственную пищу; когда же приходит вкусить хлеба, то, как бы пресыщенный, не хочет вкушать его» (авва Иоанн-пророк, Д II- 568).

Тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, – сказал Апостол (1Кор. 6:19). Апостольское учение Отцов о человеческом теле – храме Божиим неразрывно связано с их учением о Невидимой брани.

Отцы именовали тело «естественным монастырем души» и учили, что душа должна ощутить свое уединенное пребывание в нем, как в убежище, чтобы отражать нападение помыслов и страстей, чтобы созидать в себе дом Божий. На этом уединенном пребывании внутри себя, а именно в сердце, на этом соединении внимания ума с сердцем в памяти Божией, основана не только защита от нападения в Невидимой брани, но и стяжание мира и возможность непрестанной молитвы. Человек должен войти в свою внутреннюю пустыню, чтобы идти в Землю обетованную.

«Клеть души есть тело... Душа входит в клеть свою, когда ум не блуждает туда и сюда по делам и вещам мирским, но находится внутри сердца нашего» (св. Григорий Палама, ЖМП, 1956, №4). Спаситель заповедал: *войти в клеть свою и молиться там Богу Отцу своему втайне (Мф. 6:6)*. Клеть эта, как толкует св. Дмитрий Ростовский, означает

сердце» (еп. Феофан Затворник, ФШ – 382). «Все желание твое и чаяние да будет всегда обращено к невидимому посещению Божию. Но ведай, что Бог не посетит души твоей, если не найдет ее уединенною в себе самой» (преп. Никодим Святогорец, Н – 271).

«Всячески должно избегать всего, что раздражает в нас злые страсти, особенно же отсекаать в себе причины страстей, и то, чем страсти, хотя бы то самые малые, приводятся в действие; когда же, несмотря на это, страсти придут в движение, надо противостоять им и бороться с ними. Для того и другого самое лучшее – погружаться во внутреннего своего человека и там уединенно пребывать, непрестанно воздвигая виноградник сердца своего. Когда ум наш пребывает там уединенно и отшельнически, тогда не он уже ведет брань со страстями, но благодать» (св. Исаак Сирин, Д II-680).

В чем же основной смысл этой брани, продолжающейся всю долгую жизнь? – испытании человеческой любви и свободы.

«Не хочет Бог, чтобы делание (подвизающихся) оставалось неискушенным, но чтоб подвергалось большим испытаниям. Почему напускает на них огонь искушений и на время сокрывает даваемую им свыше благодать, а духам злобы иной раз попускает взволновывать тишину помыслов их, чтоб видеть склонение души, кому она больше угодить хочет: Творцу ли и Благодетелю Своему, или мирскому чувству и сласти удовольствия чувственного. И потом, или усугубляет им благодать, если они преуспевают в любви Его, или бичует искушениями и скорбями, если пристрастны к земным вещам» (преп. Никита Стифат, Д 5–124).

Свободе человека предстоит в течение всей его жизни постоянный выбор между жизнью и смертью, и этот выбор нужно делать на пороге ума, на пороге во внутреннюю обитель человека.

Учение Отцов полно наставлений о развитии острозоркости, духовного внимания и трезвения, чтобы начинать борьбу с отступающим злом не тогда, когда оно уже вошло в душу, а при первом приближении его к ней.

«Душу окружает целый лес помыслов, внушаемых сопротивною силою, почему потребны великая рачительность и внимательность ума» (преп. Макарий Великий, Д 1–216).

«Внимание должно идти вперед и сторожить врагов как некий страх» (преп. Симеон Новый Богослов, Д 5–500).

Но как сторожить, когда в нас еще нет самого чувства духовной борьбы, когда мы не слышим и не видим Невидимой брани?

«Брат спросил старца: каким образом мирские люди, презирая пост и молитвы, насыщаясь всякого рода брашнами, проводящие жительство по

своим пожеланиям, – не падают, т.е. не окаивают себя, как грешных, не отлучают себя от причащения Святых Христовых Таин? А мы, пригвожденные к постам, бдениям, молитвам, сухоядению, лишенные всякого плотского успокоения, плачем и рыдаем и говорим: мы погибли, мы утратили Царство Небесное, мы соделались повинными геенне? – Старец, вздохнув, отвечал: «Правильно сказал ты, что они не падают: упав однажды дивным и лютым падением, они ниже (уже не) могут восстать, ниже имеют куда упасть. И диавол нисколько не нуждается бороться с лежащими ниц и никогда не восстающими. Монахи, напротив того, иногда побеждают, иногда побеждаются; падают и возстают; их оскорбляет диавол и они оскорбляют диавола; с ними борется диавол и они борются с диаволом. Однако, ведая, сын, что не только я и ты, мнимые монахи, нуждаемся в непрестанном трезвении, но и великие подвижники нуждаются в них» (От. 475).

«Брат сказал старцу: никакой брани не вижу в моем сердце. Старец на это (сказал): ты подобен четверовратной храмине; всякий, хотящий войти в тебя, входит, откуда бы он ни пришел, и всякий, хотящий выйти, выходит, а ты не понимаешь, что делается в тебе. Если бы твои двери затворялись и запирались и ты не позволял бы посредством их входить в тебя помышлениям греховным, тогда бы ты увидел стоящих вне и борющихся с тобою» (От. 489).

Конечно, только страх Божий затворяет двери души, когда из проходной комнаты помыслов она готовится стать храмом.

«Вооружись, – говорили Отцы, – огненным мечом, страхом Божиим, и когда приблизятся к тебе греховные помышления, то огонь страха Божия поглотит их как хворост» (От. 490, 491).

«Пробуждение и воспламенение ревности бывает, когда (к) человеку приходит страх, заставляющий его бояться за то благо, которое он приобрел, или имеет в виду приобрести, чтобы не было оно украдено или уничтожено. Когда возбужден этот страх, тогда ревность день и ночь разгорается, как пылающая печь и, подобно Херувиму, непрестанно внимает тому, что окрест, и всеусердно блюдет свое благо от всяких вражеских искушений совне и совнутрь» (св. Исаак Сирин, Д II-663).

Мы часто всю жизнь не только не понимаем, но и гнушаемся страха Божия, а Святые, при тревожном свете его «пылающей печи», смотрят в темноту вечности. Им есть что бояться потерять: сокровище памяти Божией. «Пламень страха Твоего да пояст терние грехов моих, и душу мою любовью прохлади», – читаем мы в каноне св. Апостолам. «Совершенное беспопечение о земном и всегдашнее поучение в Божественном Писании

приводит душу в страх Божий, страх же Божий приводит трезвение. И тогда душа начинает видеть, как демоны воюют против нее посредством помыслов, и отражать их, о чем говорил и Давид: *и на враги моя воззре око мое* (Пс. 53:9) (св. Максим Исповедник, Д III – 158).

Так, на пороге ума, и начинается невидимая брань: борьба за сохранение памяти Божией.

«Есть в нас мысленная брань, более тяжелая, чем чувственная. Делателю благочестия надобно так теши и ту цель преследовать умом, чтобы как маргарит или камень многоценный в совершенстве усокровиществовать в сердце память о Боге» (преп. Филофей Синаит, Д III – 443).

«Встань на страже сердца твоего, внимая чувствам твоим и, если в мирном настроении твоём будет действовать память Божия, то усмотришь разбойников, окрадывающих тебя», – преп. авва Исаия. От. 235).

«Ум (увлекается в страсти) от рассеяния» (преп. Варсонофий Великий).

«Пребывай во внимании ума и не будешь преутружден искушениями. Отступая же от него – терпи, что найдет» (преп. Исихий Иерусалимский, Д II- 170).

«Ибо когда душа ослабит рассматрительное и напряженное внимание ума, тогда душу ту объемлет ночь» (св. Филимон, Д III – 406).

По учению Отцов, попытка помыслов зла вторгнуться в человека проходит несколько стадий. Сначала возникает «мысль, помысл» и как бы ударяется в двери души, желая войти. Помысл еще не вошел, но постучался. Это первая стадия, возникающая без нашего намерения и воли, называется Отцами «прилог», от греческого слова, означающего действие, когда брошенная вещь ударяется в то, во что она брошена. Это как бы звук стрелы или камня, ударившегося в твердое тело. «Прилог», или «первомысле», есть голый помысл, или только образ какой-либо вещи или действия и, как таковой, безгрешен, – если человек не откроет дверь для его входа в душу. Он есть только стук греха. По учению Отцов, легче всего в духовной борьбе отразить нападение именно в тот момент, еще на пороге.

«Кто противостоит прилогу, тот за один раз отсекает все» (преп. Филофей Синаит, Д III – 460).

«Бесстрастие, – говорит блаж. Диадокх, – есть не то, чтоб не быть бориму от бесов, ...но то, чтоб, когда они борют нас, пребывать не(о)боримыми; подобно тому, как в латы облученные воители и стрелянию противников подвергаются, и слышат звук от летящих стрел, и

видят даже самые стрелы... неуязвляемы же однако бывают ими, по причине твердости воинской одежды своей» (Д III – 74).

«Истязуй помыслы на пороге сердца – наши ли они или от сопротивных; и родные нам и благие вводи во внутреннейшее хранилище души и храни их там, как в некрадомой сокровищнице; а противнические... тотчас изгоняй... или лучше совсем избивай их мечом молитвы и Божественнейшего поучения» (св. Федор Эдесский, Д III – 364).

Если человек этого не сделает, не отгонит «первомыслие» помыслов от порога души, то действие их переходит во вторую стадию, которая в аскетике называется «сочетанием», при котором борьба уже труднее. «Сочетание, – учат Отцы, – есть уже собеседование души с помыслом, как бы тайное от нас слово к нему. В дальнейших стадиях происходит все большее вращение помысла в душу и тем самым все большее пленение ее. Чем сильнее пленение, тем труднее борьба.

«Господь зрит на сердца всех людей, – пишет св. Марк-подвижник, – и за тех, которые ненавидят первое появление лукавых помыслов, тотчас заступается, как обещал, и не допускает, чтобы множество многомыслия, восставши, осквернило ум и совесть их. А тех, которые не низлагают первые прозябения помыслов верою и надеждою на Бога, но услаждаются ими, оставляет, как неверных, без помощи быть биемыми последующими помыслами» (Д 1–493).

Если «первомыслие» не отогнано и началось вращение помысла, то надо для борьбы с ним тотчас противопоставить ему помыслы благие. Это, – учат Отцы, – совершается двояко: или через молитвенное противоречие им, или через прямую молитву на вошедший помысл. Отцы настойчиво советуют первоначальным идти вторым путем, т.е. не пререкаться с помыслами, не пытаться как бы своим старанием отогнать их, уже сочетавшихся с умом, но молиться на них, – как бы жаловаться на них Богу. «Не прекословь (помыслам), – говорит преп. Варсонофий Великий, – потому что враги желают этого, и не перестанут нападать; но помолись на них Господу, повергая перед Ним немощь свою, и Он может не только отогнать, но и совершенно упразднить их» (Д II- 567).

Св. Федор Студит молиться на помыслы советует словами псалма: *Суди, Господи, обидящие мя, и побори борющиеся мя* (Пс. 34:1).

«Если же мы не только молимся, но и противоречим помыслам, то, – как говорит преп. Нил Сорский, – да совершаем это не просто, как прилучится, но именем Божиим и глаголами Божественных Писаний, говоря каждому помыслу: *да запретит тебе Господь* (Иуд. 1:9), или: *Отступите от мене, вси делающие беззаконие* (Пс. 6:9)» (НС, 76).

Еп. Феофан Затворник второй способ признает ненадежным и советует всегда обращаться к молитве, и это точка зрения многих Отцов.

«Держи всегда ум свой собранным в сердце и будь всегда готов, – говорит преп. Никодим Святогорец, – к отражению вражеских стрел. Стоя там, внутри (в сердце), как военачальник среди бранного поля, избери удобное для брани место и, укрепив его как следует, не оставляй никогда, но там укрывайся и оттуда воюй. Место это и укрепление его и вооружение есть искреннее и глубокое сознание своей ничтожности, что ты и беден, и слеп, и наг, и богат одними немощами, недостатками и неодобрительными делами... Установившись так, никогда не позволяй уму своему выходить из сего укрепления вовне, и особенно воздерживайся от странствования по своим, как тебе кажется, плодоносным полям и садам, т.е. твоим добрым делам. Если будешь держать себя так, стрелы вражеского ублажения пагубного не достанут тебя» (Н – 145, 146).

Говоря об отражении помыслов, св. Иоанн Кассиан пишет: «Это придет само собою, когда так приискренно соединимся с Богом, что Он будет действовать в нас... Что бы ни предпринимали мы с целью преодоления помыслов, не будет действенно, пока не станет чрез то действовать сам Бог... Тогда и наши немощные средства станут сильны и всепобедительны... тогда сила Божия будет совершаться в нашей немощи... Почему все внимание наше должно быть всегда устремлено на то одно, чтобы живо возвращать к памятованию о Боге помыслы (свои) от их блуждания и круговращения... Дух наш (должен утвердить), – говорит он же, – в себе любительную память Божию (память – любовь) как некий неподвижный центр» (Д II- 99, 100, 101).

В духовной жизни и духовной борьбе все возвращается к этому неподвижному центру, главный путь к которому – молитва. Вот почему молитва есть основное оружие в невидимой брани.

«Сладостная память о Боге, т.е. Иисус, обыкновенно разрушает, с гневом сердечным и огорчением спасительным, все обаяния помыслов, разные внушения, слова, мечтания, мрачные воображения и все, чем вооружается всегубительный враг. Иисусе, будучи призываем, все попадает легко» (преп. Филофей Синаит, Д III – 444, 454).

Внимание и трезвение сочетаются с молитвой и делаются взаимными признаками.

«Насколько бдительно внемлешь уму, настолько с теплым желанием будешь молиться Иисусу... Насколько небрежно надзираешь за умом, настолько отдались от Иисуса... Трезвение и молитва Иисусова взаимно входят в состав друг друга, – крайнее внимание в состав непрестанной

молитвы, а молитва – в состав крайнего в уме трезвения и внимания» (преп. Исихий Иерусалимский, Д II- 176, 177).

«Трезвение справедливо называется путем, потому что оно ведет в Царство, – и то, которое внутри нас, и в будущее» (преп. Филофей Синайский, Д III – 444, 454).

Сокровенная молитва (или «сокровенное поучение») святых – своим неусыпающим трезвением хранит в душе обретенное сокровище. Умирая, авва Виссарион сказал: «Монах, подобно Херувимам и Серафимам, должен быть весь оком» (От. 90).

В «Сказании о св. Филимоне» есть такой рассказ: «Брат некий, по имени Иоанн, пришел к святому сему и великому отцу Филимону и, обняв ноги его, сказал ему: что сотворю, отче, да спасуся? Ибо ум мой носится и парит туда и сюда, где не следует. И он, помолчав немного, сказал: сия болезнь есть принадлежность тех, кои внешни суть, и в них она пребывает. И в тебе она есть, потому что ты не возымел еще совершенной любви к Богу, еще не пришла в тебя теплота любви и познания Его. Говорит ему брат: что же мне делать, отче? Тот сказал ему: пойдя, возымай сокровенное поучение в сердце своем, и оно очистит ум твой от сего. Брат, не будучи посвящен в то, что этим сказывалось, говорит старцу: что же это за сокровенное поучение, отец? И он сказал ему: пойдя, трезвися в сердце своем, и в мысли своей трезвенно со страхом и трепетом говори: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя» (св. Филимон, Д III – 399). Молитва потому и утверждается Отцами главным оружием брани, что они никогда не забывают бессилие человека и могущество благодати. Молитва есть взыскание помощи Божией и откровенное признание своего бессилия.

«Очистить ум, – говорит блаж. Диадокх, – только Духа Святаго есть дело. Ибо если не придет Сильнейший Сей, не поймает и не свяжет хищника онаго (Лк. 11:22), то похищенное им никак не может быть высвобождено. Подобаает убо всякими добродетелями, наипаче же миром душевным, упокоевать в себе Духа Святаго, чтобы иметь в себе светильник разума всегда светящим; потому что когда он непрестанно светит в сокровенности души, тогда не только явны бывают в уме даже малые темные прилоги бесовские, но и бездейственны и неустойчивы, будучи обличаемы Святым оным и преславным Светом» (Д III – 23, 24).

«Не до того только времени трудиться должно, пока увидишь плод, но надо подвизаться до самого исхода. Ибо нередко и созревший плод побивает внезапно град» (св. Исаак Сирин). «До самого своего исхода трепещи за себя по причине безвестности будущего» (преп. Феогност, Д III – 433). По учению Отцов, человек должен до конца своей жизни быть в

постоянном бодрствовании ума. Ему предстоит до смерти стоять на капитанском мостике, вместо того, чтобы спать в каюте.

Но дело не только в том, чтобы бороться с помыслами явно греховными и не совершать греховных дел. Нужно еще быть мудрым, чтобы уметь распознавать зло не явное и чтобы знать свою меру.

«Бывает, что иногда демоны, вложив тебе какие-либо помыслы, сами же побуждают молиться против них, воспротиворечить им, – и тотчас отбегают, чтобы ты впал в прелесть, возомнив, что начал уже побеждать помыслы и устрашать демонов» (преп. Нил Синайский, Д II- 222).

О законе духовной меры мы знали уже от Апостола: *До чего мы достигли, так и должны мыслить и по тому правилу жить (Фил. 3:16).*

«Какую меру Господь дал каждому человеку, с тою и да соображаемся» (преп. Иоанн Карпафийский, Д III – 91).

«Бесы часто отвлекают нас от легчайшего и полезного и побуждают предпринять труднейшее» (св. Иоанн Лествичник, Д II. – 513).

«И от диавола приходят некоторые желания, – говорит св. Исаак Сирин, – имеющие подобие добрых, и считаются полезными, но не соответствуют мере человека. Диавол, умышляя сделать человеку зло, приносит желание и понуждает усиленно стремиться к исполнению его, между тем как человек не достиг еще соответствующего жительства, или то желание чуждо принятому человеком образу, или не наступило время, в которое можно бы было исполнить или начать исполнение его, или для исполнения его человек недостаточен по разуму или по телу, или не способствуют к тому обстоятельства времени. Диавол всеми способами, под личиной добра, старается или смутить человека, или нанести вред его телу, или устроить тайную сеть в уме» (От. 331).

Вот почему все Отцы особенно ценят добродетель рассуждения, ту мудрость змеи, которую иметь заповедал нам Бог.

«Сошлись некогда Отцы к св. Антонию, чтобы расследовать, какая добродетель совершеннее всех... Всякий из них сказал, что казалось ему правильным... А св. Антоний сказал: все добродетели, о которых вы поминали, очень спасительны и крайне нужны тем, кои ищут Бога и кои пламенеют сильным желанием приблизиться к Нему. Но мы видели, что многие измождали свои тела чрезмерным пощением, любили нищету, презирали мирские удобства и, однако же, бывало, что после всего этого они склонялись на зло и падали... Причина этому не другая какая, как то, что они не имели добродетели рассуждения и благоразумия... Ибо она-то и есть та добродетель, которая учит и настраивает человека идти прямым путем, не уклоняясь на распутья. Если мы будем идти царским путем, то

никогда не будем увлечены наветниками нашими, ни справа – к чрезмерному воздержанию, ни слева – к нерадению, беспечности и разленению. Рассуждение есть око души и ее светильник» (Д 1–122).

Вот некоторые примеры применения Отцами этой добродетели: «Когда душа гневом подвигается против страстей, ведать надлежит, что тогда время молчать, ибо это есть час брани. Если же увидит, что это возмущение улеглось – молитвою ли, или милостыней – тогда путь уступает влечению любви к изречению божественных словес, сдерживая однако крылья ума узами смирения» (блаж. Диадокх, Д III – 15).

«Не в том мудрость, чтоб говорить, но в том, чтоб знать время, когда подобает говорить. С разумом молчи, с разумом и говори» (преп. авва Исаия, Д 1–454).

«Есть уныние естественное от бессилия, и есть уныние от беса... Естественное уныние бывает тогда, когда человек трудится выше силы своей... При сем должно испытать силу свою и упокоить тело, по страху Божию» (авва Иоанн-Пророк, В – 381).

«Когда сердце с жгучею некою болью принимает бесовские стреляния, так что боримому думается, будто он носит самые стрелы, – это знак, что душа стала ретиво ненавидеть страсти. И это есть начало очищения ее» (блаж. Диадокх, Д III – 73).

Имея в виду недостаток в человеке собственной рассудительности, а также для воспитания истинного смирения и отвержения себя, Отцы придавали громадное значение послушанию духовным руководителям.

«Два дарования дал Бог людям, чрез которые могут они спастись и избавиться от всех страстей ветхого человека: смирение и послушание» (Варсонофий Великий, Д III – 590).

«Держись послушания, которое возводит на небо, и приобретших его делает подобными Сыну Божию» (он же, Д II-576).

«Послушание есть действие (действие) без испытания, добровольная смерть, жизнь чуждая любопытства, беспечалие в бедах, неуготовляемое пред Богом оправдание, бесстрашие смерти, безбедное плавание, путешествие спящих» (св. Иоанн Лествичник, Л – 20).

«Сказали старцы: если увидишь юношу, последующего своей воле и восходящего на небо, то возьми его за ногу и низвергни на землю, потому что такое восхождение на небо пагубно для него» (От. 488).

«Для того, кто добре совершил духовное послушание, плоть подчинив духу, не требуется послушание человеческое, ибо таковой в послушании состоит слову Божию и Закону, как благодарный раб. Но для тех, у коих идет борение и война против тела души, необходимо иметь вожда и

правителя и слушаться его, как умеющего со знанием дела править рулем жизни нашей (преп. Феогност, Д III – 417).

Но превознося послушание, как отсечение самоволия и проявление смирения души, Отцы одновременно не оставили нам безусловной заповеди в отношении его практического осуществления. Для того, чтобы войти в послушание человеку, надо сначала найти такого человека, которому не опасно верить свою духовную жизнь.

«Не мал труд найти руководителя незаблужного ни в делах, ни в словах, ни в разумениях» (св. Григорий Синаит, Д V – 243).

«Не всякому человеку открывай свои помыслы, а только тем, о коих дознаешь, что они духовны» (преп. Ефрем Сирин, Д II – 447).

«Авва Пимен сказал: «Не открывай совести своей тому, к кому не извещается сердце твое» (От. 408).

«Молитвами и слезами умоли Бога послать тебе руководителя бесстрастного и святого. Исследуй и сам Божественные Писания, и особенно деятельные писания св. Отцов, чтоб, с ними сличая то, чему учат тебя учитель и настоятель, мог ты, как в зеркале, видеть – насколько они согласны между собою, – а затем согласное с писаниями усвоить, а несогласное, рассудив добре, отлагать, чтоб не прельститься. Ибо знай, что во дни сии много явилось прелестников и лжеучителей» (преп. Симеон Новый Богослов, Д V – 16, 17).

«Если духовный отец тебе – юному – разрешит пить вино на пиршествах, то смотри, каков он сам: если он богобоязнен, то можешь немного разрешить, а если он не совсем радив, то лучше тебе, не обращая внимания на его благословение, хранить воздержание» (св. Иоанн Лествичник, Д II – 516).

Правда, у Отцов иногда бывает и другое рассуждение об этом. «Ты должен слушаться во всем, хотя бы тебе и казалось, что дело повеленное не безгрешно. Авва, назначающий тебе оное, понесет и грех твой, и с него взыщется ответ за тебя» (авва Иоанн-пророк, Д II – 578).

В связи с этим противоречием можно вспомнить слова того же св. Иоанна Лествичника: «Есть мужественные души, которые от сильной любви к Богу и смирения сердца покушаются на деяния, превосходящие меру их; но есть и гордые сердца, которые отваживаются на такие же начинания (по внушению врагов наших)» (Д II – 510).

Очевидно, что тот, кто хочет идти путем «вседоверия» по совету аввы Иоанна-пророка, должен сам разуместь, правильно ли он поступает. Есть смирение, которое хуже гордости, – «от неправильного и человекоугодливого послушания рождается ложное смирение,

отчуждающее человека от даров Божиих» (еп. Игнатий Брянчанинов, От. 155), – и есть смирение мужественной души, которое, как и любовь, все может.

О несоответствии дел и жизни духовных наставников их наставлениям от. Амвросий Оптинский говорил так: «*Вся, елика рекут вам творити, творите; по делом же их не ходите (Мф. 23:3)*. Эти Евангельские слова ясно показывают, что не следует разбирать жития и дела наставников, а только наставления их принимать, если они согласны со словом Божиим и не противны оному. А за дела свои каждый сам отвечает перед Богом, и наставник и повинующийся» (АМ – 51).

«Подвиг послушания утверждается на отречении себя и от всего. Проходящий его да оградит себя тремя оплотами: верою, надеждою и любовью всечестною и Божественною» (св. Федор Эдесский, Д III – 355). Какой трепет в словах Отцов, когда они говорят о любви! Здесь все их сокровище.

«Спрашивать других св. Антоний считал столь спасительным делом, что даже сам, учитель всех, обращался с вопросом к ученику своему, преуспевшему однако же, и как тот сказал, так и поступал. Ибо повествуется, что когда авва Антоний получил от императора Констанция письменное приглашение прибыть в Константинополь, то обратился к Павлу Препростому с вопросом: должно ли мне идти? И когда тот сказал: если пойдешь, будешь Антоний, а если не пойдешь, то будешь авва Антоний, – чем не одобрялось такое путешествие, – то он спокойно остался на месте... Впрочем, и другим доверять советовал он не без ограничений. Надобно наперед удостовериться в правомыслии и в опытности старца, и тогда уж доверяться его слову и беспрекословно принимать его советы. Признак, по которому это можно распознать, есть согласие слова его со Словом Божиим» (преп. Антоний Великий, Д I – 123, 124).

Слово Божие, которое, по слову Апостола, *острее всякого меча обоюдоострого (Евр. 4:12)*, было для Отцов безусловным и совершенно непреложным критерием духовной жизни.

«Священное Писание, – говорит еп. Игнатий Брянчанинов, – издревле признавалось основным руководством для монашества. Только те советы и наставления старцев принимались за правило жизни, которые были согласны со Священным Писанием» (От. 32).

Среди наставлений Отцов есть особые советы о том, как находить правильное решение в срочных случаях жизни, при отсутствии духовного отца.

«Когда не можешь спросить своего старца, то надо трижды помолиться о всяком деле; и после сего смотреть – куда преклоняется сердце, хотя на волос, так и поступить; ибо извещение бывает заметно и всячески понятно сердцу... Если имеешь свободное время, помолись три раза в течение трех дней; если же случится крайняя надобность, как во время предания Спасителя, то прими в образец, что Он отходил трижды для молитвы, и молясь трижды, произносил одни и те же слова» (авва Иоанн-пророк, Д II – 581).

«Знай, брат мой, что всякий помысл, которому не предшествует тишина смирения, не от Бога происходит, но явно с левой стороны. Господь наш приходит с тихостию; но явно с левой стороны; все же вражеское бывает со смущением и мятежом» (преп. Варсонофий Великий, В – 18).

«Сердце христианское, приняв что-либо Божественное, не требует стороннего убеждения в том, что сие от Господа, но самым тем действием убеждается, что восприятие его есть небесное, ибо ощущает в себе плоды духовные: *любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание* (Гал. 5:22). А диавол, хотя бы и преобразился в Ангела света, или представлял мысли самые благовидные, сердце все будет чувствовать какую-то неясность, волнение в мыслях и смятение чувств» (преп. Серафим, ДС – 234).

«Доколе человек не возлюбит Бога от всей крепости своей, доколе не прилепится к Богу всем сердцем своим, дотолé не даруется ему покой от Бога» (преп. авва Исаия. От. 167).

Узкий путь христианства и совершенной любви включает в себя не только скорбь от подвига, но и скорбь от обстоятельств жизни, не имеющих по существу отношения к воле человека, направленной на подвиг, и потому часто застигающих его врасплох.

Отцы различают два вида скорбей: произвольные, т.е. вызываемые волей или зависящие от воли человека в его душевном и телесном самоограничении, и непроизвольные, как посылаемые ему для очищения, испытания, вразумления или наказания. Ко вторым относятся: болезни и немощи, смерти близких, материальные потери, служебные неудачи, незаслуженные оскорбления и т.п.

«Всякий совершенства достигает через подъятие произвольных или непроизвольных трудов и лишений... Но одни свои – произвольные – не так благотворны, как находящие со вне, не по нашей воле. И любовь к Богу наиболее испытывается прискорбностью искушений непроизвольных» (св. Григорий Палама, Д V – 295).

Замену первых скорбей вторыми объясняет преп. Никита Стифат: «Поелику прежде заложенный в нас яд многообилен, то многого и огня требует для очищения своего, т.е. слез покаяния и произвольных подвижнических трудов. Ибо мы очищаемся от скверн греха или произвольными трудами или невольными скорбями. Когда то, что от воли (произвольные труды подвига) предупредит сделать требуемое, тогда не встречается нужды в том, что не от воли (невольные скорби). Когда же первое не производит должного очищения, тогда второе посылается в сильнейшей степени к восстановлению в нас древнего устройства» (Д V – 123).

«Если сами не смиряемся, то Господь нас смиряет» (преп. Амвросий Оптинский, АМ – 27).

«Для того-то и предлежат на пути искушения, многия испытания, скорби, борения и пролития пота, чтобы явными соделались те, которые действительно от всего произволения и всеми силами даже до смерти любили Единого Господа и при такой любви к Нему не имели уже ничего иного для себя вожделенного» (преп. Макарий Великий, Д I – 196).

«Как неразогретый и неумягченный воск не может хорошо отпечатлеть налагаемую на него печать, так и человек, если не будет искушен трудами и немощами, не может вместить печати... божественной красоты» (блаж. Диадох).

«По попущению Божию, чтобы человек достигал наслаждения добром не иначе, как проходя через бурю, огонь и искушение. Ибо говорится: *приидохом сквозь огонь и воду и извел ны еси в покой* (Пс. 65:12) (он же, Д III – 70, 71, 53).

Невольные скорби, несмотря на всю нашу, казалось бы, опытность, мы чаще всего встречаем с полным непониманием их духовного значения. Мы, допустим, совершаем внутри себя какую-то духовную борьбу с помыслами, но на всю остальную жизнь, при ее вторжении в нашу, смотрим как на какую-то арену случайностей. Всякая болезнь, особенно близких, лишение чего-нибудь, неудача в чем-нибудь, или незаслуженная обида, воспринимаются нами как нечто совершенно стихийное, несправедливое и непромыслительное. И замечательно, что это непонимание даже чаще проявляется нами в скорбях мелких, которыми мы окружены ежедневно и которые ежедневно сбивают нас с толку.

«Перенеси терпеливо удары печальных и душераздирательных случайностей, ибо таковыми очистить тебя хочет Божие промышление» (св. авва Фалласий, Д III – 315). «Каждодневно будь готов к подъятию всякой скорби, помышляя, что скорби суть избавления от многих долгов»

(преп. Симеон Благоговейный, Д V – 69).

Терпение – учат Отцы – нужно и в большом и в малом, терпением достигается все: и значительное и небольшое.

«Желающий придти в страх Божий, терпением достигает сего... Терпением скорбей спасаем мы души наша, и не иначе делаемся сообщниками Христовых страданий, как терпением скорбей... Долготерпение есть мать всех благ» (преп. Варсонофий Великий, В – 16, 11).

"Мужайся и да крепится сердце твое (Пс.30:25), – пишет в одном письме преп. Амвросий Оптинский, – ...как и чем объяснить то, что возлюбленный наперсник Христов, Иоанн Богослов, обязанный проповедовать Евангелие, вместо того принужден был неподобною женщиною топить городскую баню и нес эту тяготу в продолжение шести лет? Но за такое притеснение апостола Господь сотворил такое чудо, что весь город обратился к христианской вере... Зная и памятуя это, мы да подклоняем выю нашу, когда возлагается на нас тягота скорбных обстоятельств или поношения, или какого стеснения, имея надежду, что впоследствии выйдет что-либо полезное... Дивны дела Господни и неисследимы пути Его. Не напрасно и не вотще взывал св. Давид к Господу: *По множеству болезней в сердце моем, утешения Твоя возвеселиша душу мою (Пс.93:19)*.. Да веруем и да надеемся мы, что за понесенные скорби силен Господь утешить и нас, каждого в свое время и по усмотрению каждого» (А – 159, 160).

Способность терпения Отцы возносят на величайшую высоту: ставят его рядом со смирением и любовью.

«Есть добродетели больше других добродетелей, как объемлющие и совмещающие в себе очень многие, или даже и все добродетели, каковы – божественная любовь и смирение и божественное терпение. О последнем говорит Господь: *В терпении вашем стяжите души ваши (Лк. 21:19)*. – Не сказал: в посте вашем, или в бдении вашем. Терпение ж я разумею то, которое бывает по Богу и есть царица добродетелей и основание мужественных доблестей. Оно есть само в себе – мир в бранях, отишие в бурю и непоколебимое утверждение для стяжавших его» (св. Григорий Син., Д V – 213).

Из этого определения терпения видно, что Отцы понимают его не как какую-то пассивную придавленность, а как активную творческую силу, – «основание мужественных доблестей». Терпение есть мужество верной души, несущей в себе любовь Божию. В этой верности любви – его непобедимая сила.

Один брат сказал авве Пимену (Великому): «Вижу, что где бы я ни был, обретаю помощь». Старец сказал: «Тем, которые имеют меч в руках своих, Бог помогает во время всей жизни. Если будем храбры, то Он сотворит с нами милость» (От. 408).

И наоборот: недостаток терпения есть признак недостатка любви.

«Кто не хочет случайностей тяжелых подъять, печальных перенести, болезненных перетерпеть, – тот шествует вне Божией любви и цели Провидения» (св. Максим Исп., Д III – 233).

«Всякая скорбь обличает настроение нашей воли, – направо склоняется она или налево. Случайная скорбь потому и называется искушением, что подвергает испытанию сокровенные расположения подвергшагося оной... Когда найдет искушение, не ищи отчего и для чего оно нашло; но (о том позаботься), чтоб благодарно, бесскорбно и незлопамятно перенести его» (св. Марк-подвижник, Д I – 558).

«Нечаянное какое-нибудь приключение, или напасть, расстраивают обычно мысленное внимание и, исторгши ум из спасительного благонастроения... увлекают его к грешным любопрениям и распрям. Причиною... бывает то, что не имеем никакого попечения об искушениях» (преп. Филофей Син., Д III 461).

«Бог не увеселяется никакою добродетелию столько, как когда кто впадает в какую-либо скорбь и терпеливо переносит ее до конца с благодарением. Равным образом от больного Бог не истязует поста или подвига телесного, – требует от него только терпения, благодарения и умной молитвы, состоящей в том, чтобы иметь ум всегда направленным к Богу. Пост и труды телесные совершаются человеком для обуздания нечистых страстей, а телесная болезнь выше и крепче поста подвига и телесного труда. Поэтому с немощного не спросится поста и труда телесного; он только должен непрестанно благодарить Бога и молить Его, чтоб даровал ему терпение» (От. 474).

Состояние, противоположное христианскому терпению, есть желание телесного покоя во всем и во что бы то ни стало.

«В том-то и вся ошибка с нашей стороны, – пишет преп. Амвросий Оптинский, – что не хотим покориться воле Всеблагого Промысла Божия, указующего нам чрез обстоятельства душеполезный путь, а все ищем своего какого-то покойного пути, который существует только в мечтательности, а на самом деле его на земле нет; не всем, а некоторым только будет покой тогда, когда пропоют: со святыми упокой. Земный же удел человеческий – скорбь, труд, болезни, подвиг, печали, недоумения, теснота, лишение того или другого, оскорбления, смущения, восстания

страстей, борьба с ними, одоление или изнеможение, или безнадежие, и подобное сим. Не вотще сказал пророк Давид: *«несть мира в костех моих от лица грех моих»*. И праведный Иов взывал: *«не искушение ли есть человеку житие его?»* А мы все путаемся на том, нельзя ли как устроиться в покое и на покое и часто думаем: если бы не такое-то неудобство и не такие-то обстоятельства, и не такой-то поперечный человек, то, может быть, было бы мне удобнее и покойнее; а забываем, что неудобства сии часто нисходят извне на нас, как и злые помышления» (А – 112).

«Надежда покоя во все времена заставляла людей забывать великое, благое и добродетели. Если человек небрежет о Царстве Небесном, то по надежде малого здешнего утешения. Кто не знает, что птицы приближаются к сети, имея в виду покой?» (св. Исаак Сирин, Д II – 685).

Но с терпением принимая произвольные скорби, Отцы не забывали и скорбь произвольную – основное дело своего подвига. Один ученик спросил Варсонофия Великого: «Молю тебя, честный Отец, скажи мне, что значит добрая и злая воля?» Старец ответил: «Брат! Всякий покой телесный мерзок Богу нашему, ибо Он Сам сказал: *узкий и тесный путь, вводящий в жизнь (Мф. 7:14)*. Избрать этот путь есть добрая воля, и тот, кто держится его, во всяком деле произвольно избирает себе скорбь по силе своей. Или не знаешь, что говорит Апостол: *умерщвляю тело и порабощаю (1Кор. 9:27)*. Видишь ли, что божественный муж волею порабощает тело свое, хотя оно и противилось тому. Имеющий сие доброе желание спасения ко всякому из требуемых нуждою действий своих примешивает небольшую скорбь. Например: могу лечь спать на мягкой, набитой пухом постели, но предпочитаю небольшую скорбь (если только это скорбь) и по собственному желанию ложусь на рогоже... И еще: могу иметь хорошую пищу и чистый хлеб, – должен предпочесть худшее, чтобы поскорбеть хоть немного, вспоминая томящихся голодом... а тем более Владыку нашего Иисуса, Который вкусил желчи и меня ради. Это-то и есть воля по Богу. Воля же плотская состоит в противном тому, то есть чтобы во всем иметь покой... Это-то и есть злая воля; отсеки ее – и спасешься. Если же побеждаешься этим, то укоряй себя, а ближнего своего оправдывай. Трудно спастись! И как заблуждается тот, кто думает спастись, упокоивая себя во всем! Царствие Небесное получают лишь те, которые *нудят* себя (Мф. 11:12)» (В – 101).

«Расслабление и тягота телесная, прибывающие в душу от лени и нерадения, отбивают от обычного правила и производят омрачение ума и малодушие... Молись со стенаниями сердечными, в сокрушении и слезах, испрашивая избавления от тяготы расслабления и уныния и помыслов

злых» (св. Симеон Новый Богослов, Д V – 20, 21).

«Сей тепло-хладной разлняющей страсти мы избежим, если в крайне тесные вставим пределы нашу мысль, держа во внимании одну память Божию; ибо только таким образом дух, востекши в свойственное ему горение, может отогнать от себя неразумное свое разлнение» (блаж. Диадокх, Д III – 40).

Терпение несправедливых обид и огорчений Отцы всегда включают в те невольные скорби, которые промыслительно посылаются нам.

«Не подумай, что, получив от брата удар, ты потерпел нечто великое; ибо Господь неба и земли потерпел биение и все прочие страдания» (преп. Варсонофий Великий, В – 336).

«Если скажут о тебе что-нибудь несправедливо и ты смутишься, нет в тебе страха Божия» (преп. авва Исаия, От. 268).

Оптинский старец от. Макарий в одном своем письме говорит: «Вы кажетесь мирны, спокойны, когда никто не беспокоит вас; а страсть внутри вас лежит; при какой-нибудь противности она восплается и действует. Итак, тот, кто нас трогает (задевает), только показывает нам оную (страсть), дабы мы попеклись об исцелении – самоукоренением, смирением, снисхождением, милостию. Люди, показывающие нам (наши) страсти, суть орудия Божии».

В этом смысле наверное говорил и блаж. Зосима: «Никто не говорит о нас прямой истины, кроме того, кто укоряет нас» (Д III – 121).

Св. Марк-подвижник пишет: «Должно прощать тому, кто нас обидел, зная, что воздаяние за прощение обид превосходит воздаяние всякой иной добродетели... Это есть плодоносие веры, этим доказывается вера наша во Христа; чрез сие можем взять крест свой и последовать Христу; это есть мать первых и великих заповедей, ибо посредством сего можем возлюбить Бога от всего сердца и ближнего, как самого себя; для сего должны мы поститься, пребывать во бдении и удручать свое тело, дабы сердце наше и внутреннее расположение отверзлись, приняли это (любовь) в себя и уже не извергали. Тогда за то, что мы прощаем ближнему согрешения, найдем, что благодать, сокровенно данная нам при святом крещении, будет действовать в нас уже не безызвестно, но ощутительно для нашего сознания и чувства» (Д I – 501, 502).

«Не всем принадлежит терпеть бесчестие за имя Христово, но только святым и чистым. Дело же подобных нам людей – с благодарностью принимать бесчестие, исповедуя, что справедливо терпим за худые дела наши» (блаж. Зосима, Д III – 126).

«Хотя мы перед людьми, может быть, и правы в чем-нибудь, но когда

(так как) не правы перед Богом, то должны без самооправдания переносить всякое злострадание, всякое неудобство и всякое утеснение, никого из людей не обвиняя в этом, но принимая все скорби, как посланные от руки Божией к очищению грехов наших, к исправлению нашему, и больше всего к смирению возносительного мудрования нашего» (от. Амвросий Оптинский, А – 120). «Однажды спросили авву (блаж. Зосиму): как достигнуть того, чтобы не гневаться, когда унижают и злословят другие? Он ответил: кто в сердце своем имеет себя ничтожнейшим, тот никаким унижением не возмущается, как сказал авва Пимен: если уничижишь себя, будешь иметь покой» (Д III – 132).

Святые могли не только терпеть обиды и бесчестия, приходящие к ним, но иногда сами искали их, как бы домогались их, ища венца мученического.

«Если Бог страдает плотию, быв человек, то кто не возрадуется, когда страдает, имея Бога соучастником в страдании?» (св. Максим Исповедник, Д III – 269).

Тут грань соприкосновения пути подвига Отцов-аскетов с отдельным путем юродства.

В Патерике есть такой рассказ:

«Некоторый старец жил в монастыре вне Александрии. Старец этот был очень вспыльчив и малодушен. Некоторый юный монах, наслышавшись о нем, дал обет перед Богом, говоря: Господи! за все злое, соделанное мною, я пойду и буду жить с этим старцем, претерпевая от него все, и служа ему, как раб. Так и поступил он: пошел к старцу и начал жить с ним. Старец поступал с ним, как с псом, ежедневно издеваясь над ним. Бог призрел на терпение брата. После шести лет жизни его со старцем он увидел во сне некоего страшного с великим свитком в руке. Явившийся сказал ему, что половина написанного на свитке изглажена, и сказал: вот, половину твоего долга изгладил Владыка! позаботься и о прочем. По соседству их жил другой старец, духовный, и слышал всегда, как малодушествует старец и оскорбляет брата, как брат кланяется ему в ноги, а старец не прощает. Встречая молодого монаха, духовный старец говаривал ему: «Что чадо? как прошло сегодня? приобрели ли мы что? изгладили ли что из свитка?» Брат, зная, что старец духовен, не скрывал от него тайн своих, но отвечал: «Да, отец, сегодня мы немного потрудились». Когда же проводил он день спокойно, не будучи ни обруган, ни оплеван, ни бит, ни изгнан, то приходил к духовному старцу вечером, плача и говоря: «Увы, авва, нынешний день был несчастлив: ничего не приобрели мы, проведя день спокойно»... По прошествии других шести лет брат

скончался. И поведал духовный старец, что он видел брата предстоящим Богу в лике мучеников, с великим дерзновением молящегося Богу о старце своем, говорящего в молитве: «Господи: как Ты помиловал меня при посредстве его, так помилуй и его по благодати Твоей и ради меня, раба Твоего». По истечении сорока дней брат взял к себе и старца в место упокоения. Вот какое дерзновение имеют к Богу терпящие скорби ради Его» (От. 540, 541). «Любовь покрывает множество грехов», и при этом не только своих. Поэтому несмотря на исключительность практики подобного подвига, его учительный смысл очевиден для всех путей и для всех подвигов.

Есть одна разновидность жизненных скорбей – это скорби ума.

«Если не можешь потрудиться телом, – говорит св. Исаак Сирин, – поскорби хоть мысленно»... «Скорби ума достаточно к тому, чтобы заменить всякое телесное делание» (он же, Д II – 756).

В мужественном и благодарном перенесении скорбей и искушений Отцы видели признак того, что память – любовь Божия вошла в сознание. Ведь по Апостолу, *любовь долготерпит* (1Кор. 13:4), и только любовь.

«Если хочешь непрестанно памятовать о Боге, то не отвергай заключений, будто неправедных, но переноси их как праведно тебя постигающие. Ибо терпение каждым случаем пробуждает память о Боге» (св. Марк-подвижник, Д I – 150).

Чем дальше человек уходит по своей дороге к Богу, тем все более трудные он переносит искушения.

«Видно неудачи – твой крест... Потерпи, поминай заповедь Самого Господа: *«В терпении вашем стяжите души ваши»*... Где ни придется нам жить, будем терпеть встречающиеся неудобства, ожидая воли и манования Божия... Когда будет, тогда пусть и будет. Мир тебе, мир душе твоей, мир пребыванию твоему» (от. Амвросий Оптинский, АМ – 180, 181).

«Божии человеки должны приуготовлять себя к борению и подвигу... Христиане должны переносить скорби внешние и внутренние брани, чтобы принимая на себя удары, побеждать терпением. Таков путь христианства. Где Дух Святый, там, как тень, следует гонение и брань» (преп. Макарий Великий, Д I – 250).

Святые оптинские отцы произнесли пророчество о последнем роде. Они предложили вопрос: что сделали мы? Один из них, великий по жителству, авва Исхирион, сказал на это: мы соблюдали заповеди Божии. Отцы спросили: что сделают те, которые непосредственно последуют за нами? Он отвечал: они будут иметь делание вполноту против нашего. Отцы опять спросили: а те, которые будут после них? Эти, отвечал авва,

отнюдь не будут иметь монашеского делания, но их постигнут напасти и они, подвергшись напастям и искушениям, окажутся больше нас и больше отцов наших» (От. 346).

Скорбями, напастями и искушениями испытывается золото христианских душ. Все учение об этом Отцов есть практическое толкование слов Евангелия: *Любящий душу свою погубит ее, а ненавидящий душу свою в мире сем, сохранит ее в жизнь вечную* (Ин. 12:25). Эта жизнь вечная есть Царство Божие, которое у святых начинается еще здесь, на Земле, среди их скорбей и напастей, трудов и болезней. Вот почему они, в своем «предвоскресении», уже жили в великом покое.

«Если терпение возрастает в душах наших, это признак, что приняли мы втайне благодать утешения. Когда душа упоена радостью надежды своей и веселием Божиим, тогда тело не чувствует скорбей, хотя и немощно... Так бывает тогда, когда душа входит в оную духовную радость» (св. Исаак Сирин, Д II – 751).

«Враг встречает нас жестокими и страшными искушениями... Но не знает он, суетный, каких благ бывает для нас виновником, делая нас через терпение более опытными и светлые нам сплетая венцы» (преп. Феогност, Д III – 433). «Невозможно миновать печали тому, кто обучается искушениями; но после сего великой сподобляются радости таковые и слез сладких и помышлений божественных, за то что болезнование и сокрушение возделали в сердцах своих» (преп. Иоанн Карп., Д III – 90, 91).

От скорби происходит терпение, от терпения – опытность, от опытности – надежда, а надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам (Рим. 5:3–5).

«О, сколь труден путь Божий!» – как-то воскликнул преп. авва Исаия. И он же сказал: «На пути добродетелей есть падения, ибо есть враги, есть преложение, есть изменение, есть обилие, есть мерность, есть оскудение, есть печаль, есть радость, есть болезнование сердца, есть скорбь, есть покой сердца, есть преспеяние, есть нуждение; ибо это есть путешествие, чтобы достигнуть упования» (Д I – 395, 396).

Можно ли без волнения сердца читать эти слова, слыша за ними многотрудные шаги святых? Как их путешествие не похоже на наше! Когда мы трудимся в своих житейских делах, мы забываем про веру, когда хотим веровать – забываем о духовном труде.

«Душевно живущие, – говорит преп. Никита Стифат, – и потому называемые душевными, суть какие-то... как бы параличем разбитые. Никакого никогда не имеют они усердия потрудиться в делах добродетели и исполнения заповедей Божиих, и только славы ради человеческой

избегают явных укоризненных дел» (Д V – 121).

Труд подвига веры заключается не только в том, чтобы обороняться от нападений и не падать, но еще больше в том, чтобы вставать после падения.

«Брат сказал авве Сисою (Великому): авва! что делать мне? – я пал. Старец отвечал: встань. Брат сказал: я встал и опять пал. Старец отвечал: снова встань. Брат (сказал): доколе же мне вставать и падать? Старец: до кончины твоей» (От. 433). «Всеми силами крепись не падать, ибо крепкому борцу не подобает падать; если же случится пасть, скорее вставай и стой опять в добром подвиге. Хотя бы тмократно случилось с тобою первое, по отступлении благодати, тмократно да будет у тебя второе, т.е. восстание. Так до конца жизни твоей» (преп. Иоанн Карпафийский, Д III – 105).

«По отступлении благодати». Все учение Отцов о подвиге основано на учении о благодати, а учение о благодати – на учении о смирении. Подвиг неосуществим без благодати, благодать дается только смиренному, поэтому вся цель подвига – научиться смирению, чтобы приобрести благодать. *Бог гордым противится, а смиренным дает благодать (Иак. 4:6; 1Пет. 5:5)* – вот незыблемая формула Священного Писания и св. Отцов. Трудись до конца жизни своей, изнемогай в труде своем, преодолевай изнеможение свое, но спасение свое ты все-таки получишь не за этот труд, а даром, только за смирение и любовь своей веры, как нищий милостыню. И все труды твои абсолютно необходимы для стяжания именно этой и только этой нищеты.

«Воздаяние бывает не добродетели, – говорит св. Исаак Сирин, – и не труду ради, но рождающемуся от них смирению. Если же оно утрачено, то первые будут напрасны» (Д II – 665).

Какая неожиданная, несравнимая и неизреченная радость в этом учении! Ведь этим учением возвеличивается только одно единственное и никогда уже более не повторимое в мире – спасительная кровь Иисуса Христа. «Когда одерживаем мы победу над врагами, то это кровь Христова побеждает их, как написано в Апокалипсисе: *и тии победиша его кровию Агнчею (Апок. 12:11)*» (преп. Никодим Святогорец, Н – 220). Иди, как поется в каноне Вербной недели: «Возопиша с веселием праведных души: ныне миру Завет Новый завещается, и кроплением да обновятся людие Божия крови». «Время некое просвещаемый и упокоеваемый божественною благодатью, – говорит преп. Иоанн Карпафийский, – по умалении же ее впадающий в парения ума и влечения неподобные и ропщущий за то, или бесполезному унынию предающийся, а не

ревнующий мужественно молитвою опять восстановить в себе спасительное то настроение, – подобен бедному, который, получив милостыню из палаты царской, негодует, что не введен был внутрь, чтоб возлежать за царскою трапезою» (Д III – 102).

Нищие не могут роптать, но не могут и унывать, они могут только нести свой труд нищеты и надежды. Они слышат, как «Царь царствующих и Господь господствующих приходит заклатися и датися в снедь верным», и они знают, что это слышание они имеют только через свою нищету.

Вот почему, когда святые говорят о смирении, в их словах слышится какой-то благоговейный трепет.

«Смирение есть некая таинственная сила... (она есть) риза Божества. Кто облачается в сию ризу смирения, облачается в самого Христа... Что есть совершенство? – Глубина смирения» (св. Исаак Сирин, Д II – 688, Д V – 395).

«Говорящие или делающие что-либо без смирения подобны строящему храмину без цемента. Опытном, разумом обрести и познать смирение есть достояние весьма немногих. Словом о нем разглагольствующие подобны измеряющим бездну. Мы же, слепые, мало нечто о сем великом свете гадающие, говорим: смирение истинное ни слов смиренных не говорит, ни видов смиренных не принимает, не нудит себя смиренно о себе мудрствовать, и не поносит себя, смиряясь. Хотя все это начатки суть, проявления и разные виды смирения, но само оно есть благодать и дар свыше» (св. Григорий Синаит, Д V – 223).

«Смирение есть нечто величайшее в добродетелях, ибо оно, в ком вкоренится, чрез искреннее покаяние, и в спутники себе примет молитву с воздержанием, тех тотчас делает свободными от страстей, мир силам их подает, сердце очищает слезами и исполняет его тишины в нашествии Духа... Но поскольку они углубляются в глубины Духа, постольку погружающийся в глубину смиренномудрия; а от сего возрастает в них познание своих мер и немощи человеческого естества, и увеличивается любовь к Богу и ближним, – так что они убеждены бывают, что почерпают освящение от одного приветствия и близости обращающихся с ними» (преп. Никита Стифат, Д V – 131, 132).

«Страшное скажу тебе слово, но не дивись. Если и не достигнешь бесстрастия, по причине, может быть, тиранских предрасположений, но находясь во время исхода в глубоких чувствах смирения ничем не меньше бесстрастного вознесешься на облаках. Ибо пусть сокровище бесстрастных составлено бывает из всякой добродетели, но драгоценный камень смирения паче всех их досточестен и высок и стяжавшему его доставляет

не только умилоствление перед Богом, но и вход с избранными в брачный чертог Царства Его» (преп. Феогност, Д III – 432).

«Некоторый брат спросил у старца: что есть смирение? Старец отвечал: древо жизни, возрастающее до небес...» «Смирение состоит в том, чтобы делать добро тем, которые делают нам зло...» «Смирение – дело великое и Божественное» (От. 494, 495, 499).

Вот как говорят о смирении святые. Возможность смирения лежит на самом дне сердца и отсюда начинает бить его «Живоносный Источник», – единственно, что надежно, единственно, что может встретить любовь Божию и Его благодать.

«Смирение, – говорили Отцы, – предтеча любви. Как Иоанн был предтечею Иисуса и всех привлекал к Иисусу, так и смирение привлекает к любви, т.е. к самому Богу, потому что Бог есть любовь» (От. 499).

Вот почему в святых нам уже трудно определить – где кончается смирение и начинается любовь, вот почему нам от Антония Великого осталось это откровение о спасительной силе смирения: «Св. Антоний сказал: я видел сети диавола, простертые по всей земле, возстенал от этого и сказал: горе роду человеческому! Кто может избавиться от них? И сказали мне: смирение спасает от них» (Д I – 145).

«Брат спросил Великого Старца: сделай милость, скажи, как мне спастись? Старец отвечал: »...Возведи на небо ум твой и там да будет поучение твое день и ночь. Сколько имеешь силы – уничижай себя день и ночь, понуждаясь увидеть себя ниже всякого человека. Это есть истинный путь, и кроме него нет другого желающему спастись о укрепляющем его Христе. Да течет (по нему) желающий, да течет желающий, да течет желающий, – «течет да достигнет»; свидетельствуюсь в том перед Богом живым и хотящим даровать жизнь вечную всякому желающему ее» (преп. Варсонофий Великий, В – 315).

«Кроме этого, нет другого пути». У всякого пути есть начало, середина и конец. Святые часто говорят о божественной легкости конца пути смирения, но они опытно испытали на себе весь труд начала этого великого подвига. Со многих высот надо прогнать себя человеку, чтобы подойти к царским вратам любви.

«Самоуничижение... тяжело гнетет и сокрушает, и спасительное выжимает вино, веселящее сердце человека» (св. Григорий Палама, Д V – 298).

«Когда случится тебе сделать что-нибудь доброе, ты должен знать, что это дар Божий. Все доброе есть Божие... Итак никогда не прельщайся поверить помыслу, который хвалит тебя за доброе дело» (преп.

Варсонофий Великий, В – 299, 300, 305). Он же советовал при похвалах и от собственных помыслов и от людей всегда говорить себе слова Писания: *«Людие мои, – блажащие вас прельщают вас и стези ног ваших возмущают»* (Ис. 3:12).

Как же научиться смирению – этому предтече любви? Ведь, как сказал преп. Никита Стифат, – «смирение состоит не в наклонении выи или в распускании волос, или одеянии неопрятном грубом и бедном, в чем многие поставляют всю суть добродетели сей, но в сокрушении сердца и смирении духа» (Д V – 128).

И преп. Симеон Новый Богослов предупреждает нас: «Есть мнимое смирение, происходящее от нерадения и лености и от сильного осуждения совести. Возымевшие его нередко почитают его виною спасения, но оно не есть таково воистине, потому что не имеет радостотворного плача, который бы соединен был с ним» (Д V – 29).

«Путь к смирению состоит в том, чтоб человек возложил на себя иго телесных трудов, чтоб считал себя грешником, чтоб считал себя низшим всех? Старец отвечал: быть низшим всех значит не обращать внимания на согрешения ближних, взирать непрестанно на свои согрешения и непрестанно молиться Богу» (От. 495, 496).

«Путем к смирению служат телесные труды, совершаемые разумно, и то, чтоб считать себя ниже всех, и непрестанно молиться Богу» (авва Дорофей, Д II – 607).

«Некто был спрошен – как может человек приобрести смирение? И сказал: непрестанным памятованием своих прегрешений и близости смерти...» (св. Исаак Сирин, Д II – 678).

Учение о памяти прежних грехов можно найти почти у всех Отцов. Кто-то из них сказал: «человеку лучше увидеть свои грехи, нежели увидеть сонмы Ангелов». «Соперник нашей жизни диавол разными помыслами умаляет грехи наши и часто покрывает их забвением, чтобы мы поослабили себе в трудах и не думали более оплакивать свои падения. Мы же, братия, не дадим себе забыть о своих падениях, хотя бы, казалось, они прощены уже нам в силу покаяния нашего, но всегда будем памятовать о грехах своих и оплакивать их не перестанем, чтобы, стяжав себе, яко добрую сожительницу, смирение, избежать нам сетей тщеславия и гордости» (св. Федор Эдесский, Д III – 364).

«Потребно нам великое смирение, если искреннее имеем попечение о хранении ума в Господе... Всячески всегда должны мы сокрушать свое сердце, изыскивая и в дело вводя все, могущее смирать его. Сокрушает же и смиряет сердце, как известно, память о прежней нашей в мире жизни,

если она припоминается нами как следует; также память о всех грехах от юности» (преп. Филофей Синаит, Д III – 447). «Как следует», – означает, что это, конечно, не припоминание греховных ощущений, а память своей вины, каких-то печатей Каина в своей прошлой жизни. «Но человек не может увидеть грехов своих, доколе не разлучится с ними разлукою, исполненною труда и горести. Достигшие этого состояния обрели плач и молитву» (преп. авва Исаия, От. 238, 239).

Что касается как бы противоречия с тем, что мы уже принесли покаяние в прошлых грехах на исповеди, то Отцы, во-первых, учат, что «исповедь, совершаемая с небрежением, не только не приносит пользы, но и служит к осуждению» (Отчен. еп. Игнт.), а во-вторых, покаяние надо доказать несовершенством этих же грехов в последующей жизни. Если они вновь, хотя бы мысленно, совершаются, – значит, покаяние еще не вполне осуществилось и грехи еще не прощены.

«Признак прощения грехов состоит в том, чтобы возненавидеть их и не делать более. А когда человек размышляет о них, и сердце его услаждается ими, или он и совершает их на деле, – это есмь знак, что грехи еще не прощены ему, но он еще обвиняется в них» (Варсонофий Великий, В – 370).

«Человек когда-нибудь падший находится под покаянием. И не можешь ты иметь твердого удостоверения (об участии своей), пока не познаешь, что совершилось в тебе отпущение грехов твоих. Признаком же сего (отпущения) служит то, если ничто из того, в чем согрешил ты, не движется в сердце твоём» (преп. авва Исаия, От. 238–239).

«Когда страстные воспоминания совсем изгладятся из сердца до того, что и не приближаются к нему, – тогда это служит признаком отпущения прежних грехов» (св. Федор Эдесский, Д III – 349).

Однако из всего учения Отцов вытекает и то, что и в этом делании христианского пути – в памятовании своей прошлой греховности – все совершается во имя любви к Богу, а не во имя исполнения своей, хотя бы казалось, самой благочестивой воли. «Всякое доброе дело, – говорит Варсонофий Великий, – которое совершается не из одной только любви к Богу, но к которому бывает примешана и своя воля, нечисто и неприятно Богу» (Д II – 582).

«Нельзя, значит, и в этом делании создавать себе, вне любви к Богу, какое-то «духовно-техническое занятие». Христианство не профессия, а роды: рождение нового человека в мир. Нам, грешным и бессильным, непостижимо – как обретается любовь к Богу, но стремиться к ней мы должны всегда, и это устремление к ней, искание ее должно идти впереди

всех наших духовных дел. «Подвиг – направлять все свои мысли, чувства и дела к одному богоугождению, – говорит преп. Никодим Святгорец, – сначала покажется тебе трудным, но потом он сделается легким и удобным, если, во-первых, непрерывно будешь упражняться в таком духовном делании, а во-вторых, всегда будешь возгревать в себе вожделение Бога, к Нему вздыхая живым устремлением сердца... Такое искание беспредельного блага в Боге чем чаще будет происходить в сознании и чем глубже будет проникать в чувство сердца, тем чаще и тем теплее будут совершаться сказанные действия воли нашей, и тем скорее и удобнее образуется в нас навык – всякое дело делать по одной любви к Господу и по одному желанию благоугождать Ему, наидостойнейшему всякой любви» (Н – 42, 43). Эти слова относятся ко всему христианскому подвигу, и тем самым к памятованию прежних грехов. Я оскорбил своей прежней жизнью любовь Божию и всегда должен об этом помнить, но и любовь Божию я помню. В устремленности к любви как бы забывается прошлое. Но именно «как бы». Оно не забывается, а, как говорили старцы, «залечивается». Оттолкнувшийся от берега и плывущий всегда знает, от чего он оттолкнулся. Когда же любовь скудеет и плывущий начнет утопать, – пусть тогда с особенной силой великопостным колоколом звучат в ушах слова великого канона: «Откуда начну плакати окаянного моего жития деяний? Кое ли положу начало, Христе, нынешнему рыданию?»

Путь достижения смирения через память о грехах, через молитву, через телесный труд и другие дела покаяния, есть путь всей жизни. Достичь его совершенства могли только святые.

Авва Пимен (Великий) сказал: «Если человек достигнет такого состояния, о котором Апостол сказал: *«вся чиста чистым»*, то увидит себя худшим всей твари» (От. 412).

Но идти по этому пути смирения должны все, так как только он ведет в Землю Обетованную, – в область благодатных слез божественной печали и небесного утешения, удостоверяющего о прощении грехов.

«Некоторый брат спросил старца: душа моя желает слез, когда вижу старцев, проливающих слезы, но слезы не приходят, и смущается душа моя. Отчего это? Старец сказал: сыны Израилевы после путешествия, продолжавшегося сорок лет, вошли в Обетованную Землю. Слезы – Земля Обетованная. Если войдем в нее, не будем страшиться браней. Но Богу благоугодно удручать душу скорбями, чтобы она непрестанно желала войти в эту землю» (От. 464).

«Чем более кто нисходит в глубину смирения и осуждает себя самого,

как недостойного спасения, тем более плачет и изводит источники слез. По мере слез и плача источается в сердце его духовная радость, а вместе с нею соисточается и совозрастает надежда и дает вернейшее удостоверение в спасении» (преп. Симеон Новый Богослов, Д V – 24).

«Где сокрушение и плач духовный, там и божественное осияние; а когда оно найдет, тогда отгоняются и леность и немощь» (Симеон Благоговейный, Д. V – 67).

"Блаженны чистые сердцем, потому что нет времени, когда бы не услаждались они сладостию слез, – в коей всегда зрят они и Господа. Пока еще слезы у них на глазах, они сподобляются зрению откровений Его на высоте молитвы своей; и нет у них молитвы без слез. Сие-то и значит сказанное Господом: *«блаженны плачущие, ибо они утешаются»*. Ибо когда монах сподобился с помощью слез прейти область страстей и вступить в равнину душевной чистоты, тогда сретае его утешение, какие плачущим дает Бог за чистоту их» (св. Исаак Сирий, Д II – 653). «Когда душа и без нашего старания бывает склонна к слезам умиления, тогда поспешим, ибо Господь пришел к нам и без нашего зова и дал нам губу боголюбезной печали и прохладную воду благочестивых слез на изглажение рукописания согрешений» (св. Иоанн Лествичник, Л – 79).

«Истинно думаю, что если бы возможно было омыть все тело свое слезами, то оно было бы нетленно. Однако не заплачет человек, если не имеет болезненного труда, т.е. сокрушения» (старец Паисий Величковский, ЖМП, 1956, № 10). «Покаяние составляется из исполнения всех Евангельских заповедей. Евангельские заповеди возможно исполнять точно и богоугодно только из сердца сокрушенного и смиренного. Дух жительства по Евангельским заповедям – покаяние. Когда покаяние вселится в глубину сердца, тогда оно преобразуется в плач... Плач этот вместе и молитва. Ум молитва словами, сердце молится плачем» (еп. Игнатий Брянчанинов, От. 514).

«Когда неудержимая вода страстных помыслов ума удержана будет наитием Духа Святого, и неподобных мыслей и воспоминаний бездна обуздается воздержанием и помышлением о смерти, тогда веет божественный Дух покаяния и нисходят воды умиления, кои Бог и Владыка наш, вливая в умывальницу покаяния, умывает мысленно ноги наши и делает их достойными ступить по двору Царства Его» (преп. Никита Стифат, Д V – 150).

«Основное чувство, возникающее при чтении Отцов о покаянии, смирении и «радостотворном плаче» то, что этот путь не только единственно истинный, но что он и единственно безмерный. Нет предела

смирению, так как оно вливается в любовь. Всякая остановка на этом пути, всякое сознание, что «с меня довольно» или «я уже устал», или «я уже богат», – есть доказательство неверия, нелюбви и гордости. Силы дает Бог, любовь к Нему ненасытна, – а смирение никогда не почувствует себя богатым. *Стремлюсь, не достигну ли я, как достиг меня Христос Иисус*, – говорит Апостол (Флп. 3:12).

"Необходимо действовать так, чтобы всегда простираться вперед (Фил. 3:13), если желаем скоро и успешно достигнуть предположенной нам цели. Ибо как только остановимся, хоть на короткое время, тотчас подадимся назад" (преп. Никодим Святгорец, Н – 163).

«Пойди же ты, возжелавший Спасения, теки с жаром, и не зная утомления, пока достигнешь, ищи притрудно, проси непрестанно, толцы терпеливо, пока улужишь, водрузив на верху лестницы, как знамя, твердую веру и смирение» (преп. Феогност, Д III – 420).

«Не примеряй себя к слабейшим из людей, а лучше расширяй себя в меру заповеди о любви... Расширяя себя в меру любви, достигнешь высоты смиренномудрия» (преп. Максим Исповедник, Д III – 215).

«Авва Лот, посетив авву Иосифа, сказал ему: отец мой! по силе моей я исполняю малое молитвенное правило, соблюдаю умеренный пост, занимаюсь молитвою, поучением и безмолвием (молитва Иисусова), стараюсь наблюдать чистоту, не принимаю греховных помыслов: что надлежит мне еще сделать? – Старец встал и простер руки к небу: персты его соделались подобными десяти возжженным светильникам. Он сказал авве Лоту: если хочешь, – будь весь как огонь. Не можешь соделаться монахом, если не будешь пламенеть весь как огонь» (От. 370).

«Возлюби святых, – говорил преп. авва Исаия, – да ревность их снесет тебя» (Д I – 348).

Может, эти выписки будут кому-нибудь полезны, и любовь к святым поглотит нашу немощь, неразумие и лень. По слову И. Киреевского, учение Отцов – это «известия очевидцев о стране, в которой они были». Иногда только неведение, а не злая воля бывает причиной равнодушия. Если, как говорил св. Тихон Задонский, «христиане не знают христианства» (От. 445), то что же требовать от других?

Люди часто представляют себе христианство в двух аспектах: или оно для них какое-то полнотелое и благодушное ни к чему, в общем не обязывающее благополучие внешней веры, или же оно самоистязание черных телоненавистников, изуверское презрение к матери во имя бесплотной духовности. Христианство, конечно, ни то и ни другое. Плотская внешность словесной веры так же далека от него, как и

бесплотный (или бесовский, по слову блаж. Диадокха) спиритуализм.

Христианство есть учение о Царстве Божием, которое ищется подвигом жизни и которое открывается еще здесь, на земле, внутри нас. В этом предначатии, в благодати Святого Духа, будущей полноты блаженства и вся цель и вся возможность подвига очищения души и тела на узком пути Христовом. В подвиге воздержания, неразрывном от подвига молитвы и любви к людям, душа и тело очищаются от скверны греха, чтобы стать нетленным храмом Божиим.

«Жизнь души есть единение с Богом... Жизнь сия есть жизнь не души только, но и тела; ибо она обессмертивает и его чрез воскресение... Она и ему дает вечную во Христе жизнь, беструдную, безболезненную и беспечальную, воистину бессмертную» (св. Григорий Палама, Д V – 279, 280).

Цель этой временной жизни сливается с целью вечной, как единое устремление к Богу.

«Мы теперь дети Божии, но еще не открылось, что будем. Знаем только, что когда откроется, будем подобны Ему, – говорит Апостол Иоанн, и тут же добавляет: и всякий, имеющий сию надежду на Него, очищает себя, так как Он чист» (1Ин. 3:2–3).

Глава V. О ЛЮБВИ

Любовь... всему верит.

Апостол Павел (1Кор. 13:4, 7)

Весь смысл нашей жизни в том, чтобы теплом своего дыхания бороться с холодом мира. Потому-то так и страшно подходить к концу своей жизни: дело не только в том, что все меньше близких, которые это дыхание имели, – и небо без них все стуже, и осень холодней, – но и в том, что те, кто остались, ждут от тебя такой же любви, и чувствуешь на себе их глаза, в которых – ожидание и укор.

«Печаль, поражающая сердце за грех против любви, страшнее всякого возможного наказания... Мучимые в геенне поражаются бичем любви» (преп. Исаак Сирин. ЖМП, 1956, №5).

Ведь на Суде Божиим с нас не спросят – постились ли мы, молились ли мы, но только: любили ли мы? Так как этот вопрос все спрашивает, и это будет Страшный Суд любви, «егда поставятся престолы и отверзутся книги и Бог на суде сядет».

Любовь к людям для нас труднее всего. В молитве или посте – если искусственно изолировать их от любви – человеку весьма легко удастся слукавить и вложить ложку дегтя в их мед: что-то о себе, их совершающих возомнить и замкнуться в добродетельном футляре. Любовь же к людям в том и есть, чтобы в забвении о себе и в просторе от себя искать в людях Бога и в Боге спасаемых Им людей. Тут надо идти на жертвенный путь креста. Вот почему Отцы так настойчиво говорят именно о триединном образе совершенства: любовь к людям доказывает любовь к Богу, а потому только присутствие ее в этом триединстве (воздержание, любовь и молитва) является духовной гарантией того, что это триединство есть действительно путь к Богу. Именно она делает этот сплав драгоценным.

В Патерике есть такой рассказ: «Спросил некто старца – почему имеющиеся ныне между монахами подвижники не получают благодатных даров подобно древним? Старец отвечал: потому что тогда была любовь и каждый подымал ближнего своего вверх; ныне любовь охладела и каждый влечет ближнего своего вниз. По этой причине мы не удостоиваемся получить благодати» (От. 496). «Бог и великие грехи прощает человеку против Него Самого; но согрешения против ближнего не прощает, если (человек) с ним не умиротворится» (преп. Амвросий Оптинский, АМ, 119).

Вот почему, как сказала авва Евагрий: «лучше быть среди тысячи с

любовью, чем одному скрываться в пещерах с ненавистью» (ДІ, 609).

«Чада мои! Нет нечестия, которое было бы выше того нечестия, когда человек наносит скорбь ближнему и возносится над ближним» (преп. Антоний Великий, От, 16).

«Святая любовь, проникая всех от первых до последних, от головы до ног, всех с собою сочетавает, сцепляет, связывает и единит, и делает их крепкими и непоколебимыми. Будучи познаваема, она открывается каждому из них одною и тою же. Она есть Бог, с Коем и последние бывают первыми и первые, как последние» (преп. Симеон Новый Богослов Д V, 51).

«Нет ни одного вида добродетели, человека с Богом содворяющей и сочетавающей, которая не была бы связана с любовью и от нее не исходила, неизреченно как-то ею бывая объемлема и охраняема» (св. Феодор Эдесский, Д III, 339).

«Что пользы, если имеет кто все, но не имеет любви спасающей... Приобрел ли кто девство, постился ли, совершает ли бдения, молится ли, дает ли приют бедным..., строит ли церкви, другое ли что делает, – без любви все это ни во что не вменится у Бога» (преп. Ефрем Сирин, Д II, 463).

Даже сама любовь к Богу поверяется любовью к людям: *Не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит (1Ин. 4:20).*

Но и любовь к людям, в свою очередь, поверяется в христианстве любовью к Богу: *Что мы любим детей Божиих, узнаем из того, когда любим Бога и соблюдаем заповеди Его (1Ин. 5:2).*

Все духовные действия в христианстве поверяются безошибочным показателем любви. Тот, кто говорит, что любит Бога, но не любит людей, есть, по Апостолу, *лжец (1Ин. 2:4)*. Тот, кто не любит Бога и тем самым не исполняет Его заповеди, – не может иметь истинной любви к людям. Такова двуединая апостольская формула любви.

Ее, как известно, графически изобразил в VI веке св. авва Дорофей (Д II, 617). Если центр круга – Бог, а люди – радиусы, идущие к Нему от окружности, то их движение к Центру есть одновременно сближение друг с другом. Стремление к Центру есть неизбежность взаимного сближения. И наоборот: если нет движения к Центру, то радиусы не приближаются друг к другу. Сближение людей в любви обусловлено их приближением к Богу. Если представить себе обратное движение, то чем дальше будут уходить радиусы людей от Центра, тем все шире будут расходиться их пути, теряясь в пустынях одиночества.

О том же писал преп. Ефрем Сирин: «Каждый прежде всего всеми мерами да старается иметь с сердцем своим священную любовь и страх Божий; непрестанно да просит их себе у Бога, и частым, лучше сказать, непрестанным памятованием о Господе и его небесной любви всячески да ревнует возвращать их в себе ежедневно, при помощи благодати. В любви же к ближнему (после сего) легко уже можем преуспеть. Поставь первое (любовь к Богу) на первом месте, тогда второе, следуя за первым, совершится по порядку. А если кто вознерадит о первой великой заповеди о любви к Богу... вознамерится же иметь попечение о второй, подобной ей, то отсюда проистечет одно только внешнее служение братиям и никогда не будет он в состоянии исполнить сие служение чисто и здраво... Когда человек далек от памятования о Боге и от страха Божия, тогда необходимо ищет он славы и домогается похвалы... А когда ум и душевное расположение всегда заняты помышлением о Боге и стремлением к Нему, тогда, в сообразность любви Божией, человек, все делая во славу Божию..., получает совершенный успех в своем труде» (Д II, 363–364).

«Мы должны любить ближнего не менее, как самих себя... Но не так, чтобы любовь к ближним... отвлекала нас от исполнения первой и главной заповеди, т.е. любви Божией, как о сем поучает Господь наш Иисус Христос: *иже любит отца и мать паче Мене, несть мене достоин и иже любит сына или дочь паче Мене, несть мене достоин* (Мф. 10:37) (преп. Серафим Саровский, ДС, 294).

«Когда кто начнет богато ощущать любовь к Богу, тогда в чувстве духовном начинает он и ближнего любить, и начавши, не престаёт. Любовь плотская, не будучи связана духовным чувством, как только представится какой-нибудь даже незначительный повод, очень легко испаряется. Любовь же духовная не такова: но хотя случится потерпеть какое огорчение, в душе боголюбивой, состоящей под воздействием Божиим, союз любви не пресекается: ибо возгревши себя теплотою любви к Богу, она тотчас возвращается к благому настроению и с великою радостью восприимлет любовь к ближнему, хотя бы и немалое от него было получено оскорбление или понесен большой вред; потому что тогда сладостью Божиею совершенно поглощается горечь разлада» (блаж. Диадокх ДIII, 14–15).

Любящий Меня, – говорит Господь, – заповеди Мои соблюдает (Ин. 14:15). *Заповедь же Моя сия есть, да любите друг друга* (Ин. 15:12). Итак, не любящий ближнего не соблюдает заповеди, а не соблюдающий заповеди не может любить и Господа» (св. Максим Исповедник, Д III, 165–166). Закон двуединства любви пронизывает все учение Отцов.

Авва Иоанн-пророк свои беседы с учениками часто начинал все одними и теми же словами: «Бог да сохранит любовь». Мы наверное никогда не додумались бы свои встречи и разговоры начать мысленно таким воздыханием о любви. Наши радиусы не стремятся к Центру, и мы слишком торопимся, чтобы еще задерживать себя на любви. Мы или больны, или заняты. В одном письме о. Амвросий Оптинский говорит: «никто не должен оправдывать свою раздражительность какою-нибудь болезнью, это происходит от гордости. Чтобы не предаваться раздражительности и гневу, не должно торопиться» (От. 100).

Заповедь о любви к человеку принимается святыми как величайшая и безусловная, не допускающая никаких кривотолков. «Авва Иоанн Колов сказал: невозможно выстроить здание, начиная строить с крыши; но должно строить, начиная с основания и поднимаясь кверху. Его спросили: что должно разуметь под основанием? Он отвечал: основание – ближний, когда пользуем и приобретаем его, потому что на нем основаны все заповеди Христовы» (От. 352). «Хотящемся спастись должно помнить и не забывать апостольскую заповедь: *друг друга тяготы носите и тако исполните Закон Христов (Гал. 6:2)*. Много других заповедей, но не при одной такого добавления нет, то есть: *так исполните закон Христов*. Великое значение имеет заповедь эта, и прежде других должно заботиться об исполнении оной» (преп. Амвросий Оптинский АМ-50).

«Брат! Заповедаю тебе: на весах твоего рассуждения да препобеждает постоянно милостыня все прочие виды добра, доколе ты не ощутишь в себе той милостыни, которую имеет Бог к миру. Милосердие да будет для нас зеркалом и да возможем мы увидеть в себе (при посредстве милосердия) подобие и истинный образ совершенства, находящегося в естестве и существе Божиим... Жестокое и немилостивое сердце никогда не возможет очиститься. Милосердный человек есть врач души своей: он как бы сильным движением ветра изгоняет омрачение страстей из внутренности своей» (св. Исаак Сирин От.–343).

«Последуй милостыне. Когда она вселится в тебя, тогда образуется в теле святая красота, которую человек уподобляется Богу» (он же. От. 341). Это то, о чем поется в стихирах (на Господи воззвах) Вторника Страстной недели: «раздавай нищим и стяжи друга Господа».

В Патерике рассказывается: «Старцы рассуждали между собою, что каждый из нас должен соединиться духом воедино с ближним своим, с его плотью, со всем человеком, во всем сострадать ему, во всем сорадоваться, все скорбное для ближнего оплакивать, быть в отношении к нему как была бы у него с ближним одна общая плоть, одна общая душа. И Писание

свидетельствует, что мы едино тело о Христе; также оно говорит, что у множества веровавших в Господа было одно сердце и одна душа (Деян. 4:32).

«Если кто и одного (нищего) презрит – повинным делается огню вечному» (преп. Симеон Нов. Бог.). «Так как имеющий ближнего своего как самого себя не может позволить себе иметь что-нибудь больше ближнего, то если кто, имея, не раздает независтно, пока и сам не сделается бедным и не уподобится ближним своим, тот не оказывается точным исполнителем заповеди Владычней» (ДV – 45, 46, 47). (он же).

Самое ценное для характеристики древних подвижников – это то, что предвидя возмущенное возражение на такой явно утопический для возражателей совет, великий авва тут же отвечает на него так, как могут отвечать одни святые: приводит только шесть слов Апостола Павла – *любовь Христова объемлет нас, рассуждающих так* (2Кор. 5:14).

«Исполнение заповедей, – пишет св. Максим Исповедник, – есть подражание Господу шаг за шагом» (ДIII – 150).

Когда читаешь Отцов, живших где-то в этой темной дали средневековья, то иногда делается страшно слышать, как они действительно «шаг за шагом» идут по Галилее за Христом. Если подвиг воздержания совершался ими не из расчета получения каких-то духовных наград, а потому что его неизбежно рождала их «твердая память о желчи, смешанной с уксусом, которой вкусил Господь наш, Владыка и Бог» – (Лествичник ДII – 514), если в молитву они устремлялись для того, чтобы слиться с дыханием Божиим, то и здесь, в любви к людям, они находили ее в себе именно потому, что их любовь к своему Богу открыла для них в человеке его древнее богоподобие. Как на иконе иногда обнажаются первоначальные краски, так и Христос открыл им в человеке его божественную красоту.

«(Надо) видеть в брате своем – Бога своего» (преп. Симеон Нов. Бог. ДV – 45).

«Блажен инок, который всякого человека почитает как бы богом, после Бога» (преп. Нил Синайский ДII – 222).

«Авва Аполлос говорил своей братии, что должно кланяться в ноги и странным инокам, приходящим в монастырь их. Поклоняясь братьям, мы поклоняемся не человекам, но Богу. Видел ли ты брата твоего? – ты видел Господа Бога твоего» (От. 78–79).

Но если любовь к Богу доказывается и осуществляется в мироотреченности, то без этой мироотреченности невозможна и истинная любовь к человеку: и для этой любви надо сначала забыть о себе и

отречься от мира греха в самоочищении. «Не могут приобрести любви к человекам те, которые любят мир сей» (Исаак Сирий ДІІ – 679).

«Надлежит всему видимому, пишет св. Максим Исповедник, – и даже самому телу (своему) предпочитать любовь ко всякому человеку, которая служит и признаком любви к Богу». «Но кто не отрешится от всякого пристрастия к вещественному, тот не может настоящим образом любить ни Бога, ни ближнего». «Совершенный в любви, – пишет он же, – выше тиранства страстей, и, взирая на одно естество человеческое, на всех равно смотрит и ко всем расположен бывает... не знает разности между своим и чужим, между верным и неверным, между рабом и свободным, даже между мужским полом и женским» (ДІІІ – 152, 199, 198).

В том и есть весь смысл отречения от мира, чтобы, сбросив с себя «тиранство страстей», устремиться любовью не только к Богу, но и к человеку, или тем самым к человеку.

«Всех заповедей объемнейшая есть любовь к Богу и ближнему, которая рождается по отрешении от всего вещественного и безмолвии помыслов» (св. Марк-подвижник ДІ – 561).

«Отрешение от вещественного совершается в борьбе с грехом. А это значит, что истинная любовь к людям, по общему закону христианства, тогда только *силою берется* и только *употребляющие усилие достигают* ее (Мф. 11:12). Любовь есть Царство Божие, путь к которому проложен через самопринуждение. «Дух Святый в самом начале преуспевания, – говорит блаж. Диадокх, – если (человек) горячо возлюбит добродетель Божию, даст душе полным чувством и удостоверительно вкусит сладости Божией, чтобы ум точно и определительно познал, сколь велик плод боголюбивых трудов; но потом надолго скрывает богатство сего животворного дара, чтобы мы, хотя во всех преуспеваем добродетелях, думали о себе, что мы ничто, – потому что не видим в себе, чтоб святая любовь обратилась у нас в постоянный нрав. Ибо в ту пору бывает, что беснелюбия иногда с такой силой налегает на души подвижающихся, что они неприязненно относятся даже к тем, кои любя их, и даже во время приветствия и целования держат это тлетворное действие неприязни. От сего душа сильно скорбит и болезнует, что, тогда как в памяти носит любовь духовную (сознает обязательство любви), не может возыметь ее в чувстве, по причине, как ей кажется, недостаточности совершеннейших трудов. Почему необходимо нам пока нуждением насильственным заставлять себя совершать дела любви, чтобы таким образом достигнуть ее полным чувством» (блаж. Диадокх ДІІІ – 66, 67).

Достигайте любви (1Кор. 14:1).

Говоря о делах любви к людям, Отцы указывают и на особые трудности ее в области духовной. Заповедь Апостола: *будьте мертвы для греха, живые же для Бога (Рим. 6:11)*, – Отцы переносят и на отношения человека к людям.

«Брат! Пока есть у нас время, будем внимать себе и обучаться молчанию, так как все пришло в смятение. И если хочешь быть спокойным по всему, будь мертв в отношении ко всякому человеку, и успокоишься. Разумей, что я говорю это касательно помыслов, касательно всяких дел обращения с людьми и забот; безмолвствуй с миром» (преп. Варсонофий Великий В-42).

Любовь к человеку спасает и спасаемого и спасающего. Но для того, чтобы духовно спасать других, надо сначала спасти себя. Если человек сам утопает, он не может спасать духовно утопающих. Ему самому сначала надо быть на твердом берегу любящей веры. Отсюда это постоянное слово – точно дыхание – святых: «внимай себе!» – «Спасайся!» «Безмолвствуй с миром!»

«Себя спасай», пишет еп. Игнатий Брянчанинов, – Блажен, если найдешь одного верного сотрудника в деле спасения: это великий и редкий в наше время дар Божий. Остерегись, желая спасти ближнего, чтоб он не увлек тебя в погибельную пропасть. Отступление попущено Богом: не покусись остановить его неможною рукою своею... Охранись от него сам: и этого с тебя достаточно... «Ныне почти нет истинного благочестия, – говорит уже святитель Тихон, – за сто лет перед сим, – ныне одно лицемерство»...

Преследуй лицемерство в себе, уклонись от зараженных им масс, прикрывающих служение миру служением Богу, личиною святости порочную жизнь и душу, всецело преданную страстям... Необходимо жительство, растворенное смирением, необходимо точнейшее жительство по Евангельским заповедям, необходимо соединение молитвы с плачем о себе и всем человечестве... Спасая, да спасет свою душу, сказано остатку христиан, сказано Духом Божиим» (От. 532).

«Смотри, не разори своего дома, желая построить дом ближнего. Трудное это дело и неудобь исполнимое» (преп. Симеон Нов. Бог. ДV – 22).

Но не только в духовном учительстве Отцы советуют соблюдать осторожность: они требуют внимания и ко всем тем душевно-телесным явлениям, которые воспринимаются нами как любовь к людям. Поскольку вне «отрешения от вещественного», т.е. от греха, не может быть истинной любви к человеку, Отцы проявляют сдержанность в преподании этого

учения любви новоначальным и юным ученикам, чтобы на них не исполнилось Апостольское слово, – *начавши духом, – плотию оканчиваете* (Гал. 3:3). Грань между истинной любовью и волей греховной плоти иногда трудно уловима и слишком велико приобретаемое во Христе сокровище, чтобы не быть осторожным. Но в то же время – «широка заповедь Твоя зело», а поэтому, давая часто советы о том, что первейшее наше дело – это личное спасение – раскрытие в себе самом любви Божией – Отцы одновременно никогда об этой «широте» не забывали.

«Особенной любви ни с каким лицом не заводи, особенно из новоначальных, потому что из духовной такая любовь очень часто предлагается в страстную и бывает причиной многих бесполезных скорбей. Впрочем, смирение и частая молитва научает, как тут поступать; подробно же говорить о сем здесь не нахожу уместным; разумей, да разумеет» (преп. Симеон Благоговейный ДV – 67). Для Отцов характерно это «впрочем».

«Слова Отцов, – говорит авва Иоанн-пророк, – «никто не должен, оставя своего мертвеца (дело своего подвига), идти оплакивать другого», относятся к юным; ибо совершенным свойственно сострадать ближнему». (В-254).

Совершенная любовь все может, потому что через человека видит Бога.

«Пока мы состоим под стихиями телесного обучения, дотоле бываем как младенцы, стрегомы, чтобы не касались брашен не должных, не давали воли осязанию, не засматривались на красоту, не смущали песней сладких, не услаждали обоняния ароматами, хотя мы наследники и господя всего отцовского достояния. Когда же кончится это время обучения и завершится бесстрастием, тогда, освободясь от закона мудрования плотского, пребываем мы под законом Духом и всыновление приемлем» (преп. Никита Стифат ДV – 164).

«Некто, – пишет св. Иоанн Лествичник, – увидев необыкновенно красивую женщину, прославил о ней Творца. От воззрения на нее возгорелась в нем любовь к Богу и из очей исторгся источник слез. И дивно было видеть, как то, что для другого послужило бы в погибель, для него паче естества стало венцом победы».

«Таким же правилом, – добавляет великий начертатель аскетической Лествицы, – должно нам руководствоваться и в отношении к сладкопению и песням. Боголюбивые и мирскими и духовными песнями возбуждаются обыкновенно к святому радованию, Божией любви и слезам, а

сластолюбцы к противному» (ДП – 524).

Для чистых – все чисто, – сказал Апостол (Тит. 1:15).

«Как солнце светозарными лучами улыбается всей земле, так любовь светозарными деяниями приветствует всякую душу. Если приобретем ее, то угасим страсти и просияем до небес. А когда нет ее, ни в чем нет успеха» (преп. Нил Синайский ДП – 293).

«Отчего мы осуждаем? – спрашивает св. авва Дорофей, – оттого, что нет в нас любви, ибо *любовь покрывает множество грехов* (1Пет. 4:8) (ДП – 616).

Но о том, как страшен грех осуждения, поскольку он есть нарушение закона любви открывается в одном рассказе Патерика: «В некотором общежитии были два брата высокой жизни, удостоившиеся видеть каждый друг над другом благодать Божию. Случилось, что один из них вышел однажды в субботу из монастыря и увидел человека, которые ел рано. Он сказала ему: в этот час ты уже ешь! В следующий день отправлялась по обычаю Божественная Литургия. Другой брат взглянул на этого брата, и увидел, что данная ему благодать отступила от него, и опечалился. Когда они пришли в келию, первый брат сказал второму: отчего я не видел над тобой благодати, как прежде? Что сделал ты? – второй отвечал: не знаю за собой никакого греха, ни в деле, ни в помышлении. На это первый: не произнес ли ты какого небогоугодного слова? Второй, припомнив случившееся в субботу, сказала: да! Вчера я увидел кого-то, употреблявшего пищу рано, и сказала: с этого часу ты уже ешь в субботу. В этом грех мой. Но потрудись со мной две недели, и будем просить Бога, чтобы Он простил меня. Они сделали так. И по прошествии двух недель увидел первый брат благодать Божию, возвратившуюся на брата своего. Они были утешены Богом, единым благим, и вознесли Ему благодарение» (От. 621).

«Всякое доброе слово о ближнем и радость о нем суть в тебе плод и действие Святого Духа, как напротив всякое о нем худое слово и презрительное его осуждение происходят от твоего злонравия и диавольского тебе внушения» (преп. Никодим Святогорец Н-186). «Приучи мало-помалу сердце твое говорить о каждом брате: поистине он лучше меня. Таким образом мало-помалу приучишься себя считать грешнейшим всех человеков. Тогда Святой Дух, вселившись в тебя, начнет жить с тобою. Если же укоришь человека, то отойдет от тебя благодать Божия и дастся тебе дух в осквернение плоти, ожесточится сердце твое, удалится умиление, и ни одному из духовных благ не будет места в тебе» (От. 346).

«Пришли некоторые старцы к авве Пимену (Великому) и сказали ему: «если мы увидим брата, дремлющим в церкви, то велишь ли возбудить его, чтобы он не дремал? Он сказал им: что касается до меня, то я, – если увижу брата моего дремлющим, – положу голову его на колени мои и успокою его» (От. 306).

Неосуждение ближнего, основанное на любви и смирении, есть путь к непрестанной молитве.

«Очень верное средство, – говорит еп. Игнатий Брянчанинов, – к сохранению сердечного мира и безмолвия и неразлучной с ними умной молитвы преподает святой Апостол: *Друг друга тяготы носите и тако исполните закон Христов (Гал. 6:2)*. Люди наиболее устремляются в противное этому состояние: они ищут от ближних неупустительства и совершенств в добродетели, несвойственных и невозможных человеку, притом, имея о добродетели самое недостаточное, даже превратное понятие. Такое безрассудное стремление не допускает сердцу погрузиться в самовоззрение и истинное смирение, из которых истекают умная молитва и сердечное безмолвие; такое безрассудное стремление содержит сердце в непрестанном возмущении и приносит уму множество чуждых смысла помыслов и мечтаний» (От. 296).

«Ум, движимый любовью к ближнему, – говорит авва Фалласий, – непрестанно доброе о нем помышляет» (1Кор. 13:5) (ДІІІ – 331).

«Святому Петру Апостолу показал Бог, что не должно ни одного человека почитать скверным, или нечистым. поелику освятилось сердце его, что свят стал перед ним всякий человек. А у кого сердце в страстях, пред тем никто не свят, но по страстям, кои в сердце его, думает он, что и всякий человек таков же» (преп. авва Исаия ДІ – 332).

«Отнюдь никого и ни в чем не обвиняй, но во всем старайся угодить ближнему. И ни о ком не помышляй зла; ибо чрез это сам делаешься злым, так как всякое злое помышляет злой, а доброе добрый. Когда приходит к тебе мысль: «они про меня говорят», – знай, что это враг нашептывает тебе. Не имей никогда таких подозрений. Терпи же все, радуясь и веселясь, ибо велика награда за терпение» (преп. Варсонофий Великий ДІІ – 571).

Но «помышлять доброе» о человеке, конечно, не означало для Отцов не видеть в нем уродства греха. Это означало только, чтобы, видя это уродство, прозревать за ним божественную первооснову человека. Это не наивность, а дерзновение.

«Тот любит всех людей, кто не любит ничего человеческого» (св. Максим Исповедник), т.е. ту маску греховности, которая закрыла образ

Божий. «Любящий Бога, – говорит он же, – не может не любить и всякого человека, хотя не благоволит к страстям тех, кои еще не очистились. Почему, когда видит их обращение, исправление, радуется радостью безмерною и неизреченною» (ДІІІ – 180, 219).

На просьбу своих учеников молиться о них, Варсонофий Великий так ответил: «Я и прежде прошения вашего, ради горящей во мне, подобно сильнейшему огненному пламени, любви Христа, не перестаю в горении и теплоте Духа, день и ночь молиться Богу, чтобы Он соделал вас Богоносными, чтобы вселился в вас и походил (2Кор. 6:16) и ниспослал вам Духа Святого, Духа Истины, Который егда приидет, научит вас всему и наставит вас на истину (Ин. 14:26, 16:13), дабы удостоиться вам наследия вечных благ, ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша (1Кор. 2:9). Я был для вас как отец, который старается включить детей своих в светлые воинства царские, тогда как они сами не заботятся о сем. Да даст же Бог и вам пламень любви сей». «Поверь мне, брат, – говорил он же, – что дух мой усердствует сказать моему Владыке, Который радуется о прощении рабов Своих: Владыка! Или вместе со мною ведаю и чаю моих в царство Свое, или изгладь и меня из книги Твоей. Но немощь моя и нерадение препятствуют мне иметь такое дерзновение; впрочем милосердие Его велико» (В-83, 84, 85).

В свете этой совершенно непостижимой для нас любви, осуществляющей себя в молитве, тем более удивительно, что у Отцов есть указания о том, что даже молитву надо оставлять, если требуется совершить какое-то дело благодетельства, какое-то простейшее, но неотложное движение любви.

«Бывает, что когда стоим на молитве, встречается дело благодетельства, не допускающее промедления. В таком случае надо предпочесть дело любви. Ибо любовь больше молитвы, так как молитва есть добродетель честная, а любовь объемлет все добродетели» (св. Иоанна Лествичник ДІІ – 506).

Возможно, что это указание относится к обычной молитве, а не к такой, о которой говорит преп. Варсонофий Великий и которая тоже, конечно, «объемлет все добродетели», но независимо от этого слова Лествичника характерны для истинного монашества.

«От ближнего жизнь и смерть. Ибо если мы приобретаем брата, то приобретаем Бога» (преп. Антоний Великий ДІ – 137).

«Дела любви должно предпочитать посту, – говорит св. Иоанн Кассиан. – Этому научились мы у Египетских Отцов. Ибо когда мы пришли из Сирии в Египет, то нас принимали там с изумительно живым

радушным сердечным, и куда бы мы ни приходили, нигде для успокоения нас не стеснялись соблюдением определенного устава часа для принятия пищи, как мы обвыкли видеть в монастырях Палестинских, – но везде разрешали на пищу прежде того, кроме только среды и пятницы. Один из старцев, когда мы спросили его, почему у них так свободно мимоходится правило каждодневного поста, ответил нам: «пост всегда со мною, вас же я не могу удержать с собою навсегда». Притом, хотя пост многополезен и всегда нужен, но он составляет жертву произвольную; исполнение же дела любви есть неотложимое требование заповеди... Принимая в вас Христа, я должен напитать Его. Когда же провожу вас, тогда сделанное ради Его снисхождение могу вознаградить строжайшим постом. Ибо не могут сыны брачнии поститься, дóндеже жених с ними есть. Приидут же дни, егда отыметс^я от них Жених, и тогда постятся (Лк. 5:34–35) (ДП – 30).

У святых их любовь ширилась за пределы человеческие, чтобы обнять всю тварь.

«Что есть чистота? – сердце милосердующее о всяком созданном естестве... Сердце милосердующее есть горение сердца о всякой твари, – и о людях, и о птицах, и о животных» (св. Исаак Сирий ДV – 395).

То, чему в VI веке дал словесное выражение этот епископ и подвижник, было и до него и после него в практике жизни святых. Патерики и жития имеют много примеров «горения сердца о всякой твари».

Про авву Феона есть такой рассказ: «Выходя по ночам в пустыню, он был окружаем толпами зверей. Черпая воду из своего колодца, он поил их. Очевидным свидетельством тому было то, что вокруг его келии виднелось много следов буйволов, антилоп и диких ослов» (Р-36). Это была, конечно, «вечеря любви» для зверей, когда «ночь тиха и пустыня внемлет Богу».

Сила любви обнаруживается не только в делах и словах, но и в самом внешнем облике любящего. Заповедь Апостола: *всегда радуйтесь* (1Фес. 5:16), – только потому и стала возможна, что человеку стало наконец возможно всегда любить. Радость любви не могла не озарять и лица святых».

«Возд^{ель}ватель благих и бессмертных произрастаний в сердце радующеся и улыбающеся имеет лицо» (преп. Никит Стифан ДV – 99).

Под руководством аввы Аполлоса, – читаем мы в Патерике, – находилось иноческое общежитие в верхнем Египте, состоящее из пяти тысяч братий. Из них пятьсот мужей достигли христианского совершенства и могли совершать знамения. Чудное представлялось зрелище в этом братстве. Пребывая в дикой пустыни, они пребывали в

таком веселии, какого никогда не увидишь между прочими жителями земли. Этого веселия нельзя сравнить ни с каким земным веселением. Никто между ними не был печален. Авва Аполлос, когда примечал кого-либо смущенным, немедленно вопрошал его о причине смущения и каждому обличал его сердечные тайны. Он говорил: не должно быть печальным тому, кто предназначен к получению Небесного Царства... Апостол повелевает нам: *всегда радуйтесь* (1Фес. 5:16) (От. 77).

«На стяжавших это царство (Божие внутри себя) низошел Святый Божий Дух; исполнилось над ним сказанное Евангелистом Иоанном: *даде им область чадом Божиим быти, верующим во имя Его, не от крове, ни от похоти плотские, ни от похоти мужеские, но от Бога родишася* (Ин. 1:12–13). Они освободились от горестей, постигших Еву, вследствие поразившего ее определения: *в болезнях родиши чада* (Быт. 3:16). Они освободились от тяжких последствий приговора, произнесенного над Адамом: *проклята земля в делах твоих* (Быт. 3:17). В них вселилась та радость, которая вселилась в благодатную Марию, когда дух Святый низошел на нее и сила Вышнего осенила ее. Состояние скорбное соделалось жребием Евы и потомства ее. Состояние радостное соделалось достоянием Марии и ее потомства-христиан» (преп. авва Исаия. От. 291, 292).

«Будем лицом светлы, радуясь о дарах Господних, о Духе Святом. Плакать же и сетовать станем мысленно, умоляя Бога, чтоб простил нам все грехи наши» (преп. Ефрем Сирин. ДП – 449).

«Кто победил страсти, тот победил и печаль... Кто любит мир, тому невозможно не печалиться. А презревший мир всегда весел» (преп. Серафим ДС-327).

Конечно, монашеское средневековье имело по временам и много темного лика, но я не историю монашества пишу, а только слежу с удивлением за тем ослепительным и единым потоком света, который идет от Апостолов до преп. Серафима или Оптиных старцев и пребудет до конца веков. Это и есть Церковь Невидимого Града – сокровенная в Боге христианская жизнь.

У нас может возникнуть один вопрос: почему же при такой любви святые шли в пустыни и в монастыри, а не в больницы и приюты для бедных, для служения людям? Св. Исаак Сирин так отвечает на этот вопрос: «Господь наш, для нашего уподобления величию Отца назначил милосердие, потому что оно милосердых приближает к Богу. И мы, иноки, чтим безмолвие, не исключая милосердия, а стараясь сколько возможно удалиться от суетного попечения и мятежа; – мы не имеем в намерении

противостоять долгу (относительно ближних), но заботимся о безмолвии, чтоб (вернее исполнить другой высший долг) пребывать в Богомыслии, которым всего более можем возратить себе чистоту и приблизиться к Богу. Если же когда на известное время будет необходимая какая потребность в нас братьям, не должно нерадеть об оной.

Посему будем непрестанно понуждать себя на время внутренне быть милосердными... И надобно не только это внутренне наше милосердие хранить, но, когда призывают настоятельства, не вознерадеть и о том, чтобы доказать свою ... А где нет возможности – любовь к ближнему совершать в делах видимых телесно, там достаточно перед Богом любви нашей к ближним, совершаемой только душою» (ДП – 691, 692).

Что это за любовь? – спросим мы еще – «совершаемая только душою?» Один рассказ из жизни Арсения Великого приоткрывает нам тайну это любви святых.

«Однажды некоторые Отцы пришли из Александрии к авве Арсению для свидания с ним. Авва Арсений отказался от свидания, опасаясь, чтоб и другие не начали приходить и беспокоить его; в то время он находился на горе Тройской. Отцы возвратились, огорченные. За этим последовал набег варваров; старец оставил горы и перешел для жительства в Нижний Египет. Услышав это, отцы опять пришли для свидания с ним. Старец принял их радушно. Известно ли тебе, сказали они, авва, что мы приходили к тебе в Тройскую гору? Старец отвечал: вы, после того как я не принял вас, ели хлеб и пили воду, а я – поверь мне, сын мой, не вкусил ни хлеба, ни воды, даже не присел, но пребыл в молитвенном подвиге о вас, доколе мне не было открыто, что вы возвратились к себе благополучно. Посетители пошли от него, утешенные» (От. 52).

Об этом святом еп. Игнатий Брянчанинов пишет так: «Он совместил в любви к Богу любовь ближнему и возвел вторую на высоту таинственного подвига, превысшего дел, совершаемых при посредстве тела» (От. 52).

В этих словах точная характеристика «любви, совершаемой только душою», в которой жили Отцы.

А вот рассказ Патерика о любви, в которой участвовало и тело.

«Авва Агафон шел в город для продажи рукоделия и на дороге увидел лежащего прокаженного: Прокаженный спросил его: «Куда идешь?» – «Иду в город», – отвечал авва Агафон. Прокаженный сказала: «Окажи любовь, снеси и меня туда». Старец поднял его, на плечах своих отнес в город. Прокаженный сказал ему: «Положи меня там, где будешь продавать рукоделие твое». Старец сделал так. Когда он продал одну вещь из рукоделия, прокаженный спросил его: «За сколько продал ты это?» – «За

столько-то», – отвечал старец. Прокаженный сказал: «Купи мне хлеб». Когда старец продал другую вещь, прокаженный спросил его: «Это за сколько продал?» – «За столько-то», – отвечал старец. «Купи мне еще хлеб», – сказал прокаженный. Старец купил. Когда авва распродал все рукоделие и хотел уйти, прокаженный сказал: «Окажи любовь, отнеси меня туда, где взял». Старец исполнил это. Тогда прокаженный сказала: «Благословен ты, Агафон, от Господа на небеси и на земли». Авва оглянулся на прокаженного и не увидел никого: это был Ангел Господень, пришедший испытать старца» (От.–60).

В другом своем Слове св. Исаак Сирин еще раз возвращается к этому вопросу: «Исполнение долга любви телесными услугами принадлежит к деятельности мирян или иноков, но недостаточных, не пребывающих в безмолвии (т.е. в полном затворе) или и безмолвствующих, но коих безмолвие соединено с сожительством с единомысленными братьями, а потому и с постоянными выходами из келии и принятием братий в келию. Для таких хорошо и достохвально (являть любовь к братии телесными делами)»... «Ясно, в чем должна заключаться помощь, пребывающих в безмолвии (в полном затворе): в вспоможении словом и принесении за нас молитвы» (он же). «Немоществующих и опечаленных сердцем утверди словом и всеми средствами, находящимися в твоей власти, и та десница, которая носит все, будет поддерживать тебя. Прими участие трудом молитвы и скорбью твоего сердца в огорченных сердцем, и отверзется источник милости пред прошениями твоими» (он же – От. 310, 313, 342).

Таким образом, по учению одного из величайших Отцов-аскетов, только те, кто находятся в полном монашеском затворе, освобождаются от обязанности исполнения долга любви телесными или материальными услугами. Это те, которых, например, в прежних русских монастырях было, может быть, всего несколько человек. Таким оставлялось величайшее и нужнейшее для всех дело: служение любви «трудом молитвы и скорбью сердца».

«Служение безмолвника – плач пред Богом и ходатайство о своих грехах и немощах, о грехах и немощах всего человечества» (еп. Игнатий Брянчанинов От. 423).

Святые удалялись от страстей не только своих, но и всего мира, чтобы взойти за этот мир на крест молитвы. Бегаая заразы общечеловеческого тления, они имели власть и право уходить в свое безмолвие, чтобы в нем отстаивать действительность и непрекращаемость совершенной любви.

«Мы бегаем не людей, которые с нами одного естества, а пороков, ими творимых» (преп. Серафим Д.). «Никого не обличай, не поноси даже

и крайне худых, по жизни своей. Распрости одежду свою над падающим и покрой его. Знай, что для этого нам и надобно не выходить из келии, чтобы не знать худых дел человеческих, и тогда, в неведении ума своего, во всех видеть людей святых и добрых» (св. Исаак Сирин ДІІ – 755).

«Совершенная любовь не разделяет единого естества человеков по различным их нравам, но всегда смотря на оное всех человеков равно любит: добрых любит, как друзей, а недобрых, как врагов, благодетельствуя им, долготерпя, перенося ими применяемое, отнюдь не отплачивая им зла, но даже страдая за них, когда случай востребует, дабы, если возможно, соделать и их себе друзьями; но если и невозможно, она все же отступает от своего расположения к ним, всегда равно являя плоды любви всем человекам. Так и Господь наш и Бог Иисус Христос, являя Свою к нам любовь, пострадал за все человечество» (св. Максим Исповедник ДІІІ – 187).

«Состояние и закон душ совершенных – непменяемое сердце, совершенная любовь, источник смиренномудрия... Христово волнение... молитвенник о мире как бы насильно преклоняющий Бога на милость... спасатель человеков... подражатель Владыки» (св. Иоанн Лествичник ДІІ – 501).

«Монах тот, кто от всех отделясь, со всеми состоит в единении»... «Монах тот, кто почитает себя сущим со всеми, и в каждом видит себя самого»... «Блажен инок, который на содевание спасения и преспеяние всех взирает как на свое собственное» (преп. Нил Синайский ДІІ – 222).

«Святые понуждают себя приносить (покаяние) и о ближних, не могли быть совершенными без действенной любви... Весь мир держится покаянием, когда один от другого промыслительно бывает вспомоществуем (св. Марк-подвижник ДІ – 500).

«Возсылаем молитвы за других о тех, кого любим, или о мире всего мира» (св. Иоанн-Кассиан ДІІ – 134).

«Содержи всегда в уме тягчайшие скорби скорбящих и озлобленных... Признак достигших совершенства таков: если десятикратно в день проданы они будут на сожжение за любовь к ближним, то не удовлетворятся сим» (св. Исаак Сирин ДІІ – 648, 679).

«Великий Моисей вопиял к Богу: *и ныне, аще убо оставиши им грех, остави; аще же ни, изгладь мя из книги твоя (Исх. 32:32)*. И каждый из святых, таким же объят будучи состраданием, на забывал молиться о людях. Так и мы, если хотим вслед им шествовать, *не о себе каждый заботься, но каждый и о других (Флп. 2:4)*; но и о мире молиться, жалея и сердцем болея о живущих развратной жизнью, об одержимых ересью, об

омраченных язычеством, и кратко: *творити молитвы и моления за вся человеки* (1Тим. 2:1), как повелено нам от Апостола» (св. Федор Студит Д4–528).

Монах, по завету «отца русского монашества» преп. Феодосия Печерского, это «труждающиеся в бдении и молитвах, молящиеся за весь мир без престоани» (ЖМП. 1957, № 2).

«Мир бедствует, и мы все умоляем тебя, – сказали ученики Варсонофию Великому, – помолись благодати Божией. Усильно молимся и просим тебя: помилуй мир погибающий; покажи и в настоящем (времени) милосердие твое и чудеса от Бога, ибо Ему слава во веки, аминь». Великий старец отвечал: «Я нахожусь в плаче и рыдании, видя грядущий на нас гнев, потому что мы делаем все противное Богу... Многие молят человеколюбца Бога о том, чтобы прекратился сей гнев Его на мир, и нет никого человеколюбивее Бога, но (при всем том) Он не хочет помиловать нас, ибо сопротивляется сему множество грехов, совершающихся в мире. Есть же три мужа, совершенных пред Богом, которые превзошли меру человечества и получили власть решить и вязать, отпускать грехи и удерживать их. Они-то стоят между губительством и миром, чтобы Господь не вдруг истребил весь мир и, по молитвам их, Он растворяет наказание милостью; им сказано, что гнев сей пребудет на мало время. Итак, молитесь с ними. Молитвы сих трех мужей сливаются во входе горнего жертвенника Отца светов и они сорадуются и свеселятся друг другу на небесах. Когда же взирают на землю, то вместе плачут и проливают слезы и рыдают (ради) (из-за) совершающихся на ней зол, которые воздвигают гнев Божий. Мужи эти суть: Иоанн в Риме, Илия в Коринфе и еще некто в епархии Иерусалимской, и я верую, что они оказывают (миру) великую милость, – по истине оказывают. Аминь. Бог мой да укрепит вас услышать и вместить сие, что для неразумевających непостижимо» (В ответ 566).

«Сподобившиеся стать чадами Божиими и родиться свыше от Духа Святого... плачут и сетуют о роде человеческом, и молясь за целого Адама, проливают слезы и плачут, воспаменяемые духовной любовью к человечеству» (преп. Макарий Великий ДІ – 255, 256).

Вот что делали святые в своем безмолвии. В «Христовом волнении» они над падающим миром «простирали одежду свою и покрывали его», «как бы насильно преклоняя Бога на милость». Мир ограждался любовью святых.

Но не только древние Отцы жили, каждый в своей мере, в этой молитве за мир, которая, как сказал Варсонофий Великий, «восходит к

Богу как блистающая молния и как солнечные лучи» (В-86). И в последующих веках, в частности в 18 и 19 веке, еще были их ученики, имена которых иногда совершенно неизвестны. Вот случайный рассказ о русском архимандрите Агапите Нило-Столбенском: «Встревоженные сильной скорбью его при молитве, некоторые с участием просили его открыть им причину таких слез. «Отец ваш, – отвечал он, – или всегда так плачет, или ему еще тяжелее бывает». – О чем же, батюшка? – «О грехах ваших и моих, и всего вверенного мне братства и всего человечества»... «Распалаясь любовью Божией, я желал бы слить весь род человеческий в одно целое, дабы прижать это целое к груди моей и умереть за спасение его» (ПБ 355–356, 352).

«Схимничество – есть посвятить себя на молитву за весь мир» (св. Парфений Киево-Печерский ПБ). «Когда старцу Силуану говорили, что молиться за людей трудно, старец отвечал: «Конечно, трудно... молиться за людей – это кровь проливать. Но надо молиться... Блаженна душа, любящая брата: в ней ощутимо живет Дух Господень и дает ей мир и радость, и она плачет за весь мир. Вспомнила душа моя любовь Господню, и согрелось сердце и предалась душа моя глубокому плачу, что я столь много оскорбил Господа, любимого Творца моего; но Он грехов моих не помянул; и тогда предалась душа моя глубочайшему и печальному плачу, чтобы помиловал Господь всякую душу и взял в Свое Небесное Царство. И плачет душа моя за весь мир» (ЖМП. 1956, № 1, 2, 3). Мы должны знать, что этот авва – русский монах на Афоне, – умер в 1938 году. В службе утрени Великой субботы есть такая молитва: «О, Троице Боже мой! Отче, Сыне и Душе! – помилуй мир!»

Глава VI. О МОЛИТВЕ

«Видел я пред собою Господа всегда, ибо Он одесную меня, дабы я не поколебался».

(Деян. 2:25).

«Восподражаем отцам нашим, – пишет преп. Никифор, – и подобно им взыщем сущее внутри сердец наших сокровище и, обретши, крепко держать будем, делая и храня» (Д V, 240).

Храни сокровище – страх потерять его, ищет же его прежде всего молитва.

«Всякая добродетель, – говорит преп. Серафим, – Христа ради делаемая, дает блага Духа Святого, но более всего их дает молитва» (С. 45).

«Хотя на себя ненадеяние, упование на Бога и пребывание в подвигах крайне необходимы в духовной нашей брани, но необходимее всех их молитва, потому что ею стяжеваются и полную силу восприимлют и те первые три орудия (на себя ненадеяние, упование на Бога и пребывание в подвигах), как и всякое другое благо. Молитва есть средство для привлечения и длань для приятия всех благодатей, столь обильно изливаемых на нас из неистощимого источника беспредельной к нам любви и благости Божией. В брани духовной ею ты влагаешь бранный меч свой в десницу Божию, да поборают Он за тебя врагов твоих и побеждает их» (преп. Никодим Святгорец Н, 187).

Так относятся к молитве все святые; поэтому когда они говорят о ней не как о частной добродетели, наряду с другими, а именно как о «преемнице благодати», они находят для нее свои величайшие слова.

«Когда душа, упразднившись от всего внешнего, соединится с молитвою, тогда молитва, как пламя некое, окружив ее, как огонь железо, делает ее всю огненною... Блажен, кто еще в жизни сей таким видетися сподобился, и сам свой бранный по естеству образ видит огненным по благодати» (преп. Илия пресвитер, Д V, 378).

«Молитва, по качеству своему, есть общение (событие) и единение человека и Бога. По действию же она есть стояние мира... мост чрез искушения... пресечение браней, дело Ангелов, пища бесплотных, будущее радование, конца и предела не имеющее делание, источник добродетелей... проявление мер... Для истинно молящегося молитва есть истязалище, судилище и престол Господень, прежде престола будущего» (преп. Иоанн Лествичник, Д V, 346).

У молитвы есть своя «лестница» восхождений, начиная от первого искреннего лепета Богу до высших ее степеней и озарений, доступных только святым, а у нас, современников, есть одна особая причина, по которой мы иногда стремимся к ней больше всего.

«Если ты не получил дара воздержания (пощения), – пишет преп. Иоанн Карпафийский, – то ведай, что Господь ради молитвы твоей и упования хочет услышать тебя, когда воззовешь к Нему. Узнав такое Господнее о тебе присуждение, не тужи о своем бессилии к подъятию подвига пощения, но паче постарайся избавиться от врага молитвою и благодушным терпением» (Д II, 95).

Это как бы предвидение нашего духовно-нищего состояния имеется и у других Отцов.

«Хочешь ли, я покажу тебе и другой путь ко спасению? Докучай Создателю своему, сколько сил есть, молитвами, чтоб не уклониться от подлежащей цели твоей... И бесстрастия не ищи, как недостойный такого дара, но проси притрудно спасения, и с ним получишь и бесстрастие» (преп. Феогност, Д II, 385–386).

Евангельская заповедь о «докучливой молитве» есть радостный исход.

«Неотступно молись, подражая бесстыдию вдовицы, склонившей на милость неумолимого судию» (митр. Феопит, Д V, 172).

Молитва есть первейшее наше оружие, так как мы совершенно безоружны. «Молитву Отцы называют оплотом духовным, – пишет св. Федор Эдесский, – без которого нельзя выходить нам на брань, чтоб не быть уязвленными копьями вражескими» (Д III-349).

«Нищим свойственно просить, а обнищавшим грехопадением свойственно молиться» (еп. Игнатий Брянчанинов Б1 140).

Конечно, это есть общий закон молитвы, ее основание, одинаковое для всех эпох истории и для всех степеней молитвы, но это не уменьшает, а увеличивает ее значение для нас.

«Основание молитвы, – говорит еп. Игнатий Брянчанинов, – заключается в том, что человек есть существо падшее. Он стремится к получению того блаженства, которое имел, но потерял, – и потому молится» (Б1 160).

Первая заповедь Нового Завета есть основание молитвы и восхождение по заповедям нужно начинать с нее, особенно если мы не имеем и того благодушного терпения скорбей, о которой говорил преп. Иоанн Карп.

«Если не переносим скорбей (надо) плакать о недостатке терпения... Бог, увидев нас плачущих и смирившихся, как Сам Он ведает, всесильною

Своею благодатию изгладит грехи наши» св. Марк-подвижник (Д1 507).

Путь смиренного взывания к Богу о помощи есть по преимуществу наш путь.

«Кто слаб телом и наделал много тяжких беззаконий, тот да шествует путем смирения... ибо иного пути не найти ему» (св. Иоанн Лествичник Д II, 515).

«Видел я немощных душою и телом, которые за множество согрешений своих покусились на подвиг выше их меры, но не могли понести его. Я сказал им, что Бог судит о покаянии не по мере трудов, а по мере смирения» (он же Д II, 511).

«Молитва и молчание суть из числа добродетелей в нашей власти состоящих; а пост и бдение суть из числа не вполне в нашей власти состоявших добродетелей, так как они зависят и от сложения тела» (св. Илия-пресвитер Д III, 473).

«Смирение и без подвигов многие прегрешения делает простительными, без смирения же и подвиги бесполезны» (св. Исаак Сирий). «Сердце, исполненное печали о немощи и бессилия в делах (подвига) телесных, явных, заменяет собою все сии телесные дела» (он же). «Кто познал, что имеет нужду в помощи Божией, тот совершает множество молитв. И в какой мере умножает их, в такой смиряется сердце его... Как же скоро смирится человек, немедленно окружает его милость... Из сего уразумевает он, что молитва есть прибежище имущих помощи... и что все множество духовных благ делается для него доступным молитвою... По великому желанию помощи Божией приближается человек к Богу намерением своим, в такой и Бог приближается к нему дарованиями Своими, и не отъемлет у него благодати за великое его смирение (он же. Д II-677, 753 и 724).

Вот непреложное основание молитвы, ее «Камень веры», одинаковое и для общего ее стяжания, и для каждого отдельного ее практического шага.

«Или совершая службы свои (молитвенные последования), совершаешь их в смиренномудрии, как недостойный, то они приятны Богу; если же при сем взойдет на сердце твое и помянешь, как другой (в эту пору) спит или нерадит, то труд твой бесплоден» (преп. авва Исаия Д1 323).

«Есть опасность и в том, что, приняв лукаво слова Отцов о «неполучивших дара поста», мы умудримся сделать из молитвы какую-то свою «немощную специальность». Закон триединства совершенствования человека – в молитве, воздержании и любви – всегда в действии, несмотря

на разность духовных характеров. Только чистые сердцем узрят Бога. «Молитва бессильна, если не основана на посте», – говорит еп. Игнатий Брянчанинов (Б1 135), хотя бы в малую и смиренную меру нашей немощи. Но телесное воздержание касается, как известно, не только пищи.

«Лобызай чистоту, как зеницу ока своего, да будешь храм Божий и дом Ему желанный, ибо без целомудрия невозможно соделаться своим Богу» (преп. Феогност Д III-424).

Не всякий, говорящий Мне: Господи, Господи, войдет в царство небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного (Мф. 7:21).

«Сила и состоятельность молитвы зависят от исполнения заповедей; вследствие чего праведный имеет сильную и многомощную молитву» (св. Максим Исповедник Д III-299). «Познается христианин не от глаголения «Господи, Господи», но от подвига против всякого греха» (св. Тихон Задонский Т-82).

Искоренение душевных страстей не связано с физическими силами человека, а потому остается всегда в силе, например, и для больного. А ведь при молитвенном искании Бога именно эти страсти приобретают особо вредоносную силу, так как ни гордость или тщеславие, ни ненависть или раздражение, ни осуждение или зависть, – совершенно не совместимы с молитвой.

«Если кто, не имея молитвы, – пишет преп. Макарий Великий, – принуждает себя к одной только молитве, чтобы иметь ему молитвенную благодать, но не принуждает себя к кротости, смирennemудрию, к любви, к исполнению прочих заповедей Господних... – тот если и приемлет благодать молитвенную, то утрачивает оную по приятии и падает от высокоумия, потому что не предает себя от всего произволения исполнению заповедей Господних» (Д I 204, 205).

На первое место из всех душевных страстей преп. Ефрем Сирин (и другие Отцы) ставит три: забвение, леность и неведение: «Сими тремя страстями, – говорит он, – омрачаемое око душевное, т.е. ум, подпадает господству прочих страстей» (Д II-370).

Наша рассеянность ума и есть забвение, питаемое леностью.

«Три силы сатаны предшествуют всем грехам, – говорили еще Отцы, – первая забвение, вторая – нерадение, третья – греховное вожделение. От забвения рождается нерадение, от нерадения преступное вожделение. Если ум столько будет трезвен, что воспротивится забвению, то он не впадет в нерадение; если не вознерадит, то и не подчиниться вожделению; если не подчинится вожделению, то никогда не падет, вспомоществуемый благодатью Христовой» (От.–490).

«Памятью о Христе Иисусе собирай расточенный ум свой» (преп. Филофей Син. Д III-457).

Ум, через молитву, с самой первой ее ступени, должен начинать собирать свои расточенные силы, чтобы войти в новую жизнь.

«Тому, кто погружает мысль свою в здешние заботы, невозможно вдыхать в себя ощущение одного нового мира» (св. Исаак Сирий Д II-687).

Молитва, даже еще в несовершенной или неумелой своей форме, т.е. в начале молитвенного труда, есть уже выход человека из пяти измерений мира человеческих представлений, дел и забот, из мира тленной телесности, в мир измерений иного века. Человеку и страшно от непривычки, и в то же время он знает, что вступил на верный корабль, уносящий его среди ночи на родину.

«Молитва есть приемница наития Духа Святого» (еп. Феофан Д1 214). Вот почему нам и сказано: *непрестанно молитесь* (1Фес. 5:17), – это все равно, что сказать: непрестанно стремитесь к Богу. Это для нас труднее всего, так как это существо религии, а не ее периферия, и погрузить всего себя в воды любви Божией, как в неизвестную стихию неумеющим плавать, нам слишком страшно.

«Кто ежедневно принуждает себя пребывать в молитве, тот духовною любовью к Богу воспаляется к божественной приверженности и пламенному желанию и приемлет благодать духовного осеяющего совершенства» (Макарий Великий Д1 215).

«Когда кто пребудет в собранности ума и в таком его простертии к Богу, тогда, сильным самопринуждением утесняя быстротечность своих мыслей, мысленно приближается он к Богу, встречает неизреченное, вкушает будущего века» (св. Григорий Палама Д5 35).

Собранность ума, по учению Отцов, требует большого принуждения и терпеливой настойчивости, а поэтому молитва есть прежде всего труд. Только личный труд, искание сердцем Бога, особенно под руководством истинно духовного отца, а не книги, может надежно и вполне научить молиться.

«Молитва, – пишет св. Исаак Сирий, – требует обучения, чтобы долговременным пребыванием в ней ум упрямудрился (молиться как должно). По нестяжании, избавляющем наши помышления от уз, молитва нуждается в долговременном пребывании в ней, ибо от продолжительного пребывания в ней ум приемлет обучение, познает способы отгонять от себя помыслы, научается многим опытом своим тому, чего не может принять от иного» (От. 334).

Конечно, и тут прежде всего необходим научающий страх Божий.

«Сказал авва Серпион: как телохранители царя, предстоя ему, не могут оглядываться ни направо, ни налево, так и человек, предстоя Богу и ощущая страх Его, не может ни на что иное обращать внимание» (От. 438).

Страх Божий есть страшное ощущение реальности Божественного мира. Вот почему именно он прежде всего другого практически учит вниманию и трезвению – этим составным элементам молитвы.

На почве непонимания того, что *царство небесное нудится* (Мф. 11:12) возникает теория «настроений», которых надо якобы ждать для молитвы. В христианстве настроение одно – труд, и вся духовная жизнь основана на духовном труде, более реальном, чем физический. В молитве не «настроение» предшествует, а благодать Божия может, по своему произволению, или предшествовать молитве, или последовать за ней или совсем не обнаружить себя, в зависимости от состояния молящегося или для испытания чистоты и смирения его молитвенного подвига.

«Молитва с самопринуждением и терпением рождает молитву легкую, чистую и сладостную» (бл. Зосима Д III-128).

«Приступающему ко Господу надлежит принуждать себя ко всякому добру: принуждать себя к любви, если кто не имеет любви; принуждать себя к кротости, если не имеет кротости..., принуждать себя к молитве, если не имеет духовной молитвы. В таком случае Бог, видя, что человек столько подвизается и против воли сердца с усилием обуздывает себя, даст ему истинную духовную молитву, даст истинную любовь, истинную кротость» (преп. Макарий Великий Д 1 204).

«Всякая молитва, при которой не утрудится тело, а сердце не придет в сокрушение, признается недозревшим плодом» (св. Исаак Сирин. От.–309).

«Многие, отказываясь от тесноты молитвенной добродетели, не улучают просторности дарований» (св. Григорий Палама Д5 325).

О том, как молились святые, дает понятие такое место Патерика: «Авва Аммон сказал: я препроводил четырнадцать лет в скиту, моля Бога денно-нощно, чтоб Он даровал мне победить гнев» (От. 68).

«Когда молишься, – говорит преп. Нил Синайский, – всеми силами храни память свою, чтобы она не предлагала тебе своего... Память приводит тебе на ум во время молитвы или воображения давних дел, или новые заботы, или лицо оскорбившего тебя». «Очень завидует демон человеку молящемуся, – говорит тот же Отец, – всякие употребляет хитрости, чтобы расстраивать такое намерение его; поэтому не перестает возбуждать посредством памяти помыслы о разных вещах, и посредством плоти приводит в движение все страсти» (Д II-212).

«Врачуется же память постоянною памятью Божией, действием молитвы утвердившеюся» (св. Григорий Синаит Д5 208).

«Искренно любящий Бога молится без всякого развлечения, равно и молящийся без всякого развлечения любит Бога искренно. Не может молиться без развлечения тот, чей ум пригвожден к чему-либо земному» (св. Максим Исповедник Д III-193).

По учению Отцов, внимание ума при молитве надо направлять не на то, чтобы каким-то своим усилием представлять себе божественный мир. Это будет потуга воображения, противоположного вниманию, и дерзость, недопустимая в молитве.

«Стой вниманием внутри себя самого» – учат Отцы, имея в виду внимание ума в сердце. Внимание должно быть направлено на смысл читаемых или произносимых слов. Молитвы, составленные святыми, как окна в вечные просторы, дают для молитвы тот выход, которой ей нужен.

«Доброту же ее (молитвы) составляют – держание внимания ума в том, что произносится языком и помышляется при сем умом, и ненасытное всегдашнее вожделение собеседования с Богом» (преп. Феогност Д III-416).

«Лукавый, зная наверное, что непарительно молящийся Богу очень многое может сделать, спешит всякими способами, и благословными и неблагословными, развлечь его ум. Но мы, зная это, вооружимся всячески против врага нашего и, когда стоим на молитве, и колена преклоняем, никакому отнюдь помыслу не дадим войти в сердце наше, ни белому, ни черному, ни десному, ни шуюму, ни писанному, ни неписанному, кроме умаливания Бога и с неба сходящего в ум просвещения» (Д5 473).

«Не словом только надо молиться, но и умом, и не умом только, но и сердцем, да ясно видит и понимает ум, что произносится словом, и сердце да чувствует, что помышляет при сем ум. Все же сие в совокупности и есть настоящая молитва, и если нет в молитве твоей чего-либо из сего, то она есть или несовершенная молитва или совсем не молитва» (преп. Никодим Святогорец Н-194). «Молитва только словесная совсем не есть молитва» (он же – Н-195).

«Настоящая молитва есть молитва внутренняя, не словом только, но и умом и сердцем совершаемая. Такая молитва овладевает всем вниманием и держит его внутри у сердца; почему внутри пребывание есть неотъемлемая черта настоящей молитвы и главное ее условие. С внутри пребыванием в деле молитвы неотлучна мысль о Боге присутщем, видящем и внемлющем молитве, с отражением всякого другого помышления, что именуется трезвением или хранением сердца. Вся потому забота трудящегося над

преуспеванием в молитве сюда должна быть преимущественно обращена, т.е. чтобы всегда неотходно быть у сердца, трезвенно охраняя его от всякого помышления, кроме единого Бога» (он же – Н-204).

«Произноси стих псалмопения твоего не как бы заимствуя слова из иного... но говори эти слова в молении твоём как бы сам из себя, с умилением, с уразумеванием разума их» (св. Исаак Сирин т-328).

Всякая искренняя молитва, даже несовершенная, есть уже стремление к памяти Божией. Так как преодолеть состояние противоположное памяти Божией – забвение, леность и неведение, – эти три великие болезни души – труднее всего, то понятно, почему Отцы молитвенный подвиг считают наиболее трудным. «Во всяком другом подвиге, – говорили они, – человек стяжевает некоторое упокоение, но молитва до последнего издыхания сопряжена с трудом тяжкой борьбы».

«Помолившись как должно, – пишет преп. Нил Синайский, – ожидай (того), что не должно»... «Когда вселукавый демон, многие употребив хитрости, не успеет воспрепятствовать молитве, тогда потом, когда кончит (человек) молитву, отмщает ему» (он же. ДЛ-212).

«Великий подвиг, – говорили еще Отцы, – и много времени требуется пребыть в молитвах, чтобы обрести невозмутимое устроение ума, – сие второе некое внутри сердечное небо, где обитает Христос» (Д5 473).

«Если желаем воистину угодить Богу и блаженнейшею возлюблены быть от Него любовью, представим Богу ум наш нагим, ничего от века сего не влекущим с собою и в себе – ни искусства, ни знания, но софистического мудрования» (преп. Иоанн Карпаф. Д III-96).

Если не обратитесь и не будете как дети, то не войдете в Царство Небесное (Мф. 18:3).

Труд молитвы кончается и начинается ее покой, когда благодать Божия начинает приоткрывать себя в молитвенном умилении. Умиление, по учению Отцов, есть конец напряженного внимания молитвы, или точнее переход внимания в то состояние, которое уже легко и радостно.

«Если хочешь, – говорит бл. Каллист патриарх, – научиться как должно молиться, – зри на конец внимания или молитвы. Конец же сей есть умиление, сокрушение сердца, любовь к ближнему» (Д V 459).

«Благодатное молитвенное настроение характеризуется умилением, посещением которого объятый ум возбуждается к чистой и пламенной молитве (т.е. к переходу на высшие ступени молитвы). Умиление сие находит при разных случаях, как показал опыт... Так (же) разное и выражается оно: иногда обнаруживается оно неизреченною некою радостью духовною; иногда погружает в глубокое молчание все силы и

движения души; иногда изводит более или менее обильные слезы» (св. Иоанн Кассиан Д II-137).

«Не вкусившие сладости слез умиления и не ведающие, какова благодать их и каково действо, – говорит преп. Никита Стифат, – думают, что они ничем не разнятся от тех, кои проливаются по умершим, придумывая при сем многие виды предположений пустых и недоуменных умозаключений. Но они естественно нам прирождены и когда гордость ума склонится к смирению, а душа смежит очи свои от прелести видимых благ и устремит их к одному видению первого неведущего света, потрясет всякое к миру чувство и свыше утешения Духа сподобится, – тогда слезы, как воды источника, исторгаются из нее, услаждая чувства ее, и исполняют мысли ее всякого радования и света божественного; и не это только, но и сокрушает сердце, и ум в видении лучшего соделывает смиренномудрым. Умиление от смиренномудрия, и смиренномудрие от умиления Святым порождаются Духом» (преп. Никита Стифат Д5 133, 134).

Стяжание умиления есть стяжание благодати, и для святых понятие молитвы сливается с понятием благодати.

«Благодать не вера только есть, но и действенная молитва. Ибо в явности показывает истинную веру, имеющую жизнь Иисусову, производима будучи посредством любви» (св. Григорий Синаит Д5 226).

О стяжании умиления в молитве Варсонофий Великий учит так: «Умиление в молитве приходит от воспоминания о грехах своих. Молящийся должен привести на память дела свои, и то, как бывают судимы делающие подобное. При чтении же и псалмопении умиление приходит, когда кто возбуждает ум свой ко вниманию произносимых им слов и восприимлет в свою душу силу, заключающуюся в них». «Если несмотря на то, – говорит он же, – нечувствие все еще будет оставаться в тебе, не ослабевай, а все труди себя терпеливо, ибо милостив и щедр и долготерпелив Бог, принимающий наше тщание» (Д II-583, 58;).

Чтение Священного Писания Отцы сливали с молитвенным деланием, входя в него через молитву и, в то же время, в нем почерпая и силу для молитвы, и благодать умиления.

«Непрестанно бодрствуй, поучаясь в законе Божиим, ибо чрез сие согревается сердце небесным огнем» (преп. Варсонофий Великий Д II-588).

«Читай Евангелие, завещанное Богом к познанию целой вселенной, чтобы ум твой погрузился в чудеса Божии. Чтение твое да будет в невозмущаемой ничем тишине, и будь свободен от многопопечительности

о теле и от житейского мятежа, чтобы ощутить в душе своей, при сладостном уразумении, самый сладостный вкус, превосходящий всякое ощущение» (св. Исаак Сирий Д II-703).

«К словам таинств, заключенных в Божественном Писании, не приступай без молитвы и испрошения помощи у Бога, но говори: «Дай мне Господи приять ощущение заключающейся в них силы». Молитву почитай ключом к истинному смыслу сказанного в Божественных Писаниях». (он же Д II-749).

Ученик спросил авву Филимона: «Чего ради, отче, паче всякого Писания Божественного, услаждаешься ты Псалтирью, и чего ради, поя тихо, ты представляешься будто разговариваешь с кем-то? На это он сказал ему: Бог так напечатлел в душе моей силу псалмов, как в самом пророке Давиде, и я не могу оторваться от услаждения сокрытыми в них всяческими созерцаниями» (Д III-398, 399).

«Чтение Писаний инаково бывает для тех, кои только вводятся в жизнь благочестия, – пишет преп. Никита Стифат, – инаково для тех, кои прошли до середины преуспевания; инаково для тех, кои востекают к совершенству. Для одних оно бывает хлебом трапезы Божией, укрепляющим сердца их на священные подвиги добродетели... так что они говорят: *«Уготовь еси предо мною трапезу против стужающих ми»* (Пс. 22:5). Для других оно – вино чаши Божественной, веселящее сердца их, в исступление их приводящее... так что им свойственно говорить: *«чаша Твоя упоявающая мя, яко державна»* (Пс. 22:5). А для третьих (оно) – елей Божественного Духа, умащающий их душу, укрощающий и смиряющий ее преизбытком божественных озарений... так что и она хвалясь вопиет: *«умастил еси елеем главу мою, и милость Твоя пожнет мя вся дни живота моего»* (Пс. 22:5–6) (Д V 139–140). «Блажен, кто ненасытно яст и пьет молитвы и псалмы здесь день и ночь и укрепляет себя славным чтением Писания, ибо такое причащение доставит душе в будущей жизни неистощимое радование» (преп. Иоанн Карпаф. Д III-105).

Умиление молитвы не домогается, не ищется как нечто такое, что Господь будто бы обязан нам дать. Но в то же самое время утопающий в холоде и одиночестве сухого молитвенного труда, ищет хоть соломинку благодати Божией, хоть единую каплю небесной росы в душевной пустыне. Тут как бы противоречие, разрешаемое только в смирении сердца. Ищется не должное, и не награда, и не высота духовного состояния, а только помощь Божия в Его благодати. Вот почему такой строгий учитель, как еп. Феофан Затворник, пишет в одном письме к мирскому другу: «Добивайтесь ощутить сладость истинной молитвы.

Когда ощутите, тогда это будет манить вас на молитву и воодушевлять к притрудной и внимательной молитве» (Ф II, 178).

Но отцы всегда предупреждают: «Внимай, как бы не пострадать из-за обильной радости духовной и умиления; а постраждешь, если подумаешь, что они суть плод собственного твоего труда, а не благодати Божией, потому что за это они взяты будут от тебя, и ты много поищешь их в молитве» (преп. Симеон Благоговейный Д V, 67). «Кто слезами своими внутренне гордится и осуждает в уме своем не плачущих, тот подобен испросившему у царя оружие на врага своего и убивающему им самого себя» (св. Иоанн Лествичник Д II-550). «Бывает плач без духовного смирения и те, которые плачут таким образом, думают, что такой плач очищает грехи. Но они тщетно обманывают себя, потому что лишены бывают сладости Духа, таинственно порождающейся в мысленном сокровище – хранилище души, и не вкушают благодати Божией. Почему таковые скоро воспаляются гневом и не могут совершенно презреть мира» (преп. Симеон Нов. Бог. Д V 29).

Ложное умиление разоблачает себя гневом – вот показатель! Только смирение-любовь может дать чистую воду слез. Корень слова «смирение» – мир. Смирненное сердце – это мирное сердце, и «Царство Божие есть правда, радость и мир». В сердце богоугодно молящихся «мир Божий, который превыше всякого ума», и который несовместим со смятением гнева.

«Если Дух Святой есть мир души, а гнев есть смятение сердца, то ничто не полагает такой преграды пребыванию Его в нас, как раздражительный гнев» (св. Иоанн Лествичник Д II-532).

«Умиление, – говорит еп. Игнатий Брянчанинов, – есть ощущение обильной милости (Божией) к себе и ко всему человечеству» (От. 67). В истинном умилении человек обретает ощущение Божественного мира и любви.

«Мир Божий есть и начало, и непосредственное следствие смирения; он – действие смирения и причина этого действия. Он действует на ум и сердце всемогущею Божественною силою. И сила, и действие ее непостижимы» (свят. Игнатий Брянчанинов).

«Стяжи мир души, и тысячи вокруг тебя спасутся», – как-то сказал преп. Серафим. «Начало безгневия – молчание уст, при возмущении сердца. Срединка – молчание помыслов при тонком смущении души. Конец – непоколебимая тишина, при дыхании нечистых ветров» (преп. Иоанн Лествичник Д II-532). Но, конечно, не только страсть гнева есть «смятение сердца». В учении Отцов все страсти, в том числе и самые скрытые,

душевные, как нечистая буря, противоплагаются миру Божию и Его божественной тишине. Об этом так хорошо говорится в службе Иоанну Предтече, который всегда почитался как особый наставник покаяния и монашества: «Крестителю и Предтече Христов, погружаемый всегда сладкими телесными ум мой управи и волны страстей укроти, яко, да в тишине божественной быв, песнословлю тя... Потоцы страстей и воды злобы до души моя внидоша. Блаженне Предтече, потщися скоро изъяти мя, иже речными струями измыл еси бесстрастия тишайшую пучину».

Постепенно привыкая к молитвенному труду, у человека невольно возникают желания: во-первых, уменьшать многосложность своих просьб, и, во-вторых, уменьшать многословность самих молитвенных обращений. Оба эти желания, – учат Отцы, – есть признак, что молитва, как жизненная сила, начала входить глубоко в душу, точно воды моря и прорытый канал. В том и цель начального молитвенного обучения, чтобы многовидность просьб и количество слов, при одновременном сохранении или даже увеличении времени молитвенного стояния, постепенно рассеивались, как туман при восходе солнца.

Очень ценные указания о видах молитвенных просьб (или о содержании молитвы) дает преп. Нил Синайский. Ищи в молитве своей только правды и Царствия, т.е. добродетели и ведения, – и прочее все приложится тебе (Мф. 6:33). «Молись, во-первых, о том, чтобы очиститься от страстей, во-вторых, о том, чтобы избавлену быть от всякого искушения и оставления» (он же). «Праведно молиться (надлежит молиться) не о своем только очищении, но и об очищении всякого человека, в подражание Ангельскому чину» (он же). «Прежде всего молись о получении слез, чтобы плачем умягчить сущую в душе жесткость» (он же. Д II-211, 208).

Молитву о церкви, о властях и других людях святые вводят в число необходимых устремлений молитвы.

«Поминать в молитве о мире Святых церквей и прочее, за сим последующее, – хорошо, ибо о сем Апостольское есть завещание: но исполняя сие (надобно сознать себя) недостойным и не имеющим на то силы; и о просящем (молитвы) хорошо помолиться. И об Апостолах молились некоторые» (преп. Варсонофий Великий В-98).

Авва Зенон говорил: кто хочет, чтобы Бог скоро услышал молитву его, тот когда станет для совершения ее и прострет руки горе, прежде всякой другой молитвы, даже прежде молитвы о душе своей, да принесет молитву о врагах своих, и ради этого Бог услышит всякую молитву его» (От. 148).

За сокращенным видом молитвенных прошений следует искание краткой молитвы. Душа должна искать краткую молитву, – учат Отцы.

«Тому, кто много говорит о молитве своей, неудобно (трудно) сознавать все, что говорит. Но кто молится немногословно, тот может сознавать, что говорится в молитве» (преп. Симеон Нов. Бог. Д5 62).

«Узда неудержимому помыслу – однословная молитва» (св. Илия-пресвитер Д III-148).

Кроме того при всей своей краткости молитва может быть сохраняема при общении с людьми и занятости делами, только при своей краткости она может стать непрестанной, т.е. сделаться прочным хранителем памяти Божией. Известно молитвенное правило преп. Серафима для людей, обремененных мирскими делами, а также для неграмотных: после краткого утреннего молитвословия (трижды «Отче наш» и «Богородице» и один раз «Верую») – всякий христианин, – учил преподобный, – пусть занимается своим делом, на которое поставлен или призван. Во время работы, дома или на пути куда-нибудь пусть читает тихо: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного»; а если окружают его другие, то, занимаясь делом, пусть говорит только: «Господи, помилуй» (ДС-296).

Но непрестанной может быть только такая краткая молитва, которая воспринимается как совсем своя, из своего сердца исходящая, как самая теплая и родная. Потому еще до перехода к непрестанной молитве, человек начинает невольно искать свои слова для молитвы, начинает молиться своими словами. «Навыкайте, – пишет еп. Феофан, – молиться своей молитвой... И поутру и вечером изъясняйте Господу свои кровные нужды, паче душевные, а то и внешние, говоря Ему детски: видишь, Господи, болезнь и немощь! Помоги и уврачуй!» (Ф.П.–116, 117).

«Какими желаем быть во время молитвы, – говорит св. Иоанн Кассиан, – такими должны мы себя уготовить прежде молитвы, и чего не желали бы мы видеть теснящимся в нас, когда молимся, то поспешим прежде того изгнать из сокровенностей сердца нашего, да возможем исполнить Апостольскую заповедь: *непрестанно молитесь* (1Фес. 5:17)(Д II-131, 132).

Заповедь о непрестанной молитве есть такая же заповедь, как и другие, если не высшая, и она обращена ко всем христианам. Только исполнением ее можно сохранить, по учению Отцов, непрестанную память о Боге и, тем самым, очистить сердце. «Желающий очистить сердце свое, – пишет бл. Диадокх, – да разогревает его непрестанно памятью о Господе Иисусе, имея это одно предметом богомыслия и непрестанным духовным деланием. Ибо желающим сбросить с себя гнилость свою, не так следует вести себя, чтоб иногда молиться, а иногда

нет, но всегда должно упражняться в молитве с блюдением ума, хотя бы жил далеко от молитвенных домов... Тот, кто иногда помнит о Богу, а иногда нет, что кажется приобретает молитвою, то теряет пресечением ее... (необходимо) всегдашнюю памятью о Боге потреблять земляность сердца, чтобы жить таким образом, при постепенном испарении худа под действием огня благого памятования, душа с полной славой совершенно востекла к естественной своей светозарности» (Д III-74). «Без непрестанной молитвы невозможно приблизиться к Богу» (св. Исаак Сирин Д II-730).

Если, по определению св. Иоанна Лествичника, совершенная молитва есть событие человека с Богом, то по существу только непрестанным, как единство дыхания, это событие может быть. Непрестанность молитвы есть духовно-логический вывод из самого понятия ее. Вот почему учение Отцов о непрестанной Иисусовой молитве, особенно в ее высшей и сокровенной форме молитвы сердечной, есть и самое важное, и самое страшное из всего того, что они нам оставили. Приводимые ниже выписки имеют дать целью общий и внешний очерк учения Отцов о сокровенной молитве, никак, конечно, не претендуя на практическое руководство в ее обучении.

«Сия божественная молитва, – говорит бл. Симеон Арх. Солунский, – есть следующая: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя. Она есть и молитва, и обет, и исповедание веры... да имеют правилом всегда творить молитву сию все – и освященного чина лица, и монашествующие, и миряне» (Д V 481, 483).

Еп. Игнатий Брянчанинов, рассматривая вопрос о пользовании всеми этой молитвой, прежде всего уточняет ее различные виды и степени. Устное употребление ее, – говорит он, – преподано как общее правило для всех христиан. Вслед за устным употреблением этой молитвы идут, – говорит еп. Игнатий, – две высшие степени ее:

1) «Умная (молитва), когда произносится умом с глубоким вниманием, при сочувствии сердца».

2) «Сердечная, когда произносится соединенными умом и сердцем, причем ум как бы нисходит в сердце, и из глубины сердца воссылает молитву» (БП-218).

«Кто с постоянством и благоговением, – говорит свят. Игнатий, – занимается внимательно молитвою (устной), произнося слова ее громко или шепотом, смотря по надобности, и заключая ум в слова; кто при молитвенном подвиге постоянно отвергает все помыслы и мечтания, не только греховные и суетные, но по-видимому и благие; – тому

милосердый Господь дарует в свое время умную, сердечную и душевную молитву».

«Слова (молитвы), – говорит он же, – первоначально должно произносить языком... заключая, по совету св. Иоанна Лествичника, ум в слова. Мало-помалу молитва устная перейдет в умственную (умную), а потом в сердечную. Но на переход этот нужны многие годы. Не должно искать его преждевременно; пусть он совершится сам собою или, правильнее, да дарует его Бог в известное Ему время, смотря по духовному возрасту и обстоятельствам подвижника. Смиренный довольствуется тем, что сподобляется памятовать Бога» (БП-202, 200, 257).

Имея в виду опасность прельщения при пользовании сердечной молитвой мирянами, еп. Игнатий считает, что они могут совершать Иисусову молитву или как устную, или же в сочетании устной с «умною».

«Первым образом, – говорит он, – могут и должны заниматься Иисусовой молитвою не только монахи, живущие в монастырях и занятые послушаниями, но и миряне. Такая внимательная молитва может назваться и умною и сердечною, как совершаемая часто одним умом, и в тщательных делателях всегда при участии сердца, выражающимся чувством плача и слезами по причине умиления» (свят. Игнатий Брянчанинов, там же).

«Так страшна эта вещь, т.е. молитва не просто умная, но действующая умом в сердце (сердечная), – что и истинные послушники всегда находятся в страхе и трепете, боясь и трепеща, чтоб не пострадать в этой молитве (от) какой-нибудь прелести. Тем более мирским людям, жительствовавшим без послушания, если они от одного чтения книг понудятся (на эту) молитву, предстоит опасность впадения в прелесть» (преп. Паисий Величковский БП-260).

Как мы увидим далее, опасения этих двух близких нам по времени духовных руководителей идут от древних Отцов. Как говорили они, высшая степень этой молитвы есть «меч Божий», и именно поэтому они опасались, что, вместо поражения врагов, он будет употреблен на самозаклание... Но удивительно не это справедливое опасение, а то, что несмотря на него, все они – и древние, и новые Отцы – упорно и настойчиво все же учат этой молитве. Точно какая-то величайшая опасность для человека, провидимая ими, ощущаемая ими, понуждает их пренебречь опасностью меньшей. Это величайшая опасность в том, что в мире совершенно скудеет память Божия. В эпоху казалось бы полного внешнего благополучия православной Византии, в 14 веке, св. Григорий Синаит не нашел на Афоне почти ни одного монаха, который бы знал

сердечную молитву Иисусову и жил в ней. Все уже переходило на внешность и все больше забывалось то истинное, внутреннее, пламенное единение с Богом в благодатной молитве, о котором все учение древних Отцов.

Человек обретает в непрестанной молитве искомую им краткость, и, в то же время, ища своих собственных теплейших слов к Богу, он в этих, не им составленных словах, находит свое самое нужное и свое самое собственное: исповедание Христа – Богом, а себя – грешником, к Его любви взывающим. Основание молитвы – земля ее – полнейшее смирение, восхождение ее или небо – любовь Божия.

«Начало всякого боголюбезного действования есть с верою призывание спасительного имени Господа нашего Иисуса Христа... и с сим призыванием мир и любовь» (бл. Каллист и Игнатий Д5 337).

«Память о Тебе греет душу мою, и ни в чем не находит она покоя на земле, кроме Тебя, и потому ищу Тебя слезно и снова теряю, и снова желает ум мой насладиться Тобою» (авва Силуан. ЖМП, 1956, №1, 2, 3). «Кто любит Господа, тот всегда Его помнит, а память Божия рождает молитву. Если не будешь помнить Господа, то и молиться не будешь, а без молитвы душа не пребудет в любви Божией, ибо через молитву приходит благодать Святого Духа» (он же, там же).

«Таково свойство любви! – она непрестанно помнит о любимом, она непрестанно услаждается именем любимого. Имя Господа – паче всякого имени: оно источник услаждения, источник радости, источник жизни» (еп. Игнатий Брянчанинов БП-252).

Укореняя в себе, всей своей жизнью, исполнением всех Евангельских заповедей любовь – память Божию, человек тем самым неизбежно будет идти к тому, чтобы укоренять в себе непрестанную молитву-любовь. А когда любовь этой молитвы оскудевает и молитва становится суха, как сухие травы в пустыне, человек все продолжает в своем смирении идти по этой пустыне к любви Божией, к светлым водам благодати. Любовь-память рождает молитву, без труда молитвы душа не пребудет в памяти-любви. **Вот почему Отцы саму молитву называли «памятью Божией»: в их святом совершении она была уже вполне и памятью, и любовью к Богу. «Монах, – говорили они, – должен иметь память Божию, предваряющую дыхание».**

Память Божия, или умная молитва, – говорит св. Григорий Синаит, – выше всех деланий, она есть глава и добродетелей, как любовь Божия» (св. Григорий Синаит Д5 247, 241, 242).

В этой взаимозаменяемости терминов памяти и любви раскрытие

содержания истинной сокровенной молитвы.

При сухости молитвенного труда, тем более усиливается смиренное сознание своего ничтожества и искание помощи Божией в Его благодати. Поэтому и в этом сухом труде будет доказательство любви к Богу, столь страшной демонам.

Варсонофия Великого спросил ученик: «Когда молюсь и не ощущаю силы произносимых слов, по причине сердечного нечувствия, то какая мне польза от сего (моления)? Старец отвечал: «Хотя ты и не ощущаешь (силы того, что произносишь), но бесы ощущают ее, слышат и трепещут. Итак не переставай упражняться в молитве, и мало-помалу, с помощью Божией, нечувствие твоё преложится в мягкость» (В – 473).

«Непрестанно молиться, – говорит св. Максим Исповедник, – значит содержать ум прилепленным к Богу, с великим благоговением и теплым желанием» (Д III – 161).

Непрестанная молитва есть искание непрестанной любви, с одновременным непрестанным признанием себя грешником, т.е. ее недостойным, а поэтому посягательство на эту молитву вне этого смиренного устремления к любви есть не только безнадежное дело, но и великое безумие. Нестерпимей всего для молитвы – это подмена ее устремления – детской любви к Богу. Всякая фальшь в этом, всякое искание стать каким-то «доктором молитвенных наук», есть духовное уродство, губительное для человека.

«Бесстыдно и дерзностно желающий внити к Богу, – говорит св. Григорий Синаит о молитве, – удобно умерщвляем бывает от бесов, если попущено им будет сие» (Д V – 242).

«Когда предстаешь в молитве пред Богом, сделайся в помысле своем как бы немощствующим младенцем» (св. Исаак Сирий, Д II-682).

«С простотой и доверчивостью младенцев примем учение о молитве именем Иисуса; с простотой и доверчивостью младенцев приступим к упражнению этой молитвой: один Бог, ведающий вполне таинство ее, преподает нам его в доступной для нас степени» (еп. Игнатий Брянчанинов, БП-251).

«Брат сказал авве Сисою (Великому): усматриваю, что память Божия (умная молитва) постоянно пребывает во мне. Старец сказал: это невелико, что ум твой постоянно направлен к Богу; велико то, когда кто увидит себя худшим всякой твари» (От. 431). Еп. Игнатий делает к этому рассказу такое примечание: «Старец сказал так по той причине, что истинное действие умной молитвы всегда основано на глубочайшем смирении и проистекает из него. Всякое иное действие умной молитвы

неправильно ведет к самообольщению и гибели» (От. 432). Тут было очевидно «иное действие» – была потуга на молитву, была «умная молитва», но не было памяти-любви, которая есть ее живоносный источник, исходящий из земли смирения. По учению Отцов очевидно и то, что если такая потуга не приведет к душевной гибели, то сама собою прекратится.

«Когда душа возмущается гневом или отягчается многоядением, или сильной печалью омрачается, – говорит бл. Диадох, – тогда ум не может держать памятование о Боге, хотя бы и понуждаем был к тому как-нибудь... Когда же она бывает свободна от таких возмущений, тогда, если иногда и успеет забвение на мгновение украсть мысль о возлюбленном Господе, ум, восприяв свою энергию и живость, тотчас опять с жаром емлется за многовожденную оную и спасительную молитву; ибо тогда сама благодать с Богомысльствует душе и созывает: Господи Иисусе Христе! Подобно тому, как мать, уча дитя свое, многократно повторяет вместе с ним имя – «отец», пока не доведет его до навыка... Посему Апостол говорит, что Сам Дух способствует нам в немощах наших; *о чем бо помолимся, якоже подобает, не вемы, но Сам Дух ходатайствует о нас воздыхании неизглаголанными (Рим. 8:26)*. Ибо, так как мы младенчествуем пред совершенством сей молитвенной добродетели, то всеконечно имеем нужду в Его помощи; чтобы когда неизреченная Его сладость обьет и усладит все наши помыслы, мы всем расположением подвиглись памятовать о Боге и Отце нашем и любить Его» (Д III – 42).

«Молитва наша взойдет в свойственное ей совершенство, – говорит св. Иоанн Кассиан, – когда в нас совершится то, о чем молился Господь к Отцу Своему: *Да любы, еюже Мя возлюбил еси, в них будет (Ин. 17:26)*, и еще: *якоже ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в нас едино будут (Ин. 17:21)*. Это будет тогда, когда вся наша любовь, все желание, вся ревность, все стремление, вся мысль наша, все, что видим, о чем говорим, чего чаем, – будет Бог и когда то единение, которое есть у Отца с Сыном, у Сына с Отцом, излиется в наши сердца и умы, – чтобы как Он искреннею чистотою и неразрывною любит нас любовью так и мы соединены с Ним чистотою и неразделимою любовью. Достигший сего вступает в состояние, в коем не может не теплиться в сердце его непрестанная молитва. Тогда всякое движение жизни его и всякое устремление сердца его будет единая непрерывная молитва, предвкушение и залог вечно блаженной жизни» (Д II – 139).

Поэтому все учение Отцов приводит к тому, что к воспитанию в себе

тех нелицемернейших чувств смирения и любви к Богу и отречения для Него от всякого зла, которыми дышит Апостольское время, – этот золотой век любви, непрестанно молившейся, – и нужно прежде всего обращаться в рассуждении о непрестанной сокровенной молитве. Тогда все учение о ней делается простым и ясным. Надо, по слову Апостола, чтобы мы не уклонялись *от простоты во Христе* (2Кор. 11:3), а эта простота есть простая к Нему любовь, осуществляемая в жизни. «Святые соединены с Богом простотою своею. Простоту найдешь в человеке, исполненном страха Божия. Имеющий простоту совершен и подобен Богу; благоухает он благоуханием сладчайшим и благодатным; исполнен он радости и славы; покоится в нем Дух Святой» (преп. Антоний Великий. От. 7). Память Божия – любовь соединяет ученика с учителем, и тогда, по благодати Божией, начинается истинная молитва. «Бог есть давая молитву молящемуся».

Благодаря несовершенству человека, память-любовь не пребывает всегда. Больше того: она все время теряется. И вот труд непрестанного молитвенного стояния в сухости сердца, как бы оставленного благодатью, и нужен, чтобы роса божественного утешения опять спустилась в пустыню души. Двойное определение аввы Силуана совершенно точно, и хочется еще раз его повторить: любовь-память рождает молитву, без молитвы душа не пребудет в любви. Первая часть определения – дело благодати Божией, огненный след явления душе Христа, вторая часть – наш труд по взысканию Бога. Говоря о подвиге стяжания умной молитвы, св. Григорий Палама пишет: «Хотя терпение следует само собою за любовью, ибо *любовь все покрывает* (1Кор. 13:4, 7), но мы научаемся с самопринуждением добре совершать дело терпения, чтобы через него достигнуть любви» (Д V – 320).

«Любовь к Богу можно возжечь в душе только одной непрестанной молитвой» (Парфений Киево-Печерский, ПВ – 476). «Непрестанная молитва (память Иисусова) едино есть с любовью к Господу» (св. Каллист Тиликуда, Д V, 433).

О приучении себя к постоянной молитве сердца еп. Феофан пишет так: «Существо дела есть приобрести навык стоять умом в сердце. Надо ум из головы свести в сердце и там его усадить, или, как некто из старцев сказал: «сочетать ум с сердцем». Как этого достигнуть? Ищи и обрящешь. Удобнее всего достигнуть хождением перед Богом и молитвенным трудом, особенно хождением в церковь. Но помнить надо, что наш только труд, а само дело, т.е. сочетание ума с сердцем есть дар благодати, подаемый когда и как хочет Господь» (Д V – 507).

«Признак духовной жизни, – говорил преп. Серафим, – есть погружение человека внутрь себя и сокровенное делание в сердце своем... Предочистив душу покаянием и добрыми делами, при искренней вере в Распятого, закрыв телесные очи, должно погрузить ум внутрь сердца и вопиять непрестанно, призывая имя Господа нашего Иисуса Христа. Тогда, по мере усердия и горячности духа к Возлюбленному, человек в призываемом имени находит улажнение, которое возбуждает желание искать высшего просвещения» (ДС – 171, 174).

«Бога любящий вожделевает всегда с Ним пребывать и беседовать. Достигается же сие чистою молитвою. О ней и следует нам пещись, сколько сил есть. Она присвоает нас Владыке нашему... *Боже, Боже мой! К Тебе утреннюю, возжажда Тебе душа моя* (Пс. 62:1). Ибо утреннует к Богу тот, кто, удалив ум свой от всего худого, непрерывно уязвленным бывает Божественною любовью» (св. Федор Эдесский, Д III – 370).

«Любовь рождает знание», – божественное просвещение души, та любовь, которою, по слову св. Исаака Сирина, «упоевались некогда Апостолы и мученики». Все учение Отцов о непрестанной молитве не по форме, по содержанию есть не только возвращение к первохристианству и вместе с тем продолжение его. Так это ими и понималось. Говоря о пути сердечной молитвы и подводя итог всему многовековому учению о ней предыдущих Отцов, бл. Каллист и Игнатий пишут: «Сей путь, сие духовное по Богу жительство и священное делание истинных христиан есть истинная, во Христе сокровенная жизнь. Его продолжил и к нему тайноводствовал Сам Богочеловек, сладчайший Иисус; по нему прошли божественные Апостолы, по нему проследовали бывшие после них, и им, как и должно, последовавшие славные руководители наши» (Д V – 452, 453).

Говоря о непрестанной молитве, св. Максим Исповедник пишет: «Божественное Писание не повелевает ничего невозможного. Сам Апостол, чрез коего изречено сие, и пел, и читал, и исправлял дела служения своего – и однако же непрестанно молился. Непрестанно молиться значит – содержать ум прилепленным к Богу с великим благоговением и теплым желанием, висеть на уповании на Него и о Нем дерзать во всем, – в делах и приключениях. Так расположен будучи, Апостол говорит: *Кто отлучит нас от любви Божией?* (Рим. 8:35) Так расположен будучи, Апостол непрестанно молился, ибо во всех, как сказано, делах и приключениях своих висел на надежде Божией. Да и все святые всегда радовались скорбям, в чаянии чрез них придти в навыковение божественной любви» (Д III – 161).

«Молитва есть проповедь Апостолов... оживление любви... Евангелие Божие» (св. Григорий Синаит, Д V – 223). И все наше непонимание или ужасание перед этой молитвой имеет своим объяснением только то, что в нас-то нет первохристианства – его любви, смирения и отречения от мира. – У христиан Апостольского века ум был всегда в сердце, как птица в гнезде. Им обучения не требовалось: ум сам молился в смиренном дыхании любви. А в средние и новые века христианской истории это чистейшее дело – труд непрестанного нищего взывания к Богу – люди стали делать в своем безумии источником питания гордости.

Варсонофия Великого спросил его ученик: «Враг внушает мне, что непрестанное призывание имени Божия ведет к возношению, ибо человек может при том думать, что он хорошо делает. Как надлежит помышлять о сем?» Великий Старец ответил: «Мы знаем, что болящие всегда требуют врача и врачеваний его, и обуреваемые непрестанно спешат к пристанищу, дабы не постигло их потопление... Итак, научимся тому, что во время скорби непрестанно надобно призывать милостивого Бога. Призывая же имя Божие, да не возносимся помыслом. Кто, кроме безумного, превозносится, получая от кого-либо помощь? Мы же, как имеющие нужду в Боге, призывая имя Его в помощь на сопротивных, если не безумны, не должны возноситься помыслом, ибо по нужде призываем и скорбя прибегаем. Сверх сего мы должны знать, что непрестанно призывать имя Божие есть врачевание. Как врач изыскивает врачевание или пластырь на рану, и они действуют, причем больной и не знает, как сие (делается), так точно и имя Божие, будучи призываемо, убивает все страсти, хотя мы и не знаем, как сие совершается» (В – 304).

«То, чтобы молиться непрестанно, явно противится гордости... Тот склоняет себя к смирению, кто, зная, что не может совершить никакой добродетели без помощи Божией, не перестает всегда молиться Богу, чтобы Он совершил с ним милость. Почему непрестанно молящийся, если и сподобится совершить что-либо, то зная, почему он совершил сие, не может возгордиться... все свои успехи относит к Богу, всегда благодарит Его и всегда призывает Его, трепеща, как бы ему не лишиться такой помощи... Он со смирением молится и молитвенно смиряется» (св. авва Дорофей, Д II – 607).

Для первохристианства потому было невозможно возгордиться от молитвы, что оно жило всецело в ощущении благодати, в сознании того, что совершение молитвы есть дело Духа Божия. *Мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными (Рим. 8:26). Молясь Духом Святым, сохраняйте себя в*

любви Божией (Иуд. 1:20–21). Именно об этом же учили и Отцы.

«Молиться с разумным сознанием никак не возможно, не сделавшись причастником Духа Святого. То, силою чего мы молимся, как должно, есть Дух Святый» (преп. Симеон Нов. Бог., Д5 – 62, 63).

«Ум наш, когда памятью Божиею затворим ему все исходы, имеет нужду, чтобы ему дано было дело какое-нибудь, в удовлетворении его приснодвижности. Ему должно дать только священное имя Господа Иисуса, Которым и пусть всецело удовлетворяет он свою ревность в достижении цели. Но ведать надлежит, что, как говорит Апостол, *никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым* (1Кор. 12:3), (бл. Диадокх, Д III – 40).

Чтобы не принять учение Отцов о непрестанной сокровенной молитве в известной нам ее форме за какую-то магию слов и не спутать смиренного взывания христианской любви с какими-то заклинаниями факира или же с медитацией праздного ума, полезно знать еще один факт. Не все древние Отцы оставили нам учение о ней в привычной нам форме молитвы Иисусовой. Апостольский век тоже не оставил нам его, хотя в Посланиях раскрываются высочайшие тайны Царства Божия. Св. Иоанн Кассиан так пишет в IV веке о непрестанной молитве: «Для достижения последнего совершенства в молитве надлежит утвердиться в памятовании о Боге неотходном, к чему средством служит краткая, часто повторяемая молитва. Отцы наши нашли, что стремящийся к всегдашнему памятованию о Боге должен приобрести навык непрестанно повторять следующую молитву: *Боже, в помощь мою вонми, Господи, помози мне потщися* (Пс. 69:2) (Д II – 140).

Принцип непрестанности и «последнего совершенства» памяти Божией тот же, а слова другие, хотя, конечно, с теми же самыми чувствами нищеты человеческой и могущества Божиего. И вот эта разность форм и одинаковость содержания есть исключительно важный факт. И те Отцы, которые не оставили нам известного нам учения о сокровенной молитве Иисусовой в Апостольский век, – пребывали в том же состоянии благодатного молитвенного просвещения, которое достигается этой молитвой в привычной нам форме. Это именно тот единый Евангельский путь сокровенной во Христе жизни, о которой писали бл. Каллист и Игнатий, и который для своего выражения и осуществления может иметь несколько иные слова. Дело не в магии слов, а в том, чтобы в человеке был создан храм для вселения Святому Духу. Существует дело – любовь к Богу, смирение перед Ним, чистота для Него, – как три стороны пирамиды, восходящей к Богу. *Всяким молением и*

прошением молитесь на всякое время духом, – говорит Апостол (Еф. 6:18). И чистейшее дыхание первохристианства во «всяких молениях» пребывало во все той же, или еще большей любви к Богу, которую позднейшие Отцы достигали путем молитвы Иисусовой в привычной нам форме. Всякая попытка доказать непрерывность от Апостолов именно этой формы, помимо своей несостоятельности, есть уже уклонение в формализм.

«Дело не в словах, – пишет еп. Феофан, – а в краткой молитовке. Такая не одна была в употреблении. Св. Кассиан пишет, что в Египте употребляли такую молитву: Боже в помощь мою вонми... В других местах другие были в ходу молитовки... Между ними и молитва Иисусова. Но потом отдано преимущество молитве Иисусовой» (Ф4 – 53).

Поскольку мы видим только форму, а не понимаем существа, Отцы настойчиво учат о крайней осторожности в искании сокровенной молитвы. Наша сердечная неграмотность в том, что мы не понимаем, что подход к сокровенной молитве – это вся жизнь, действующая Евангельски, или по терминологии Отцов, вся та «деятельная добродетель», которую очищается сердце. *А только чистые сердцем... Бога узрят (Мф. 5:8)* в молитве.

«Никто из непосвященных, или еще млека требующих (Евр. 5:12) да не касается того, чего касаться не в свое время запрещено... Ибо незнающему букв невозможно читать книг» (блаж. Каллист патриарх, Д5 – 458).

«Знание букв» – это прежде всего знание своей греховности. Человек сначала должен понять, что дом его горит, что он в смертельной опасности, чтобы действительно искренно возопить к Богу: «Господи помилуй!» Только при таком вопле смертельно испуганного сердца возможна всякая истинная молитва, и только при нем она станет жизнью души.

«С дыханием твоим соедини трезвение и имя Иисусово или помышление о смерти незабвенное и смирение», – говорит преп. Исихий Иерусалимский (Д II – 199), т.е., вся жизнь Евангелия должна быть в дыхании.

«Не ищи прежде времени, – говорили еще Отцы, – что будет в свое ему время: ибо доброе и не добро, если не добре делается». «Но полезно, прежде делания первейших дел, знать о вторых: ибо *знание без делания надмевает, а любовь созидает (1Кор. 8:1)*, потому что все терпит» (бл. Каллист и Игнатий, Д5 – 410, 411).

«Тщающийся достигнуть чистой молитвы (сердечной) в безмолвии должен шествовать к сему в трепете великом, с плачем и испрашиванием

руководства у опытных, непрестанно слезы проливая о грехах своих... Величайшее есть оружие держать себя в молитве и плаче, чтобы от молитвенной радости не впасть в самомнение, но сохранить себя невредимым, избрав радостно-печалие. Ибо чуждая прелести молитва есть теплота с молитвою к Иисусу, ввергшему огонь в землю сердца нашего, теплота пополюющая страсти, как терния, вселяющая в душу веселие и тишину, и приходящая не с десной и не с шуйей стороны, или свьше, но в сердце источающаяся, как источник воды от животворящего Духа» (св. Григорий Синаит, Д V – 244).

Царство Божие внутрь вас есть (Лк. 17:21).

«Духовное действие Божией благодати в душе совершается великим долготерпением... Дело благодати тогда уже оказывается (в человеке) совершенным, когда свободное произволение его, по многократном испытании, окажется благоугодным Духу» (преп. Макарий Великий, Д 1 – 200, 201).

«Ведая, что в молитве успеть нельзя без успевания вообще в христианской жизни, неизбежно необходимо, чтоб на душе не лежало ни одного греха, неочищенного покаянием... И постоянно держи в сердце смиренное сокрушение» (преп. Никодим Святогорец, Н – 213).

«Только тот, чей ум, отрешившись от уз всех страстей, глубоко умиротворится и чье сердце всем устремлением накрепчайше прилепится к Богу, может в совершенстве исполнить Апостольскую заповедь: (1Фес. 5:17) (св. Иоанн Кас., Д II – 133).

«Ум страстный не может войти в тесную молитвенную дверь» (св. Илия-пресвитер, Д III – 475). «Если желаешь стяжать молитву, отрекись от всего, да все наследуешь» (преп. Нил Синайский, Д5 – 375).

«Все наследуешь» – это не условная фраза, а точное учение Отцов.

«Начнем дело молитвы, – пишет св. Марк-подвижник, – и, преуспевая постепенно, найдем, что не только надежда на Бога, но и твердая вера и нелицемерная любовь, и незлопамятность, и любовь к братии, и воздержание, и терпение, и ведение внутреннейшее, и избавление от искушения, благодатные дарования, сердечное исповедание и усердные слезы – через молитву подаются верным; и не только сие, но и терпение приключаящихся скорбей, и чистая любовь к ближнему, и познание духовного закона, и обретение правды Божией, и наитие Духа Святого, и подаяние духовных сокровищ, и все, что Бог обетовал дать верным здесь и в будущем веке. Одним словом, невозможно иначе восстановить в себе образ Божий, как только благодатью Божиею, и верую, если человек с великим смиренномудрием пребывает умом в неразвлеченной молитве»

(то же у Исих. Иерус., Д1 – 506).

У древних Отцов иногда трудно различить, о какой из трех степеней Иисусовой молитвы – устной, умной или сердечной – они говорят, и относится ли говоримое ими только к монахам, пребывающим в безмолвии, или ко всем христианам. Но вот слова еп. Феофана Затворника к мирской девушке: «Когда сердце ваше затеплится теплотою Божиею, с того времени начнется собственно внутренняя ваша переделка... Когда вещь долго лежит под лучами солнца, она сильно нагревается: так будет и с вами. Держа себя под лучами памяти Божией и под чувствами в отношении к Нему, вы будете все более и более нагреваться неземною теплотою, а потом и совсем станете горячая, и не горячая только, но и горящая. И исполнится на вас: *огня приидох воврещи на землю* сердец человеческих, и ничего столько не желаю, как того, чтобы он у всех поскорее возгорелся» (Лк. 12:49) (ФП – 188). «Дело молитвы, – пишет он же, – не безмолвников только есть дело, а всех христиан, и это до самых высших ее степеней. Все степени молитвы – Божие суть дело. У Бога же все равны и смотрит Он только на сердце. Как сердце к Нему, так и Он к сердцу, где бы сие сердце ни было. Надо всегда держать молитву. Бог везде есть и все видит, очи Его светлейшие паче солнца. Память об этом надо внедрить в сердце или слить с сознанием» (Хр).

В другом месте еп. Феофан опять говорит о том же: «Не возноситься к Богу молитвенно мы не можем, ибо природа наша духовная того требует. Вознестись же к Богу мы иначе не можем, как умным действием. Есть, правда, умная молитва при словесной или вышней – домашней или церковной – и есть умная молитва сама по себе, без всякой внешней формы или положения телесного; но существо дела там и здесь одно и то же. В том и в другом виде она обязательна и для мирских людей. Спаситель заповедал – войти в клеть свою и молиться там Богу Отцу своему втайне (Мф. 6:6). Клеть эта, как толкует св. Дмитрий Ростовский, означает сердце. Следовательно заповедь Господня обязывает тайно в сердце молиться Богу. Заповедь эта на всех христиан простирается... Непрестанно молиться иначе нельзя, как умною молитвою в сердце. Умная молитва для всех христиан обязательна; а если обязательна, то нельзя говорить, что едва ли возможна: ибо к невозможному Бог не обязывает» (еп. Феофан, Ф III – 381, 382).

Очевидно, не различая мирских и не мирских, еп. Феофан следует пути некоторых древних Отцов.

«Возможно и в келии сидящему, – читаем мы в одной записи Патерика, – помыслами блуждать вне, и по рынку ходящему быть

трезвенну, как в пустыне, в себя возвращать и Богу единому внимая, не принимая впечатлений, толпою нападающих на душу... Ибо истинно мудрый человек, имея тело как бы... безопасным местом убежища для души, на рынке ли бывает, или на праздничном торжестве, на горе или на поле, или среди толпы людской, – сидит в своем естественном монастыре, собирая ум внутрь и любомудрствуя о подобающем ему» (Д5 – 472).

Варсонофия Великого спросили: «Как может человек непрестанно молиться? – Старец дал такой ответ: «Когда кто бывает наедине, то должен упражняться в псалмопении и молиться устами и сердцем; если же кто будет на торгу и вообще вместе с другими, то не следует молиться устами, но одним умом. При сем надлежит соблюдать глаза, для избежания рассеяния помыслов и сетей вражиих» (В – 472). Этот же автор сказал: «непрестанную память Божию каждый может сохранять по своей вере» (В – 247). «Имеют долг все христиане, от мала до велика, – читаем мы в житии св. Григория Паламы, – молиться всегда умною молитвою: Господи Иисусе Христе, помилуй мя! Так чтобы ум их, сердце навык имели всегда изрекать священные слова сии... Бог не заповедал нам ничего невозможного... Почему и это можно исполнить всякому ревностно ищущему спасения души своей. Ибо если бы это было невозможно (для мирян), то было бы невозможно для всех вообще мирян, и тогда не нашлось бы столько и столько лиц, кои среди мира исправляли сие дело непрестанной молитвы, как следует, из коих да будет представителем многих других такого рода лиц отец святого Григория Солунского, дивный оный Константин, который при всем том, что... занимался каждодневно государственными делами, кроме своих домашних дел, как имевший большое имущество... жену и детей, при всем был неотлучен от Бога и... привязан к умной непрестанной молитве. Премногое множество было и других подобных, которые, живя в мире, всецело были преданы умной молитве» (из жит. св. Гр. Пал. – Доброт. V, 517, 518).

Всю силу своего учения о сокровенной молитве Отцы направляют на то, чтобы воспитать в учениках своих, т.е. у всех христиан, ясное понимание духовного существа и смысла молитвы: смирения и любви. Смирение в молитве плачет, а любовь обретает свет божественный.

«Слезы в молитве, – говорит св. Исаак Сирин, – суть знамение милости Божией, которой сподобилась душа покаянием своим, знамение того, что она была принята и начала входить в поле чистоты слезами» (От. 329).

«Начало плача, – говорит св. Григорий Палама, – есть как бы некое искание обручения Божия, которое кажется недостижимым. Почему при

сем произносятся некоторые как бы предобручальные слова теми, кои по сильному желанию сего плачут... Конец же плача – брачное в чистоте совершенное сочетание... Истинная жизнь души есть божественный свет, от плача по Богу приходящий... Почему некто из Отцов сказал: «плач делает и хранит» (Д5 – 304, 302, 303).

«Молитва, со вниманием и трезвением совершаемая внутри сердца, без всякой другой мысли и воображения какого-либо, словами: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий – невещественно и безгласно воспростирает ум к самому призываемому Господу Иисусу Христу; словами же помилуй мя – опять возвращает его и движет к себе самому, так как не может еще не молиться о себе. Но когда он достигнет опытом совершенной любви, тогда всецело воспростирается он к единому Господу Иисусу Христу, о втором (т.е. помиловании) прияв действительное извещение. Почему, как говорит некто, вызывает только: Господи, Иисусе Христе! (бл. Каллист и Игнатий Д5 – 398, 399).

«Непрестанно убо пребудь с именем Господа Иисуса, – да поглотит сердце Господа и Господь сердце, и будут два сии воедино» (св. Иоанн Златоуст, Д5 – 365).

Крепка яко смерть любы... Миров излиянное имя Твое (Песн. 8:6, 1:2).

«Достигший непрестанного пребывания в молитве, – говорит св. Исаак Сирин, – достиг высшего предела всех добродетелей и отселе делается жилищем Святого Духа. Если кто не приял действительно благодати Утешителя, тот не может со свободою и радостью совершать этого пребывания в молитве. Дух, как сказано, когда вселится в человека, не престаёт от молитвы: ибо Сам Дух непрестанно молится (Рим. 8:26). Тогда и в сонном, и в бодрствованном состоянии молитва не прекращается в душе человека; но употребляет ли он пищу и питье, спит ли, или что иное делает, даже при глубоком сне благоухание и испарение молитвы беструдно источается из его сердца. Тогда эта молитва не разлучается с ним, но ежечасно она в нем и с ним. Таковая молитва, если и умолкает извне человека, то опять она же совершает в нем служение свое тайно. Молчание чистых называет молитвою некто из мужей Христоносных; потому что помыслы их суть божественные движения; движение же чистого сердца и ума суть кроткие гласы, которыми сокровенно воспевается Сокровенный». (От. 324).

Глава VII. ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ОЖИДАЕМОГО

«Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом».

Апостол Павел. (Евр. XI:1)

Неудержимое Твое светолития и неприступное Божества зряще апостолов лучшие, на горе Преображения, безначальне Христе, Божественным изменишася ужасом...

Из службы Преображения (стихира на стиховне)

Есть вершина горы восхождения блаженных Отцов. К ней ведет их память – любовь Божия, молитва – любовь к Возлюбленному, и у подножия ног Его начинается их путь. Некоторые из них оставили нам записи об этом, хотя эти записи, конечно, только слабые следы того, что они сами принимали в молчании.

«Когда взор ума, склоняясь внутрь сердца, видит осияние Духа, текущее из него не иссякая, тогда время молчания» (св. Каллист Катафигиот, К – 56).

Как читать и передавать откровения Отцов о полноте стяжания ими Духа Утешителя? Есть ли у нас право внимать известию о непрекращающейся в них Пятидесятницы Церкви?

Путь Отцов нами в общем несомненно забыт, сколько бы мы о нем ни писали, и сколько бы археологических изысканий ни делали. Раскопки даже в самой Палестине не откроют тех тропинок, по которым шли Мироносицы к Гробу. Мы переживаем – в себе самих – эпоху крайнего оскудения благодатной веры, о чем уже давно с тревогой говорили Отцы. И раскопки, очевидно, надо делать в себе самом – в подвиге исполнения заповедей, а этого мы не хотим. Подвиг есть движение любви, любви в начале еще ничтожной, но уже неудержимой, и даже тогда неудержимой, когда человек ее как будто не чувствует. Пустынное, сорокалетнее путешествие Израиля есть неиссякаемый образ и церковного богослужения, и христианской жизни. И тогда уже в пустыне сошла к людям манна небесного питания. *Это есть любовь к Богу, чтобы мы соблюдали заповеди Его, и заповеди Его не тяжки (1Ин. 5:3).* Первоначальная любовь восходит через подвиг совершения заповедей к любви совершенной, и тогда человек делается храмом Духа Святого.

Как нам читать о полноте стяжания Его святыми, если мы еще не начинали их путь любви?

«Кто толкует о последних степенях совершенства новоначальным и

особенно более ленивым из них, не только не принесет им пользы, но еще сделает, что они возвратятся вспять» (преп. Симеон Нов. Бог. Д5 – 56).

Необходимость знания о завершении пути Отцов доказывается только одним: тоской о благодатной вере. Озарения святых – это конечная веха, крайний указатель пути благодатной веры, и нам нужно знать его, что мы, видя свет впереди себя, не заблудились, – не потеряли веру. Благодатная вера есть вера единства подвига и благодати, вера, осуществляющая духовную жизнь, *вера, действующая любовью* (Гал. 5:6) или Духом (св. Григорий Синайский Д5 – 226). В благодати получает она ощутимый приток силы Божией, Его нетленную пищу – небесную манну, – или же неощутимо благодать дает ей силы на подвиг любви. В подвиге человек доказывает свою любовь, очищая себя для принятия благодати, ища или взыскавая ее, когда она оставляет. Поэтому благодатная вера есть также вера постоянного страха Божия, страха потерять благодать, вера покаяния и радости, вера духовного труда и покоя, вера узкого пути и Царства Божия, обретаемого в сердце еще здесь на земле.

Неучастие в ощутимом благодатном питании или нежелание подвига есть причина умаления веры в душе. Нельзя питаться умопредставлениями, или проекциями, – или бытовыми рефлексам веры словесной: рано или поздно душа засохнет в пустыне неверия. В подвиге – покаяние, в благодати – ощутимая сила и счастье, начало осуществления Царства Божия в душе. Без покаяния недоступна радость благодати, но без благодати невозможен подвиг покаяния как путь. Только личное счастье от вкушения божественного мира может дать человеку силу пройти покаянный путь.

«Кто обогатился небесным сокровищем, разумею, пришествием и вселением в него Христа, Который сказал: *Аз и Отец приидема и обитель у него сотворим* (Ин. 14:23), тот знает знанием душевным (опытом, сознанием, чувством), какую получил радость, коликое и каковое сокровище имеет в царских сокровищницах сердца своего» (преп. Симеон Нов. Богослов, Д V – 50). «Как деревья, если не будут напояемы водою, расти не могут, так и душа, если не восприимет небесной сладости, расти не может» (преп. Антоний Великий, Д1 – 39). От св. Исаака Сирина осталась нам его краткая молитва: «Исполни, Господи, сердце мое жизни вечной».

«Жизнь вечная, – говорит он же, – есть утешение в Боге; и кто обрел утешение в Боге, тот почитает излишним утешение земное» (Д II – 669).

Неизреченность и недостигаемость утешения святых не должна закрывать от нас того, что их Преображение совершалось на вершине той

самой горы, на которую подниматься должны все христиане, и что все восходящие, в меру своего восхождения, обретают свою меру благодати Царства Божия... Мы, ничего от святых не имеющие, даже только читая об их озарении блаженным светом Христовым, говорим: *хорошо нам здесь быть* (Мф. 17:4), и потому еще хорошо, что мы знаем, что их путь есть единый для всех путь благодатной веры. «Опыты добродетелей, – пишет св. Григорий Синаит, – своим тщанием и усилием совершаемые, на дают душе совершенной благонадежности, если они не будут обращены в существенное сердечное расположение благодатью... Без благодати же весь сонм добродетелей обыкновенно бывает мертв...» (Д V, 196) Единая благодатная вера, исполнением заповедей споспешествуемая, довела бы ко спасению, если бы хранили ее в силе и веру мертвую и недейственную не предпочитали вере живой и действенной во Христе... Но ныне невежество научает благочестивых вере на словах, мертвой и нечувственной, а не вере благодатной... Вера мертва и безжизненна у того, кто не видит ее в себе действующей. Даже и верным да не именуется тот, кто верует только голым словам, а не имеет веры, действующей любовью или Духом» (Д V, 185, 208). «Вси насладятся пира веры, еси восприимите богатство благодати», – слышим мы в Пасхальную ночь («Слово огласительное» свт. Иоанна Златоуста), и поэтому возгреваем в сердце надежду, что молитвами святых Отцов наших и к нам упадут крохи благодати, которая и нас научит и просветит, и поведет. Ведь благодать есть милость Божия, всех зовущая.

«Все сие собрал я, – пишет преп. Нил Сорский, в предисловии к своему «Уставу», – не в благодушии своего здравия и не пользуясь тишиною бесстрастия, но связанный сам узами страстной болезни, и не от себя, но от Св. Писания извлекая малое из многого, как пес, питающийся от крупниц, падающих с словесной трапезы господей своих – блаженных Отцов, да будем подражателями их хоть в мале» (НС – 23).

«Утверждающие, что ныне невозможно христианину сделаться причастником Святого Духа, – говорит еп. Игнатий Брянчанинов, – противоречат Священному Писанию и причиняют душам своим величайший вред. Они, не предполагая в христианстве никакой особенно высокой цели, не ведая о ней, не стараются, даже нисколько не помышляют о достижении ее; довольствуясь наружным исполнением некоторых добродетелей, лишают сами себя христианского совершенства. Что хуже всего – они, удовлетворяясь своим состоянием и признавая себя, по причине своего наружного поведения, восшедшими на верх духовного жительства, не только не могут иметь смирения, нищеты духовной и

сердечного сокрушения, но и впадают в самомнение, в превозношение. Напротив того – уверовавшие существованию христианского совершенства, устремляются к нему всеусердно, вступают в неослабный подвиг для достижения его. Понятие о христианском совершенстве охраняет их от гордости: в недоумении и плаче предстоят они молитвою пред заключенным входом в этот духовный чертог» (Б1 – 280). «Некоторые из братий думают, что они не могут иметь даров Духа Святого; ибо по нерадению об исполнении заповедей не знают, что имеющий истинную веру во Христа имеет в себе соращенно все дары Божии. Но поелику мы по безделию нашему далеко отстоим от деятельной к Нему любви, которая показала бы нам Божественные в нас сокровища, – то справедливо почитаем себя чуждыми даров Божиих» (св. Максим Исповедник, Д III – 240). «Всякий из нас, по мере сущей в нас веры, стяжевает явное действие Духа: так что всякий сам для себя бывает раздаятелем благодати» (он же, Д III – 294).

«Толковать» о величайшей святыне христианства недопустимо, но тот же преп. Симеон Нов. Бог. оставил нам и такое указание: «Каждому надлежит распознавать – получил ли он обручение Духа от Жениха и Владыки Христа. Если получил, да тщится держать сие и хранить. А если еще не сподобился получить, то потщится посредством дел благих, благопотребных деланий и теплого покаяния поскорее получить его» (Д5 – 33).

«Всегда рассуждайте: в Духе ли Божиим обретаться изволите, или нет», – учил преп. Серафим (С – 52) своего мирского друга. А степени и меры его стяжания бывают, конечно, разные.

«Иная есть радость началовводная, и иная завершительная... Надлежит прежде началовводною радостью призвать душу к подвигам» (бл. Диадокх, Д III – 41). «Дух Святый в самом начале преуспeyания, если (человек) горячо возлюбит добродетель Божию, даст душе полным чувством и удостоверительно вкусить сладости Божией» (он же, Д III – 66).

«Где говорится, что *Отец даст блага просящим у Него (Мф. 7:11)*, а где, что *даст Духа Святого просящим у Него (Лк. 11:13)*: каковыми речениями внушается, что не только оставления грехов, но и подаяния небесных даров сподобляются молитвенники Божии, укрепляемы бывая в своем искании тою мыслию, что не праведникам, а грешникам обетовал Господь такие блага. Итак, проси неотступно и с несомненным расположением, хотя не совершен ты в добродетельной жизни, немощен и ничего не достоин, – и получишь великое» (преп. Иоанн Карпаф. Д III – 94).

На церковном богослужении и новоначальные в христианском подвиге научаются петь: «Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается»... и еще чаще повторять моление: «Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатью».

Но о благодати мы часто говорим, не чувствуя реальности или, лучше сказать, огнеопальности ее бытия. У от. Иоанна Кронштадтского есть одно удивительное высказывание: «Многие, – пишет он, – живут вне благодати, не сознавая ее важности и необходимости для себя и не ища ее, по слову Господа: *ищите прежде Царства Божия и правды Его* (Мф. 6:33). Долго и я не знал во всей ясности, как необходимо укрепление нашей души от Духа Святого. А теперь Многомилостивый дал мне узнать».

Какая поразительная и благословенная честность признания!

«Некоторые в нынешнее время даже слышать не хотят, – есть ли благодать, будучи по великому нечувствию и невежеству ослеплены и маловерны» (Св. Григорий Син., Д V – 220). «Благодать Божия должна в сердце нашем обитать, ибо Господь сказал: *Царство Божие внутри вас есть* (Лк. 17:21), а под Царством Божиим разумел Он благодать Духа Святого» (преп. Серафим, С – 21).

Поэтому цель христианского пути – обретение еще теперь, на земле, того Царства Божия внутри себя, которое, как утренняя заря, возвещает сердцу о «дне вечном». Все учение Отцов освещено лучом этой цели. Да и какая иная цель может быть, когда именно в этом все завещание Христово: *И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа Истины. – Утешитель... научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам* (Ин. 14:16, 26). *Научит и напомнит*. Не только христианства в отдельном человеке еще нет, если он чрез благодатную веру не стяжал в себе хоть малейший луч Святейшего Духа, но и всего христианства не было бы в после-Евангельской истории, если бы *другой Утешитель* не напомнил о нем и не научил ему нас. Вот почему только в искании Его может быть цель христианина: на Его водительство и попечение мы отданы.

«Ум, начинающий любомудрствовать о Божественных вещах, от веры начинает, и потом, среди сих вещей вращаясь и шествуя, опять в веру же достигает, но высшую» (бл. авва Фалласий, Д III – 338).

«Что возводит нас в полное совершенство? – искренняя вера, которая есть *уповаемых извещение* (Евр. 11:1)... Она возводит истинных ревнителей к крепкому упованию приятия великих даров Божиих и дает им в сердце неистощимые сокровища духовные» (преп. Никита Стифат, Д V – 165).

Это «ожидаемое» и уже «осуществляемое» верой есть не отвлеченно-мысленное представление какой-либо истины или загробной жизни, а Царство Божие, ощущаемое сердцем как праведность, радость и мир в Боге. Апостол сказал: *Царство Божие есть праведность и мир и радость во Святом Духе (Рим. 14:17)*. Меры восприятия его сердцем могут быть весьма различны, но даже малый луч божественной радости будет уже обретением крупницы благодати Царства Божия внутри себя. У святых это было великим таинством воссияния света в душе.

«Пока не приидет то, что есть совершение таинств, и мы не сподобимся явно откровения оных, дотоле вера между Богом и святыми священнодействует неизреченные таинства» (св. Исаак Сирин, Д5 – 354). Это та «вера, воссиявающая в душе от света благодати... которая показывает себя... в созерцании духовными очами сокрытых в душе тайн, одного богатства благодатного... открываемого Духом тем, кто питаются на трапезе Христовой» (он же, Д5 – 354).

Вера Отцов была не «благочестивым настроением» нашего протестантствующего сознания, а слезами покаяния, через которые человек прозревает и видит свет.

«Богатство монаха – утешение, находимое в плаче, и радость от веры, воссиявающая в тайниках ума» (он же, Д II – 713). Это богатство – в полном отказе от себя и в любви к Богу.

«Вера в Бога состоит в том, что если кто предает себя Богу, то уже не имеет власти над собою, но подчиняет себя Его владычеству до последнего издыхания» (авва Иоанн-пророк, В – 395).

Эта благодатная вера святых возводила их к совершенству или к стяжанию еще здесь, на земле, Царства Божия в сердце.

«В Божественном крещении мы освящаемся наитием Святого Духа, но совершенную благодать, как она означается в словах: *вселюся в них и похожду (2Кор. 6:16)*, не тогда получаем. Ибо это есть достояние совершенно утвержденных в вере и доказавших ее делами» (преп. Симеон Нов. Бог., Д5 – 31,9).

Чтобы приблизиться к пониманию учения об этом Отцов, необходимо знать об употреблении в Отеческой письменности особой категории терминов: «познание», «ведение», «зрение», «созерцание» Божественного мира или «озарение» (осияние) им.

«Душа никогда не может простерться к познанию Бога, если Сам Бог, по благоснисхождению к ней, не коснется ее и не возведет ее к Себе. И ум человеческий никогда не мог бы настолько востечь горе, чтобы приять некое Божественное озарение, если бы Сам Бог не восторгал его, сколько

возможно уму человеческому восторжену быть, и не просвещал Божественными осияниями» (св. Максим Исповедник, Д III – 251, 247).

«Вера есть истинное познание, имеющее недоказываемые начала, будучи удостоверением в вещах, превышающих ум и слово» (он же, Д III – 251, 247).

«Вера есть стяжание неисследимого богатства познания Христа» (преп. Симеон Нов. Бог., Д V – 31, 9).

Понятие «познания» или «ведения» святых для нас почти не познаваемо, так же как многие Апостольские слова. Это не наше умопостижение. Это наверное то познание, о котором говорил Апостол Павел: *все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса Господа моего... чтобы познать Его и силу воскресения Его и участие в страданиях Его (Флп. 3:8, 10)*. Это есть действительное соучастие в страдании и воскресении Господнем, действительное вкушение любви теми, кто «питается на трапезе Христовой». Мы предощушаем или догадываемся о содержании этого понятия только тогда, может быть, когда читаем молитву перед Причастием: «Усладил мя еси любовью, Христе, и изменил мя еси Божественным Твоим рачением, но попали огнем невещественным грехи моя и насытитися еже в Тебе наслаждения сподоби, да ликуя возвеличаю, Блаже, два пришествия Твоя». Или другую молитву: «Божиим светом, Твоим, Блаже, утреннюющих Ти души любовь озари, молюся, Тя вести, Слове Божий, истинного Бога»... (ирмос 5 песни канона 6-го гласа)

«Познание» или «ведение» есть любовь. Поскольку в истинной вере лежит начало любви, как все бытие будущего растения лежит в его зерне, постольку «вера есть истинное познание». Но только доказывает себя в подвиге, вера возводит человека к совершенной любви – познанию Бога. Только расцветшее растение «познает» солнце и озаряется им.

«Познание... бывает от единого Бога, когда найдет Он ум очищенным от всякого вещественного пристрастия и объятим Божественною любовью» (преп. Федор, Д III – 381). «Вся цель заповедей Спасителя та, чтобы освободить ум от невоздержания и ненависти и возвести его в любовь к Нему и ближнему, от которой рождается свет святого деятельного ведения» (св. Максим Исповедник, Д III – 238).

«Стяжем веру, чтобы придти в любовь, из коей рождается свет ведения» (бл. авва Фалласий, Д III – 337).

«Ведение (есть) всецело любовь» (бл. Диадокх, Д III – 69).

«Вера – начало любви; конец же любви – ведение Бога» (авва Евагрий, Д1 – 608).

«Познание Бога означает, что наздавшийся в нем, чрез смиренномудрие и молитву, познан Богом и обогащен от Бога неложным познанием сверхъестественных тайн Его... Любящий Бога и ничего не почитающий достойным предпочтения любви к Богу и ближнему – познал «глубины Божии и тайны Царства Его, как знать надлежит тому, кто Духом Божиим движется и познан от Бога истинным делателем рая Церкви Его» (преп. Никита Стифат, Д V – 169).

Это «познание» или «ведение» есть обожение ума, а не научно-богословская мудрость.

«Ведение называю не мудрость, но неложное познание Бога и Божественного, коим боголюбивый, не влекомый долу страстями, возвышается к обожению благодатию Святого Духа» (преп. Феогност, Д III – 422).

«Все то, что ум видит без небесного дара и, следовательно, без Духа, ясно приснодвижно дышащего в сердце, – это только его мечты, и сколько бы он ни богословствовал, все это пустые слова, проливаемые на воздух, не пробуждающие, как следует, чувства души: ибо он находится под влиянием слуха и слов идущих извне... а не из сердца, вдохновляемого наитием просвещающего Духа» (Каллист Катафигиот, К – 89).

«Будем же веровать, что и хладный и черный уголь ума вашего, позже когда-нибудь или скорее, станет горячим и световидным от прикосновения Божественного огня» (преп. Иоанн Карпафийский, Д III – 101).

Это то, о чем читаем в другой молитве перед Причастием: «Божественное Тело и обожает мя, и питает. Обожает дух, ум же питает странно».

«Ум человеческий, когда один сам о себе бывает, не сретясь с Богом, тогда уразумевает как обычно окружающее его по силе своей. Когда же приблизится к огню Божества и к Духу Святому, тогда весь всецело овладевается оным огнем Божиим, и бывает весь свет, и там в пламени Духа Святого возгорается, и разливается в божественных помышлениях» (преп. Максим Капсокаливит, Д V – 513). «Ум, очистившийся от всего внешнего и чувства всецело подчинивший себе деятельною добродетелью, неподвижным пребывает внутри сердца, как в центре водружая взор свой. Там, приемля мысленные озарения, как блистания молнийные, собирает он божественные разрушения» (бл. Каллист патриарх, Д5 – 458).

«Деятельною добродетелью поработается похоть и обуздывается гнев, а ведением и созерцанием окрыляется ум и, вознесшись над всем вещественным, к Богу преселяется и истинное в Нем улучшает блаженство» (св. Федор Эдесский, Д III – 371).

Отцы часто, говоря о «познании» или «созерцании», употребляют и этот неясный для нас термин: «деятельная добродетель», или «деяние», «деятельность» или «действие».

«К деятельной добродетели, – пишет еп. Петр, – относятся дела покаяния, пост, бдения, молитвы, дела обращения и спасения ближних, дела милосердия духовного и благотворительности, очищение сердца от пороков и страстей, приобретение смирения и любви» (П).

«Труды деятельной добродетели, – говорит св. Григорий Синаит, – пост алкательный, воздержание несладостное, бдение терпеливое, коленопреклонение утомительное, стояние неподвижное, молитва непрестанная, смирение непритворное, сокрушение и воздыхание постоянное, молчание мудрое и во всем терпение» (Д5 – 256).

Очевидно, что перечень этот, имеющий и любовь, и смирение, и молитву, обнимает собой весь путь Отцов до самого конца. Почему же тогда говорится отдельно о «познании», т.е. о любви? Отдельность эта только в том, что «деятельная добродетель» – это как бы «шесть дней творения мира», дни труда и делания, а «познание» – «день седьмой», день покоя в совершенной любви. Но поскольку «вера есть начало любви», постольку не может быть и деятельной добродетели вне любви, и тем самым вне какого-то ведения, и предощущения покоя.

«Сподобившись у Бога некоего ведения, не неради о любви и воздержании: ибо они, очищая страстную часть души, устрояют тебе путь к ведению удобным» (св. Максим Исповедник, Д III – 238).

Обретение «некоего ведения» есть начало долгого пути к его совершенству. Это все тот же рост любви, в которой средоточие и всего пути Отцов, и всей терминологии их учения. Совершенное «познание» есть завершение пути, но малый и ясный свет его любви зажигается с самого начала. «Сын мой, паче всего надлежит пещись о ведении и разуме тому, кто хочет взять крест и последовать Христу» (св. Марк-подвижник, Д1 – 475).

Блажени чистие сердцем, яко тии Бога узрят (Мф. 5:8). Узрят же Его и сущие в Нем сокровища тогда, когда очистят себя любовью и воздержанием, и тем более, чем более очистятся» (св. Максим Исповедник, Д III – 271).

«Кто показывает в себе ведение (воплощаемое) деятельностью, и деятельность, одушевляемую ведением, тот обрел точный способ истинного в нас Богодействия. Кто же имеет какую-либо из сих черт разъединенной с другой, тот или ведение сделал пустой фантазией, или деятельность превратил в бездушного идола» (он же, Д III – 305).

«Деятельность» и «ведение» должны быть неразрывны с самого начала.

«Не неради о деятельной жизни, иначе умалится и ведение» (бл. авва Фалласий, Д III – 322).

«Мучимые и в плену держимые страстями нередко в недоумении вопрошаем мы в себе самих – отчего претерпеваем мы это? Ведать надлежит, что такие пленения бывают с нами по причине отступления нашего от созерцания Бога. Если же кто прилепится умом своим к Богу нашему и Владыке, то – верен Бог – Сам Спаситель всех избавит такую душу от всякого пленения, как говорит Пророк: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15:8) (св. Федор Эдесский, Д III – 369, 370). «На поприще деятельной добродетели многие текут, един же приемлет почесть (1Кор. 9:24), именно тот, кто конца ее старается достигнуть с участием созерцания» (св. Илия-пресвитер). «Начатки добродетели созерцательной – любовь и молитва» (он же). «Начало деятельной добродетели – воздержание и смирение, истина и целомудрие» (он же). «Как действования без созерцания не бывает твердо, так созерцание без соответственного действования истинно. Надлежит как действованию (т.е. воздержанию, смирению и целомудрию) быть проникнуто созерцанием (т.е. любовью и молитвой), так созерцанию (т.е. любви и молитве) утверждаему действованием» (он же, Д III – 478, 479). «Исправляя как должно деятельную сторону добродетельной жизни, чрез это одно не можешь ты достигнуть пристани бесстрастия, так чтобы чисто и непарительно мог молиться, если в то же время ума твоего не будут обымать духовные созерцания просветительного ведения и познания сущего, коими окрыляясь и просвещаясь, стремительно возвышался бы он горе, в истинной всецело любовью дышащей молитве» (преп. Феогност, Д III – 427).

Единство любви и благодати делают единым весь путь христианский, и на всяком его месте истинно идущий озаряется хоть малым лучом Царства Божия. Поэтому вне искания и постепенного стяжания любви (познания) к Богу и к людям нет истинной «деятельной добродетели». Подвиг есть искание и стяжание любви.

Но искание не есть домогательство: надо всегда видеть свое несовершенство и искать не «свершения» пути и не приобретения особых действий благодати, а покаяния и сораспятия Господу.

«Вижу, что ты попала в сети искания совершенства, забыв совершенство покаяния», – писал одной монахине преп. Амвросий Оптинский (А – 70).

Луч Царства Божия есть Нечаянная Радость, а то, что всегда

предлежит человеку – это покаяние и смирение. Святые Отцы даже и чистоту свою, даже свою благодатность именовали покаянием. Авву Исаию спросили: в чем заключается покаяние? Он отвечал: «Святой Дух научает нас удалиться от греха и более не впадать в него. В этом состоит покаяние» (От. 168). «Покаяние есть вторая благодать» (св. Исаак Сирин, Д V – 429).

«Покаяние, – пишет св. Марк-подвижник, – не ограничивается ни временем, ни какими-либо делами, но совершается посредством заповедей Христовых... Дело покаяния совершается тремя следующими добродетелями: очищением помыслов, непрестанной молитвой и терпением постигающих нас скорбей... и полагаю, что покаяние прилично всегда и всем... грешным и праведным, ибо нет такого предела совершенства, который бы не требовал делания вышеупомянутых добродетелей; посредством их начинающими приобретается введение в благочестие, средними – преуспевание в нем, а совершенными – утверждение в оном... Господь всем заповедует: *Покайтесь* (Мф. 4:17) (св. Марк-подвижник, Д1 – 498).

«Прежде Петру вручаются ключи, а потом попускается ему впасть в отречение от Христа Господа, чтобы подаянием таким уцеломудрить его о себе мудрование. Так и ты, если, получив ключ разумения, подпадешь разным искушениям, не дивись сему, но прославляй единого премудрого Господа, падениями обуздывающего самомнение, находящее вслед за божественным ведением» (преп. Иоанн Карп., Д III – 99). «Которые сильнее налагают на молитву, те подвергаются более страшным и свирепым искушениям» (он же, Д III – 93).

«В приболезненном труде и поте лица осужден ты снедать хлеб ведения» (бл. авва Фалласий, Д III – 335). Кроме того: единство пути не есть нарушение постепенности обретения покоя в Боге. Любовь ничего не домогается, кроме исполнения заповедей: она ищет крестного пути.

«Деятельность крестная двояка, – пишет св. Иссаак Сирин, – ...первая («деятельная добродетель») очищает страстную часть души, а другая («познание») просветляет умную часть души. Всякого человека, который прежде совершенного обучения в первой части переходит к сей второй, привлекаемый ее славой, не говоря уже – своей леностью, постигает гнев за то, что, не умертвив прежде *уды своя, яже на земли* (Кол. 3:5), т.е. не уврачевав немощи помыслов терпеливым упражнением в делании крестного поношения, дерзнул в уме своем возмечтать о славе креста» (Д III – 649). «Если ум покусится взойти на крест прежде, нежели уврачуется немощь чувств, то привлекает на себя гнев Божий, как начавший подвиг,

превышающий меры его. Восхождению на крест должно предшествовать исцеление чувств» (преп. авва Исая. От. 167). «Исцеление чувств находится в деятельной добродетели». В ней перегорает нечистота души, чтобы душа утвердилась в смирении. Ведь «смирение есть предтеча любви». Поэтому искать «ведения» благодатной веры – это значит искать смирения веры.

«Во всех случаях будем прибегать к смирению, ибо смиренный лежит на земле, а лежащий на земле куда может упасть?» (преп. Варсонофий Великий, Д II – 570).

«Земля, на которой Господь заповедал исключительно приносить Ему жертвы, есть смиренномудрие» (преп. Пимен Великий, От. 426).

«Возжелав истинного ведения и удостоверения в спасении несомненного, умудрись прежде расторгнуть страстные союзы души с телом и, обнаружившись от пристрастия к вещественному, низойди в бездну смирения, – и обретешь многоценный жемчуг спасения, как в раковине в Божественном ведении сокрытый и светлость Царства Божия тебе преобручающий» (преп. Феогност, Д III – 417).

«Почитай себя грешнейшим паче всякого человека. Ибо когда такое помышление долгое время занимает ум и сердце, тогда внутри обыкновенно является некое духовное воссияние света, наподобие луча. И чем более взыскиваешь его, со вниманием крепким, мыслию неразвлеченною, трудом великим и слезами, – тем более оно является яснейшим и яснейшим... Являясь таковым, – возлюбляется; любимо бывая, – очищает; очищая, – делает боговидным» (преп. Симеон Благоговейный).

«Относительно действия благодати знай, что когда станешь ты воистину иметь себя грешнейшим паче всякого человека, тогда это будет значить, что восприял ты действие благодати» (он же, Д5 – 71, 74, 75).

«Никто да не прельщает вас суетными и обманчивыми словами, – пишет преп. Симеон Нов. Бог., – что можно познать божественные тайны веры нашей без научения Святого Духа. Приятелищем же даров Духа никто не может быть без кротости и смирения. Почему надлежит всем нам всенепременно прежде всего положить твердое и непоколебимое основание веры во глубине души нашей; потом на сем основании создать дом внутреннего благочестия души, устроив стены его высоко и крепко из разных видов добродетели. Когда таким образом ограждена будет душа со всех сторон, как стенами, тогда возложим на сие здание и кровлю, которая есть ведение Бога, – Дом Духа будет у нас всецело и совершенно готов. Ибо когда душа очистится слезами, соответственно являемому ею покаянию и исполнению заповедей, тогда человек, во-первых,

удостаивается благодати Духа познать свое состояние и всего себя; потом, после тщательного и долговременного очищения сердца и укоренения глубокого смирения, начинает он, мало-помалу и некоторым образом примрачно, постигать яже о Боге и божественных вещах; и чем больше постигает, тем паче дивится и стяжевает вящее смирение, думая о себе, что совсем недостоин познания и откровения таких тайн. Почему, блюдомый таким смирением, как бы находясь за крепкими стенами, пребывает он неуязвимым от помыслов тщеславия, хотя каждодневно растет в вере, надежде и любви к Богу, и ясно видит преспеяние свое, являющееся в приложении ведения к ведению и добродетели к добродетели. Когда достигнет наконец *в меру возраста исполнения Христова (Еф. 4:13)*, и истинно стяжает ум Христов и Самого Христа, тогда приходит в такое доброе состояние смирения, в коем уверен бывает, что не знает – имеет ли что-либо доброе в себе, и почитает себя рабом неключимым и ничтожным. И то наипаче дивно и вышеестественно, что он держит на сердце, что во всем мире нет ни одного человека, который был бы ниже и грешнее его. Как доходит (он) до такого убеждения и как удерживает его – не могу сказать. Одно только мог я понять в этом, что есть прехвальная добродетель смирения» (СБ. Слово 8).

Смирение Святых есть действие полноты благодати, но начало его – в той смиренной «работе Господней», которая составляет сущность «деятельной добродетели» или «деяния». Поэтому, как сказал св. Филимон, – «деяние есть восхождение к созерцанию... и чем больше умножается наша праведность, тем больше возрастает духовное возмужание; и, наконец, ум, в совершенстве пришедши, весь прилепляется к Богу и осиявается Божественным светом» (Д III – 408).

Основа молитвы по преимуществу – земля смирения. Вот почему так настойчиво учат Отцы именно ей. «Поверь мне – истину тебе говорю – если во всяком труде твоём будешь иметь при себе неотлучно мать всего доброго – молитву, то она не воздремлет, пока не покажет тебе брачного чертога и не введет тебя внутрь и неизреченной славы и радости не исполнит тебя» (митр. Феопит, Д5 – 184). Брачный чертог Царства Божия, еще здесь на земле обретаемый в сердце (*внутри вас*) – вот к чему устремляется вера, надежда и любовь святых. Эта земная наша жизнь открывается им как действительно личное счастье, как «предначание и вкушение будущего века», т.е. не только в терпении трудов подвига, но и в *осуществлении ожидаемого (Евр. 11:1)* Царства.

«Сподобившийся быть причастником ее (искренней веры), восходит в любовь к Богу и ею делается совершенным в ведении Бога, и входит в

покой Его, *почив и сам от всех дел своих, якоже и от своих Бог (Евр. 4:10)* (преп. Никита Стифат, Д5 – 165).

«Причащаться Господа в таинстве Тела и Крови можно только в определенные времена, – пишет преп. Никодим Святогорец, – кто как может и как усердствует, не более, однако же, одного раза в день. Внутренно же, в духе причащения Ему можем сподобляться каждый час и каждое мгновение, т.е. пребывать, по благодати Его, в непрестанном общении с Ним, и, когда благоволит Он, сердцем ощущаешь сие общение. Причастившись Тела и Крови Господа, Его Самого, по обетованию Его, приемлем, и Он вселяется в нас со всеми благодатями Своими, давая и сердцу, к тому готовому, ощущать сие. Истинные причастники всегда бывают вслед за причастием в осязательном благодатном состоянии. Со сладостью вкушения Господа ничто сравниться не может; почему ревнители, ощутив оскудение ее, спешат восстановить его в силе, и когда восстановят, чувствуют, что как бы снова вкушают Господа. Это и есть причащение Господа духовно. Оно имеет, таким образом, место между одним и другим причащением Его в Тайнах святых... оно есть дар благодати. От нас только жаждание сего дара, и алкание и усердное взыскание» (Н – 233, 234, 235).

Царство Божие твердо верующие и тщательные приобретают и в настоящей жизни внутри себя, в своей душе и сердце, по сказанному в Евангелии: *Царство Божие внутри вас есть (Лк. 17:21)* (от. Амвросий Оптинский, А – 48). «Будем непрестанно искать Царства Небесного внутри сердца. И конечно, таинственно обречем внутри себя самих и зерно, и бисер, и квас, и все другое (Мф. 13:31, 45, 33, 44), если очистим око ума своего. Сего-то ради и Господь наш Иисус Христос сказал: *Царство Божие внутри вас есть (Лк. 17:21)*, разумея чрез то пребывающее внутри сердца Божество» (преп. Филофей Син., Д III – 454, 455). «Благ Царства, сущего внутри нас, миролюбивое око не видело, и честолубивое ухо не слышало, и на сердце, лишенное Духа Святого, не восходило то. Они суть залог благ, какие имеют быть дарованы праведным в будущем Царстве Христовом. Кто не наслаждается здесь сими плодами Духа, тот не может сподобиться наслаждения ими и там» (св. Илия-пресвитер, Д III – 484).

«Когда ум получит свободу, тогда отъемлется средостение, различающее его от Бога. По умерщвлении в нас греха, отпадает и тяжесть, и слепота, и все, что утесняло душу; чувства, доселе умерщвленные и плодоприносившие смерть, встают в здравии и непобедимости; ум как бы обвит освящением и упокоивается в нетлении; освободившись от всех

возмущений, он субботствует, жительствует в другом, новом веке, углубленный в рассматривание предметов новых и нетленных» (преп. авва Исаия. От. 231).

«Когда ум в своем обращении направится всецело к Богу, тогда он бывает в младенчески безмолвном устроении... и вкушает неизреченного и сверхъестественного Царства Божия... Тогда мир Божий восходит в душе и на нее изливается неизреченная радость и невыразимый восторг от Святого Духа и изумление, превысшее разума, овладевает ею среди ее тайного песнопения» (преп. Каллист Катафигиот, К – 52, 55).

«Душа, с теплым рвением очищаемая подвижническими трудами, божественным светом озаряется и мало-помалу начинает узревать естественно данную ей вначале Богом красоту и расширяется в возлюблении Создавшего ее. Поколику же уясняются ей, по мере очищения ее, лучи Солнца правды, и естественная красота ее обнажается пред нею и ею познается, – потолику и она умножает труды подвижнические для большего себя очищения, чтобы чисто уразуметь славу дара, какого сподобилась, и древнее воспринять благородство и сохранить для Создателя своего образ Его чистым... И никогда не послабляет она себе и не перестает прилагать труды к трудам, пока не очистит себя от всякой не..... скверны и не соделает достойною видеть Бога и беседовать с Ним» (преп. Никодим Стифат, Д V – 147). «Что возможно нам видеть Бога, сколько видеть Его доступно человекам, послушай, что говорит Сам Христос: *блаженни чистые сердцем, яко тии Бога узрят (Мф. 5:8)*. Что скажешь ты на это? Но я наперед знаю, что ты скажешь. Скажешь: да, точно, узрят Бога чистые сердцем, но не здесь, а в будущем веке. поелику ты не веришь в те блага, какие подает нам Бог в настоящей жизни и не имеешь ревностного желания получить их себе, то и прибегаешь к мысли о будущем веке... Возможно ли в настоящей жизни сердцу стать чистым? Если возможно, то следует, что всякий чистый сердцем в настоящей еще жизни узревает Бога. Если же скажешь, что Бога узревают только после смерти, то должен сказать, что и чистота сердца бывает только после смерти. Таким образом с тобою может случиться, что не узришь Бога ни в нынешнем, ни в будущем веке. Ибо после смерти не будешь уже ты иметь возможность делать богоугодные дела, чтобы посредством их сделать сердце свое чистым» (преп. Симеон Нов. Бог., СБ. Слово 63).

«Желающий увидеть Господа внутри себя, старается очистить сердце свое непрестанным памятованием Бога; таким образом он умом своим, по причине светлости своей очей его, будет непрестанно видеть Господа...

Отечество у чистого душою внутри его. Солнце, сияющее там – свет Святыя Троицы. Воздух, которым дышат жители – Утешитель Всесвятый Дух. Совозлежащие – святые бесплотные существа. Жизнь, радость и веселие их – Христос, Свет от Света Отца. Таковой и видением души своей увеселяется, и удивляется красоте своей, которая во сто крат светлее светлости солнечной. Это – Иерусалим и Царство Божие, сокровенное внутри нас» (св. Исаак Сирин. От. 306, 307).

«Я молился о вас, да сподобитесь и вы получить того великого огненного Духа, Которого получил я... Он, когда принят будет, откроет вам высшие тайны... и будет у вас небесная радость день и ночь, и будете в этом теле как те, кои уже находятся в Царствии» (преп. Антоний Великий, Д1 – 35).

«Да потщится человек благоугодить Господу, и на самом опыте ощутительно узрит небесные блага, невыразимое наслаждение в подлинном смысле... узрит человек Духа Господня, соделавшего радованием и наслаждением достойных душ» (преп. Макарий Великий, СХХII). «Посему кто старается уверовать и придти к Господу, тому надлежит молиться, чтобы здесь еще приять ему Духа Божия... и для того было пришествие Господа, чтобы здесь еще дать душе жизнь – Духа Святого» (он же, Д1 – 197).

Царство Божие внутри вас есть (Лк. 17:21) – сими словами означает, что небесное веселие Духа Святого в душах достойных выражается явственно; ибо души сии через действенное общение с Духом Божиим здесь еще приемлют начатки того веселия, той радости, того наслаждения, которого святые в Царстве Христовом приобщаться будут в вечном свете» (он же. СХХIX).

«Надлежит нам возлюбить Господа, всемерно стараться преуспевать во всех добродетелях, неутомимо и непрестанно просить, чтобы всецело и совершенно приять нам обетование Духа Его, да оживотворятся души наши, пока еще мы во плоти. Ибо если душа в сем еще веке не примет в себя Святыни Духа за многую веру и за молитвы и не сделается причастною Божеского естества, срастворяясь благодатью, при содействии которой может непорочно и чисто исполнять всякую заповедь, – то она непригодна для Небесного Царства» (он же, Д1 – 197).

«Если ныне со многим молением, прошением с верою, молитвою, с отвращением от мира не примем в себя оной небесной любви Духа, и если естество наше, оскверненное пороком, не прилепится к любви, т.е. к Господу, и не будет освящено оною любовью Духа, и мы до конца не пребудем непорочно, во всей точности живя по заповедям

Господним, – то не возможем улучшить Небесное Царство» (он же, Д1 – 198).

«Когда не станет возмущать тебя никакая страсть, божественное же желание будет возрастать внутри тебя, в сердце твоём, когда притом не станешь ты бояться смерти, почитая ее сном... – тогда стяжешь ты, как должно, залог спасения, и Царство Небесное будешь носить внутри себя, радуясь радостью неизреченною» (преп. Феогност, Д III – 418).

«Тамошнее возустройство, имеющее быть по разрешении от тела... явственно видно бывает чрез действительное удостоверение Духа. Там – вечная радость в свете присносущном... Радость непрестающая объемлет сердца законно здесь подвижающихся и веселие Духа Святого лобызает их... Сподобившийся пришествия Утешителя здесь... упокоевается в неизреченной радости света там, где есть всех веселящихся жилище» (преп. Никита Стифат, Д5 – 160, 161).

«Когда кто соделается причастником Духа Святого и наитие Его познает из неизреченного некоего Его в себе действия и благоухания, которое ощутимо обнаружится даже и в теле, – тогда в пределах естества пребывать таковой уже не может, но, изменившись добрым изменением десницы Вышнего, забывает о пище и сне... и весь день пребывая в трудах и потах подвижнических, утомления какого-либо или какой-либо потребности естественной не чувствует... Ибо *любовь Божия с радостью неизреченною излилась в сердце его (Рим. 5:5)* и он, всю ночь в бодренном бдении проводя... бессмертною услаждается трапезою мысленною Рая, в который будучи восхищен Павел *слышал неизреченные глаголы, которые не леть есть слышать человеку, имеющему пристрастие к чувственному*» (2Кор. 12:4) (он же, Д5 – 153, 154).

«Как невеста прежде брака получает от жениха только залог обручения, так и невеста Христова – Церковь верных, и душа каждого из нас получает от Жениха Христа только обручение Духа, вечные же блага и Небесное Царство чаёт получить по исходе отсюда, будучи удостоверяема в том залогом обручения, который показывает ей все то, как в зеркале, и подтверждает несомненность получения того, на (о) чем состоялось соглашение ее с Владыкой своим и Богом» (преп. Симеон Нов. Бог., Д5 – 32).

«Сын Божий для того соделался Сыном Человеческим, чтобы нас соделать сынами Божиими... рождая нас свыше благодатию Святого Духа и тотчас вводя нас в Царство Небесное, или, лучше сказать, даруя нам иметь сие Небесное Царство внутри нас, чтобы мы не надеждою только внити в него питаюсь, но уже в обладании им быв введены, вzywали:

живот наш сокровен есть со Христом в Бозе (Кол. 3:3) (Он же, Д5 – 44).

«В мире и смирении, как в крепко огражденном рае мысленном, возрастают всякого рода древа истинной добродетели, посреди коих воздвигается царский священный чертог любви – в преддверии – как предначатие будущего века – цветет неотъемлемая неизреченная радость» (св. Григорий Палама, Д5 – 299).

«Истинная жизнь, виновница истинной и вечной жизни и для души, и для тела должна получить начало в сей области смерти. И не ревнующий стяжать ее по душе здесь да не обольщает себя пустыми надеждами получить ее там» (он же, Д5 – 281).

«Когда кто пребудет в сей собранности ума и в таком его простертии к Богу, тогда сильным самопринуждением утесняя быстротечность своих мыслей, мысленно приближается он к Богу, встречает неизреченное, вкушает будущего века» (он же, Д V – 299, 281, 325).

«Вкушает будущего века». Вне живой достоверности вкушения благодати или взыскания ее в подвиге, вера становится или обрядовым рефлексом, или фикцией морализующего ума.

Благодатная вера есть горечь очищения и блаженство познания, подвиг и благодать, ощущаемая сердцем, труд искания ее при утрате и ясная достоверность личного счастья вкусивших ее божественного вина. Она есть вера-любовь, осуществляющая хоть в малом луче – залог обречения – ожидаемое Царство Божие. Она есть крестный путь, в котором и «крестное поношение» и «крестная слава» еще здесь, на земле, подаваемая душе в меру «поношения», или – что то же – в меру любви. «О, треблаженное древо... Радуйся, Кресте, образе неописанный и многоименный, древо требогатное, страшно же и всеблаженно» (канон честному Кресту). Только благодатная вера в Воскресение ощутимо зажигает в сердце человека зарю «предвоскресения», и он получает и силу, и разум и радость для совершения подвига и несения креста.

Этому нас учат блаженные Отцы, и мы имеем величайшую практическую нужду в этом учении для жизни души. Ведь как сказал бл. авва Исаия: «С того времени, как ум вкусит Божественной сладости, – стрелы врага уже не входят в него» (От. 255). Высота их меры стяжания благодати должна только укреплять наше смирение, так как, (повторяя слова еп. Игнатия), «в недоумении и плаче предстоим мы молитвою пред заключенным входом в этот духовный чертог». Вход открывается только одним словом, исполненным в жизни: подвигом покаяния, который есть подвиг любви.

Но и вторая часть Апостольского определения веры – *уверенность в*

невидимом (Евр. 11:1) – делается теперь для нас ясней в свете учения Отцов. Мы ходим верою, а не видением (2Кор. 5:7). Мы только «уверены в невидимом», а не ищем видений, знамений и чудес, мы только как бы *видя Невидимого тверды* (Евр. 11:27). И вот именно для этой «твердости» нам так необходимо осуществление ожидаемого.

«Кто легко поверит невидимому без благодати? Кто возымеет надежду о будущем неясном, если не имел какого-либо первого опыта дарований Господа, из которых мог бы он получить удостоверение и о будущем, как о настоящем?» (преп. Феогност, Д III – 426). Для благодатной веры будущее начинается в настоящем.

«Невидимое веры» удостоверяется, по учению Отцов, опытом личного счастья в «осуществлении ожидаемого». Если кто, – пишут бл. Каллист и Игнатий, – «не в надежде только и по обетованиям будущему в толикия предлежат нам блага, но ныне воистину и делом» (Д V – 454) – как же не укрепиться вере!

«В сей области смерти» начинается блаженная будущая жизнь.

«Благодать Всесвятого Духа дается уневестившимся Христу душам как обручение или залог. И как жена без обручения не имеет твердой уверенности, что несомненно сочетается некогда с мужем, так и душа никогда не восприимет верного удостоверения, что будет вечно сопребывать с Владыкою своим и Богом., если не получит обручения и залога благодати Его и не возимет в себе сознательно Его Самого» (преп. Симеон Нов. Бог., Д V – 32).

«Да сподобит же вас Господь, – говорит Варсонофий Великий, – испить от источника премудрости, ибо те, которые пили из него, забывали самих себя, будучи всецело вне ветхого человека, и от источника премудрости перешли к иному источнику – любви, никогда не отпадающей (1Кор. 13:8); и бывши в этом состоянии, они достигли меры, превысшей рассеяния и высокоумия, сделавшись всецело ум, всецело око, всецело светлы, всецело совершенны, всецело боги. Потрудились, возвеличились, прославились, просветились, ожили; потому что прежде умерли. Веселятся и веселят: веселятся о нераздельной Троице и веселят вышния Силы. Возжелайте состояний их, теките путем их, поревнуйте вере их, приобретите смирение их, терпение во всем, дабы вам получить достояние их. Держитесь их неподобающей любви, дабы наследовать неизреченные блага, *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его* (1Кор. 2:9) (В. 94).

Послесловие

Я старался дать некоторые вводные представления о пути Отцов-подвижников, в особенности об их триедином оружии: воздержании, любви и молитвы. Ведется человек по этому пути «отеческим жезлом» страха Божия. А исходная и конечная сила, побуждающая его идти и привлекающая к нему спасительную благодать Божию – любовь к Богу и Господу Иисусу Христу. Вне этой первоисточной силы все немыслимо и все непонятно. «Вера есть начало любви» или «любовь есть источник веры». И, возрастая в благодати, вера через подвиг восходит все к той же любви, но уже совершенной и осуществляющей в душе Царство Божие. Тогда свет веры тонет в свете любви, как свет звезды утренней в восходящем солнце. *«Молюсь о том, чтобы любовь ваша еще более и более возрастала в познании и всяком чувстве» (Фил. 1:9).*

Путь Отцов есть путь непрекращающегося первохристианства, его Тайной вечери учеников Христовых. Здесь – «земля живых», здесь Пасха. Ведь Церковь верных пребывает во веки веков.

Но именно поэтому так трудно быть даже переписчиком Отцов: Землю нетления они достигали в Невидимой брани, в борьбе за нее в себе и в других. А нас одолевает смерть.

И только в надежде на их молитвы за нас, только мысленно обливая пороги их келий горькими слезами неосуществленного покаяния, находишь какой-то покой и опору, и вновь ищешь их светоносный путь.

«Нам предлежат два пути: путь жизни и путь смерти. Идущий по одному не идет по другому. Кто же идет то по одному, то по другому, тот не принадлежит окончательно к одному из двух путей, ни к ведущему в Царство, ни к ведущему в муку. Когда же он скончается, то суд над ним принадлежит единому Богу, Которого милость неизреченна» (пр. авва Исаия.От. 255).

Молитвами святых и блаженных Отцов наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас.

Приложение. О ЖИЗНИ В МИРУ

Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них.

Мф. XVIII:20

Как читать Отцов подвижников нам, мирским людям, и как их учение может войти в нашу жизнь?

Возможность достижения меры древних Отцов в их физическом подвиге, в этой внешней стороне аскетики, по мнению еп. Игнатия Брянчанинова, для нас исключается. «Жить в простой хижине, – говорил от. Амвросий Оптинский, – и не смиряться – к хорошему не приведет. Немошному душою и телом полезнее жить в удобной келье и смиряться, заирая и укоряя себя за удобство и просторную келью. Суровую жизнь могут проходить редкие и только крепкие телом, которые без вреда могут переносить и холод, и голод, и сырость, и долужение. А по слову преп. Иоанна Дамаскина, немощным телом полезнее смирение и благодарение, нежели телесные труды и подвиги, к которым они не способны» (АМ – 56). Мы можем иметь телесный подвиг только соответствующий нашим малым силам. Но, помимо этого, у Отцов есть многотомное учение о «внутреннем делании», о невидимой брани. Только пять томов Добротолюбия весят столько, что их трудно поднять. Большинство Отцов-подвижников жили в средневековьи, и начинающему их изучение может показаться, что он входит в громадный и темный средневековый лес. Невозможно не заблудиться здесь путнику, если он не найдет в нем Евангельскую тропу. В этом все дело. Вся сила, вся действенность учения Отцов, вся неумирающая власть над нами их нетленных слов в том заключается, что они, несмотря на всю их иногда средневековую сложность, – были всего только истинными и совершенными исполнителями Евангелия. В этой Евангельской тропе аскетики и есть ее магистраль. Только найдя ее, все учение Отцов откроется нам своим простым и ясным Христовым светом, и лугом духовным станет для нас средневековый лес.

С чего же начинать ее поиски? С того, чтобы возжелать ее для себя самого, с того, чтобы в себе самом положить начало Евангелия, т.е. со смирения.

Можно пояснить это таким примером. В параграфе 139 «Деятельных и богословских глав» преп. Симеон Нов. Бог. говорит: «Кто обогатился небесным сокровищем, – разумею, пришествием и вселением в него Христа, Который сказал: *Аз и Отец приидема, и обитель у него сотворим*

(Ин. 14:23), тот знает знанием душевным (опытно, сознанием, чувством), какую получил радость, коликое и каковое сокровище имеет в царских сокровищницах сердца своего. Беседуя с Богом, как с Другом друг, с дерзновением стоит он пред Лицем Того, кто обитает в нем во свете неприступном». Это параграф 139. А следующий, 140-й, преподобный начинает такими словами: «Кто верует тому, что я сказал, тот блажен. Кто деятельно подвизается посредством священных подвигов достигнуть ведения о том (опытно познать то), тот треблажен» (Д V – 50).

И вот мне кажется, что основной духовный «метод» чтения Отцов, и приложения их учения к нашей мирской жизни, заключается в том, чтобы обрести веру и блаженство, обещанной первой частью этого 140-го параграфа. «Кто верует тому, что я сказал, тот блажен». Это воистину уже много. Надо искать блаженную землю смирения веры, чтобы ноги твердо стояли на пути Христовом. Только через смирение веры бремя Христово становится легким, а многотомный груз аскетических книг – живой тропой.

«В последнем письме своем пишешь, что не находишь для себя книг для чтения, пригодного к твоему положению. Говоришь, что все книги толкуют о монашестве, а ты не монахиня. На это тебе скажу: Евангельское учение дано обще всем, и все обязаны исполнять оное. Монашество произошло от желания жить в точности по Евангельскому учению. Потому что среди молвы городской и в заботах житейских представляется большое неудобство жить в точности по Евангельскому учению, хотя и все обязаны исполнять оное» (преп. Амвросий Оптинский, АМ – 26). Смирение веры только и способно научить, как преодолевать это «неудобство» мирской жизни и исполнять Евангелие, «которое обязаны исполнять все».

Смирение веры научит нас прежде всего тому, что один философ называл «пафосом дистанции». Это совсем не значит, что мы не должны впитывать в свою жизнь драгоценнейшие практические советы отцов или не должны и в своей малой и ничтожной мере ставить перед своей жизнью все ту же единую цель, к которой устремлялись они – стяжание Бога, ссылаясь с каким-то особым лукавым лицемерием на свое «недостойнство», «слабость» и ничтожество.

Говоря о полной возможности для всех христиан истинного и действительного стяжания Бога еще в этой жизни, преп. Симеон Нов. Бог. пишет: «...те, которые услышат это, говорят: то был Павел (достигший этого). Я же говорю им на это: не был разве и Павел человек во всем нам подобострастный? Те опять отвечают: о, прегордый и самонадеянный человек... ты дерзаешь сравнить с Павлом нас, грешных! – Отвечая им на

это, не я, а сам же Апостол Павел говорит: *Христос... прииде в мир – слушайте! – грешники спасти, от них же первый есмь аз (1Тим. 1:15)*. Итак, он первый из грешников спасаемых; стань и ты вторым, стань третьим, стань четвертым, стань десятым, стань одним из тысяч и мириад спасаемых, – и сопричислишь себя к Апостолу Павлу и тем почтишь Павла, как сам он говорит: *подражатели мне бывайте, яко же и аз Христу (1Кор. 11:1)* и еще в другом месте: *хочу, да вси человецы будут якоже и аз (1Кор. 7:7)* (преп. Симеон Нов. Бог.).

Путь Отцов обнимает все меры и все недостойнства. Иметь «пафос дистанции» означает только то, что читая Отцов, нельзя терять ощущение реальности своего духовного лица, нельзя сливать себя с читаемым текстом. Наше самомнение может принять форму какой-то отвлеченности сознания. В уме четко отпечатлеваются наставления или откровения святых, а сама грешная действительность читающего начинает меркнуть в абстракции. Человек как будто искренно и с духовной радостью все воспринимает, но внутри его не «сокрушенное сердце», а какой-то речитатив чужих слов. Лучше не знать чужих слов, чем потерять свое единственное и личное слово Богу: «согрешил я, прости меня!»

И у Отцов есть наставление: если человек не почувствует, что кроме него и Бога нет в мире никого больше, – он не найдет своего пути к вечной жизни. Наверное, будет лучше из всех наставлений Отцов запомнить это единственное, чем, помня все остальные, оторваться от реальности осознания своей вины перед Богом. Не отходя никуда от сокровища учения Отцов, надо в то же время суметь как бы отойти от него к своему живому телу и душе и на губах своих почувствовать горечь их тления. И только тогда учение Отцов будет не отвлеченным речитативом, а отеческим жезлом, ведущим христианскую душу на ее узком и долгом пути.

Реализм христианства неумолим, но потому оно и есть христианство: не бумажные цветы вырастают на его поле. Надо, если так можно сказать, не столько читать Отцов, сколько исполнять их, или читать их трудом своего исполнения.

Христианство есть духовное делание, потому что оно есть истинное созидание в человеке духовного дома. Когда видишь кого-нибудь, живущего в этом, то ощущаешь себя бессильной, хоть и знающей ненужностью – рядом с творцом и художником. В духовной жизни, даже самой малой, есть шаги Божии: божественная сила. Все дело в том, чтобы не говорить, а делать, – продолжать в истории дело Христово.

«Некоторые определяют, что истиннейшее знание есть действование (по узнанной истине). Итак, старайтесь паче делами показывать и веру и

знание» (преп. Иоанн Карпаф. Д III – 87).

В Патерике есть такая запись: «Пророками написаны книги. После пророков пришли Отцы наши, совершили на деле многое написанное в пророчествах и, описав деятельность свою, оставили эти писания для наставления наследникам своим. Наступило нынешнее поколение: оно переписало эти писания на бумаге и пергаменте и положило на окна без всякого употребления» (От. 488).

Начало осознания своего греха, своей личной вины перед Богом, есть тот момент, когда человек перестает «переписывать», так как ему надо бежать из своего горящего дома. Вот тут и начинается страшная личная правда и великое искание той нетленной ткани жизни, которую, умудряемые благодатью, так искусно ткали Отцы.

Христианство есть духовность. Об этом все время напоминает аскетика. Теперь, после даже самого небольшого знакомства с ее отношением к человеческому телу, очевидно – что есть духовность. Это нечто несовместимое со спиритуализмом. Это есть перемещение всего естества человека – и тела и души – в божественный мир. Духовность есть преображение всего человека Духом Божиим. *Вы не по плоти живете, а по духу, если только Дух Божий живет в вас (Рим. 8:9)*. Мера преображения бывает разная, но не в малости меры препятствие для духовности и для приложения Отцов к мирской жизни. «Испытаем себя, возлюбленные, – пишет преп. авва Исаия, – исполняют ли каждый из нас заповеди Господни по силе своей, или нет. Ибо все мы долг имеем исполнять их по силе нашей, – малый по малости своей, великий по великости своей» (Д1 – 320).

Препятствие для духовности только в том, что мы не верим в нее и не хотим ее. *Тело смерти (Рим. 7:24)* нам дороже тела вечности, пристань тленной душевности милее духовного бессмертия. Мы все-таки никак не можем поверить, что теплота нашей руки или улыбка глаз есть теплота и улыбка вечная, или, точнее говоря, от нас теперь зависит сделать их вечными. Мы радуемся фиалке в лесу, но мы все-таки никак не понимаем, что эта радость будет всегда с нами, если мы устремимся в нетление. Словесность нашей веры в том и есть, что мы не ощущаем реальной возможности перемещения человека и твари в божественный мир.

При органическом, т.е. духовном или благодатном, а не внешнем восприятии веры, и грех будет восприниматься нами не как нарушение какой-то инструкции, а как самоубийство, как измена самому дыханию жизни, а заповеди Божии как биение сердца.

В учении о духовной жизни, т.е. о созидании в целостном естестве

человека нетленного храма для вселения Духа Божия, вся суть учения Отцов. Но для их понимания необходимо знать, что это не собственное их учение, а только опытное раскрытие Евангелия, всего того, что оставили нам Апостолы и первохристианство. В житии св. мученицы Серафимы (30 VII) мы читаем: «Игемон рече: ты ли сама, якоже глаголиши, церковь еси Бога твоего?» Серафима отвеча: понеже помощию Его себе непорочну соблюдаю, поистине Его Церковь есмь. Глаголет бо наше Писание: *вы есте церкви Бога жива и Дух Божий живет в вас* (1Кор. 3:16). «Храните плоть вашу, как храм Божий» (св. Игнатий Богоносец, ВЧ – 162).

Поэтому говорить о применении учения Отцов в современной мирской жизни, о его приложении к нам, это то же самое, что говорить о сохранении вообще христианства в миру. Христианский путь в истории всегда знал и знает, как сохранять свою верность Богу, не уходя из мира. Христианство в миру сохраняется в отречении от мира греха и в перемещении себя в духовную жизнь. «Чадце духовное! – читаем мы в одном письме от Амвросия Оптинского, – пишешь, что у тебя в настоящее время господствуют в душе три чувства: первое чувство – усиливающееся желание хорошей истинно-христианской жизни и любви к Богу и частое влечение к внутренней молитве, вследствие чего, конечно, есть любовь и желание внутреннего монашества; наружное же тебе еще недоступно... Находясь в таком положении, держись строже и точнее Евангельского учения» (АМ – 27). Отречение от мира, при жизни в этом же мире, есть, конечно, «внутреннее монашество» или «монастырь в миру». Его закономерность есть общая закономерность христианства, стремящегося к тому, чтобы голос мирского тления не заглушил голос Божий, призывающий в нетление. Обмирщение в человеке и в церкви есть погружение в тело смерти (Рим. 7:24), с забвением о «теле вечности», – начало всех падений человека и всех церковных ересей, центральная измена христианскому делу. Характерно, что именно «необмирщенность» Отцы считают одним из первых признаков духовности, т.е. стяжания Святого Духа. «Крестившиеся в Духе Святом облеклись во всего Христа, стали сынами света и ходят в невечернем свете, видя мир, не видят и, слыша мирское, не слышат... Они мертвы для мира, и мир мертв для них» (преп. Симеон Нов. Бог., Д V – 60).

«Христиане – люди иного века, иного града, потому что Дух Божий пребывает с душами их... Мы, будучи еще на земле, имеем жительство на небесах, как обитатели и граждане одного мира» (преп. Макарий Великий, Д1 – 241, 265).

Монастырь в миру есть борьба со своим обмирщением. Монастырь в

миру есть то, чтобы, спускаясь в туннели метро, помнить Недреманное Око. Он есть то, чтобы Саровский лес возрос в пустыне души, в то время как человек окружен всем шумом истории. Он есть память – любовь Божия, незаглушаемая этим шумом, Он есть сокровенная духовная жизнь.

Но что есть или чем был монастырь видимый или исторический? Монастырь не в миру, а за монастырской стеной был или есть, со стороны его взыскания человеком, откровенное и светлое признание этим человеком своей немощи, невозможности спастись без этих высоких стен, отгораживающих его как-то от заразы общечеловеческого тления, т.е. в своем историческом бытии он был логическим выводом смирения, не полагающегося на свои силы и, в то же время, ищущего полноты божественного познания и любви.

Когда ставится вопрос о созидании «монастыря в миру», с этого же светлого, т.е. истинного смирения надо и начинать строить его невидимые стены. «Не угрюмничайте», – неоднократно повторял еп. Феофан Затворник тем лицам, которых он учил духовной жизни в миру (ФП – 169, 229). Смирение не может «угрюмничать», так как оно есть, как учили Отцы, – предтеча любви. В любви, смирении и отречении от мира греха есть духовный путь христианина, живущего в мире, питающего себя Евангелием и вразумляющего себя всем богатством учения Отцов. Монастырь в миру собственно был всегда. Наша духовная эпоха только с особой силой о нем тоскует, так как изнемогает в обмирщении. Еще св. Тихон Задонский писал: «не обольщайся богопознанием и богопочитанием нынешних христиан, у которых на языке исповедание Бога, а в сердце безбожие» (От. 446). Монастырь в миру – это не какой-то особый или новый вид «угрюмничанья», а только все то же Евангелие в миру, все та же единая Евангельская тропа. *Дух дышит, где хочет (Ин. 3:8).*

Когда умирал св. Пафнутий, он сказал: «Богу угодны не столько тот или другой род жизни, сколько чистота и расположение сердца».

Историк Руфин передает такой рассказ об этом святом: «Достигши высоты ангельской жизни, он однажды просил Бога указать ему – с кем сравнился он из угождающих Ему. И предстал ему Ангел Господень. «Ты подобен одному скомороху, который в соседнем селении промышляет своим искусством» (Р – 78, 83).

Подобные же откровения о мирских праведниках мы находим в житиях Макария и Антония Великих.

«Однажды блаженный Антоний молился в келии своей, и был к нему глас: «Антоний! Ты еще не пришел в меру кожевника, живущего в

Александрии». Услышав это, старец встал рано утром, и, взяв посох, пошел в Александрию. Когда он пришел к указанному ему мужу, муж этому крайне удивился, увидев у себя Антония. Старец сказал кожевнику: поведай мне дела твои, потому что для тебя я пришел сюда, оставив пустыню. Кожевник отвечал: не знаю за собою, что б я сделал когда-либо и что-либо доброе. По этой причине, вставая рано с постели моей, прежде нежели выйду на работу, говорю сам в себе: все жители этого города, от большого до малого, войдут в Царство Божие за добродетели свои, а я один пойду в вечную муку за грехи мои. Эти же слова повторяю в сердце моем прежде, нежели лягу спать. Услышав это, блаженный Антоний отвечал: поистине, сын мой, ты как искусный ювелир, сидя спокойно в доме твоём, стяжал Царство Божие».

О другом вразумлении великого Антония рассказывается так: «Св. Антоний сподобился такого откровения в пустыне: есть в городе некто подобный тебе, искусством врач, который избытки свои отдает нуждающимся и ежедневно поет с Ангелами Трисвятое» (Д1 – 138, От. 39_40).

«Говорят, слышал я, будто невозможно навькнуть добродетели без ухода в даль и убежания в пустыню, – пишет преп. Никита Стифат, – и удивлялся, как вздумалось им неопределимое определять местом. Ибо если навьк в добродетели есть восстановление сил души в первобытное благородство, это не со вне приходит в нас, как нечто вводное, а прирождено нам от сотворения, и чрез это входим мы в Царствие Небесное, которое внутри нас есть, – по слову Господа, – то пустыня излишня, когда мы и без нее входим в Царствие чрез покаяние и всякое хранение заповедей, – что возможно на всяком месте владычества Божия, как поет божественный Давид: *благослови, душе моя, Господа на всяком месте владычества Его!* (Пс. 102:1, 22). «О том-то и сокрушаюсь, – говорил св. Иоанн Златоуст, – что благоустроенное поведение и целомудрие почитается приличным одним монахам, тогда как Христос дал общие для всех законы. Блаженства, изреченные Христом, обещаны не одним монахам. Если бы в брачном состоянии невозможно было исполнять того, что требуется от монахов, то погибло бы все и добродетели не осталось бы места в мире. Если иные находят для себя препятствие в брачной жизни, то пусть знают, что препятствием служит им не брачная жизнь, а свое произволение, во зло употребляющее брачную жизнь» (ВЛ – 179).

«Если Христос дал общие для всех законы» – общую закономерность и обязательства духовной жизни – то очевидно, что всякий христианин – и

монах и мирской – должен быть «иноком», гражданином иного, божественного мира, который по мере своих сил, и по мере своего стяжания Царства Божия, которое «внутри нас».

«В пустыне кто живет или в монастыре, или в миру содевает свое спасение – всякому неотложный закон: очистить сердце свое от страстей» (еп. Феофан Затворник, ФП – 218).

Преп. Симеон Нов. Бог. рассказывает об одном знакомом ему мирском юноше из Константинополя. «Этот юноша, – говорит он, – ни постов долгих не держал, ни на земле не спал, ни власяниц не носил, ни из мира не выходил телесно, а только духовно (душевным расположением), и с небольшим бдением, которое совершал, явился высшим дивного оногo Лота, бывшего в Содоме... Однажды, когда он стоял на молитве, и говорил умом паче, нежели устами: «Боже, милостив буди мне грешному», – внезапно низошло на него свыше божественное осияние пресветлое и исполнило все то место. Тогда забыл уже юноша сей, что находится в комнате, потому что во все стороны виделся ему один свет... Забыл он тогда весь мир и исполнился слез и радости неизреченной»... (Д V – 494, 492).

Дух дышет, где хочет (Ин. 3:8), и «побеждаются естества уставы», когда в сердце человека божественная любовь. Ведь из слов преп. Симеона мы видим, что этот мирской юноша не только нес подвиг молитвы мытаря, т.е. истинного смирения, но и «духовно вышел из мира» в поисках любви Божией.

«Своего рода мироотреченность обязательна и для мирян», – говорит еп. Феофан Затворник (Д1 – 154). Только в мироотреченности доказывается любовь к Богу. Но если мироотреченность не только возможна, но и обязательна для мирян, значит и божественная любовь, т.е. полнота христианства предполагается возможной для человека, живущего в миру.

«Должно то одно иметь, чтобы достигнуть любви к Богу всем чувством и с полным удостоверением сердечным... в ком действует сие благодатию Божиею, тот, живя в мире, чужд бывает мира» (бл. Диадокх, Д III – 31).

Говоря о препятствиях или трудностях сочетать жизнь в миру с жизнью духовной, преп. Симеон Нов. Бог. одновременно признает: «Желающий творить добро получает от Бога силу творить оное во всяком месте: и среди мира, и в безмолвии» (Д5 – 497). Также относится к этому и св. Григорий Палама. «Жизнь в девстве гораздо исполнимее и малотруднее жизни брачной», – говорит он, имея в виду, конечно, трудность сочетания брачной жизни с жизнью всецело в Боге. Но он же добавляет: «Можно и в

супружестве живущим достигнуть такой чистоты, но весьма с большой трудностью» (Д5 – 285, 283, 284).

«Есть три условия, которые если кто соблюдет, то может жить и между людьми и в пустынях, и куда ни пойдет, а именно: укорять себя, оставить волю свою позади себя и почитать себя ниже всей твари» (преп. Варсонофий Великий, В – 131). Он же сказал, что стяжавший «истинный плач с умилением... вовсе не уязвляется бранию, если он будет и среди людей и даже с блудницами» (ДII – 584).

Очень трудно, но *вся возможна верующему* (Мк. 9:23), если вера его истинная, т.е. действующая в любви к Богу, в смирении перед Ним и в отречении для Него от зла мира, – вот к чему сводятся мысли Святых о возможности истинно христианской, т.е. духовной жизни людей, живущих в миру. «Пишете вы, что среди мира и семейства чрезвычайно трудно отрешиться от земного. Действительно, оно трудно. Но Евангельские заповеди даны людям, живущим в мире, ибо тогда не было ни монахов, ни монастырей» (преп. Амвросий Оптинский, АМ – 163).

Конечно, только сила Божия, совершаемая в немощи, может преобразить мирскую или семейную жизнь в домашнюю церковь. Но в том, что это возможно, заключается великая радость всеобъемлющей полноты христианства. Вся широта жизни уместается на его узком пути. Кто был членами Апостольской церкви, теми, которым Апостол говорил: *Вы храм Божий и Дух Божий живет в вас* (1Кор. 3:16)? Монахи ли в длинных черных одеждах и с четками в руках? Это были все: и жены, и мужья, и девствующие и находящиеся в браке, не знавшие еще ни четок, ни даже наших икон и воздевавшие свои чистые руки к Тому, Кто судит намерения сердечные, а не одежду. Конечно, и тогда «блаженнее», как сказал Апостол, было оставаться в девстве, потому что иначе в заботу о Боге будет врываться забота о семье. Но все дело в том, что это опять-таки не колеблет всеобщности вторично сказанного Апостолом и вторично обращенного и к женатым и к неженатым слова: *Тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои* (1Кор. 6:19). Этот факт Апостольского обращения решает все: перед обоими видами человеческого существования открыта дверь к преображению. Для находящихся в браке, так же, как и для девствующих, эта дверь в словах: *и вы не свои*. «Мы не свои, но Того есмы, Кто едино сотворил нас Собою чрез бессмертную трапезу» (преп. Никита Стифат, Д5 – 151). Не только первохристианские аскеты, но и находящиеся в браке должны были понять, что они *не свои*, а Божьи, что закон отречения от мира греха есть закон и для них, во имя стяжания общего для всех Царства

Святого Духа. Какая-то внутренняя кость, скрепляющая человека, с миром, должна быть «перебита» и для мирских. Не свои – это значит, что *имеющие жен должны быть как неимеющие (1Кор. 7:29), ибо проходит образ мира сего (1Кор. 7:31)*. В будущем веке не женятся и не посягают (Мф. 22:30), и вступление человека в брак еще не выводит его за границы образа мира сего. Но если вступившие в брак будут осуществлять в себе его таинство в общей для всех сокровенной во Христе жизни, тогда и они будут жить духовно, т.е. в Духе Божиим. *Ибо явилась благодать Божия, спасительная всем человекам (Тит. 2:11)*, и рабам и свободным, и женатым и девствующим. Перерастание «образа мира сего» есть стяжание благодати в духовности жизни. Поэтому весь вопрос об истинно христианской жизни в миру может быть сведен к общему закону христианства: *только чистые сердцем... Бога узрят (Мф. 5:8)*. Чистота достигается подвигом.

Св. Дмитрий Ростовский, вслед за св. Исидором Пелусиотом, пишет: «Каждый должен хранить свою чистоту, как девствующие – девственную, и вдовствующие – вдовственную, так и состоящие в супружестве должны непорочно хранить супружескую чистоту, чтобы быть чистым храмом Святого Духа. Перед Богом как чистота несостоящих в супружестве похвальна, так и супругов честна; та славна, но и эта имеет свою особенную славу, по слову Апостола: *ина слава солнцу, ина слава луне, а ина слава звездам (1Кор. 15:41)* (И. – Слово на Успение).

Я в моей жизни видел несколько раз эту «особенную славу» христианского брака, и это для меня было воистину видением звезд.

«Спрашивали меня миряне, – пишет св. Иоанн Лествичник, – как мы, живя с женами и оплетаясь мирскими попечениями, можем коснуться совершеннейшей христианской жизни?» Я ответил им: все доброе, что только можете делать, делайте... Если так будете поступать, то недалеко будете от Царствия Небесного» (ДП-492).

Женатый ученик преп. Серафима – Мотовилов – был «недалеко от Царствия Небесного», когда соучаствовал с преподобным в озарении Святым Духом Божиим в Сарове зимой 1831 года и когда ему были сказаны преподобным Серафимом такие слова: «Что же касается до того, что я монах, а вы мирской человек, об этом думать нечего: у Бога взыскуется правая вера в Него и Сына Его Единородного, за что и подается обильно свыше благодать Духа Святого»... «Господь равно слушает и монаха, и мирянина простого христианина, лишь бы оба были православными и оба любили Бога из глубины душ своих, и оба имели в него веру, хотя яко зерно горушно (Мк. 4:31)» (он же, С – 22, 24).

Все сводится к любящей вере, к вере, действующей любовью, которая делает и людей, живущих в мире, чуждыми мира и перемещающими себя в божественный мир. Такие люди «по великой любви свободу свою поработили Богу» (бл. Диадокх, ДП – 12), и уже не боятся мира, как всецело живущие в Том, Кто сказал: *держайте, (яко) аз победих мир* (Ин. 16:33). Для этих людей и невозможное делается возможным, и далекое Царство Божие близким и радостным огнем. Когда я знаю, что были или есть такие люди, тогда и моя жизнь становится мне легка и благословенна и, слыша прощение Божие, неудержимо идешь по этой земле святой.

«Божия снисхождения огонь устыдился в Вавилоне иногда. Сего ради отроцы и печи радованною ногою, яко во цветнице ликующе пояху: благословен еси Боже Отец наших» (Крестопоклонная суббота, ирмос 8 гласа).

Содержание

Путь Отцов Сергей Иосифович Фудель	1
Глава I. ПЕРВОИСТОЧНАЯ СИЛА	3
Глава II. О СТРАХЕ БОЖИЕМ	26
Глава III. О ПОДВИГЕ И БЛАГОДАТИ	37
Глава IV. О ВОЗДЕРЖАНИИ И МОЛИТВЕ	55
Глава V. О ЛЮБВИ	105
Глава VI. О МОЛИТВЕ	123
Глава VII. ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ОЖИДАЕМОГО	150
Послесловие	169
Приложение. О ЖИЗНИ В МИРУ	170